Risen Legion. Великое наследие

Роман

Содержание

Пролог. Закрытая книга 4

Глава I. Два наследника 8

Глава II. Красный принц 25

Глава III. Легат Третьего 37

Глава IV. Чужой мир 50

Глава V. Во имя Единства 64

Глава VI. Илладиум 76

Глава VII. Цена победы 93

Глава VIII. К реке Илле 106

Глава IX. Илла 121

Глава X. Мор-Цоре 139

Глава XI. Долгая война 154

Глава XII. Первый Падший 168

Глава XIII. Толленград 182

Глава XIV. Перед дорогой 196

Глава XV. Столетний мир 209

Глава XVI. Последний шаг короля 224

Глава XVII. Когда пал Сенат 241

Глава XVIII. Брат против брата 259

Глава XIX. Десять знамён 275

Глава XX. Накануне 289

Глава XXI. Восставший 301

Глава XXII. Драевиль 317

Глава XXIII. Каменные слёзы 333

Глава XXIV. Корона Власти 347

Глава XXV. За последним знаменем 365

Пролог. Закрытая книга

Орк затянул ремень на Кодексе и положил книгу на сухой край стола. Гость следил за его руками. Старик дважды пытался попасть язычком пряжки в старую дырочку, сердился, наконец справился и поднялся к очагу. Подкинул дров, подвигал кочергой угли. После долгого рассказа эти звуки казались неприлично громкими.

У хозяина было широкое морщинистое лицо; длинная серая борода спускалась на грудь двумя косицами. Тяжёлые кисти почти скрывали пряжку, а грубая коричневая одежда собиралась складками на согнутых локтях.

— Ты сказал: другая история, — напомнил Гость.

— Сказал.

— Значит, знаешь её.

Орк присел возле очага. Вода в закопчённом котелке давно выкипела наполовину; он долил из кувшина, и на огонь пролилось несколько капель. Гость отодвинул пустую кружку. В хижине стало прохладнее. Пока они говорили о людях, которым уже не мог помочь ни один человек у этого стола, дождь за стеной успел прекратиться, а затем снова начаться.

— Если хочешь продолжить, помоги мне с поленом. То, которое под лавкой. Сам не нагнусь.

Гость достал короткое сырое полено. На коре осталась паутина; он стёр её ладонью, принёс дерево к огню и только теперь заметил, что хозяин стоит, опираясь обеими руками на кочергу. Предложить помощь он не успел. Орк перехватил древко, переступил больной ногой и вернулся на своё место.

Короткие чёрные волосы Гостя растрепались. На худом загорелом лице темнела щетина; серые глаза внимательно следили за каждым движением старика.

— Я не тороплю тебя, — сказал Гость.

— Торопишь. И правильно. Только кружку подай.

Старик высыпал в котелок травы. Запах дыма смешался с горьким паром. Гость поставил обе кружки поближе и помог отнести горячую воду к столу. Теперь между ними лежала книга, стояло питьё, за дверью продолжалась ночь; всё было так же, как до рассказа, но уходить стало труднее.

— Их отец сумел остановиться, — произнёс Гость. — Хоть на время. Почему они не могли просто сохранить то, что получили?

Орк взял кружку, согрел о неё пальцы.

— Ты говоришь «просто», потому что видел конец. Они жили раньше тебя.

— Для этого и нужны люди, которые помнят. У них были его друзья.

— Были.

— Дороги, законы, армия. Ты сам перечислял.

— Всё осталось. Наутро никто не разобрал мосты.

Гость провёл ладонью по лицу. Он сердился на спокойствие старика, хотя тот ещё не стал ни с кем спорить.

— Тогда расскажи, в какой день они решили всё погубить.

Орк отпил слишком горячей воды, поморщился и поставил кружку.

— Такого дня не было. И ты не услышишь его, сколько бы ни просидел здесь.

Гость хотел ответить, но хозяин потянулся к книге, и он замолчал. Однако Орк лишь проверил, не намокла ли кожа там, куда брызнула вода, и подложил под Кодекс сухую ткань.

— Ты больше не будешь читать?

— Здесь имена. Часть — рукой их отца. Часть появилась позже. А то, что происходило в караульне, у двери темницы или за столом двух братьев, приходилось искать у людей. У тех, кто вернулся. У тех, кого вернувшиеся помнили.

— И все говорили правду?

— Нет.

Ответ прозвучал так буднично, что Гость недоверчиво посмотрел на старика.

— Тогда откуда ты знаешь, что сказал один другому?

— Не знаю каждого слова. Если двое спорили, а один потом пересказал спор, до тебя дойдёт уже его рассказ. Я собирал случившееся. Сверял дорогу, время, людей. Там, где остался поступок, а слова исчезли, рассказываю так, чтобы ты понял поступок. Я не стоял с пером возле каждого умирающего.

Последнюю фразу он произнёс, глядя на собственную руку. Чернила въелись в борозды возле ногтей. Гость вспомнил вопрос, на который хозяин так и не ответил: где он был в день смерти Владиславия? Можно было спросить ещё раз. Но прежде требовалось понять, почему сам Орк так долго собирал эти чужие жизни.

— Ты их оправдываешь?

— Кого?

— Сыновей.

Орк повернул кружку ручкой к себе.

— Я ещё ничего тебе о них не рассказал.

Гость подвинул лавку ближе к столу. Ножка скрипнула по половицам. За стеной хлестнул ветер, в очаге загудело, и новый дым потянулся сначала в комнату, затем нашёл путь в трубу. Старик переждал кашель. Гость молча подал ему воду.

— Начни с утра, — попросил он. — С того, что было после похорон.

Орк поправил на колене край одеяла.

— Хорошо. С утра. В Драевиле тогда открыли ворота вовремя. Люди ждали жалованья, хлеба, разрешения проехать дальше. И у каждого был человек, к которому он привык обращаться. Только одного такого человека во дворце уже не было.

Глава I. Два наследника

Первым Трост услышал скрежет во дворе. Слуги снимали с ворот крепления, на которых висело погребальное полотнище. Один стоял на лестнице, второй держал её у основания, третий собирал в охапку тяжёлую ткань. Вчера под нею проходили люди с открытыми головами. Теперь ткань тянула работника к земле, и он досадливо просил товарища не бросать второй конец.

Трост лежал одетым. Он вернулся после похорон, сел на постель, собираясь снять сапоги, и так заснул, привалившись к стене. Шея затекла; рубаха сбилась под ремнём. Умываясь, он увидел на запястье тёмную полоску и стал тереть её, прежде чем понял, что это след от вчерашней тесной манжеты, а не кровь.

Чёрные волосы сбились у Троста на затылке. Линией густых бровей и скул он походил на отца; серые глаза внимательно смотрели из-под нахмуренного лба. Под помятой рубахой угадывались крепкие сухие плечи человека, привыкшего к седлу и оружию.

В коридоре возле покоев отца стояли два гвардейца. Прежде Трост проходил между ними, не замечая ни оружия, ни лиц. Сегодня он остановился. Дверь была закрыта. Из-под неё больше не тянуло запахом трав, которые Фавий велел держать возле постели.

— Что там делают?

— Пока ничего, господин.

Гвардеец был старше Троста лет на десять. Ночью он, вероятно, не сменялся: под глазами лежали тёмные тени, подбородочный ремень натёр щёку. Трост потянулся к двери, но убрал руку.

Под краем шлема виднелись коротко остриженные тёмные волосы; на загорелом подбородке за ночь проступила щетина.

— Когда вас сменят?

— По распоряжению начальника караула.

— Я спросил когда.

Солдат посмотрел прямо перед собой. Из соседнего прохода появился его начальник и поспешил навстречу, придерживая меч, чтобы ножны не стучали о косяки.

У начальника были широкие щёки и короткие усы, уже тронутые сединой.

— Прикажете убрать пост, ваше высочество?

Трост уже хотел сказать, что да, у пустой комнаты незачем держать людей, но глянул на закрытую дверь. Он не знал, что осталось внутри, кто будет разбирать вещи и что следовало сделать с бумагами. Вчера обо всём заботились старшие; сегодня любое простое действие обнаруживало край другого, незаконченного дела.

— Сначала смените их. Потом найдите Аврела.

— Он в нижней приёмной. Ожидает вас.

Трост пошёл туда, не успев поесть.

На лестнице ему встретился дворцовый распорядитель с дощечками в руках. За ним двигались двое служителей, тащивших скамью. Завидев старшего сына императора, распорядитель велел им остановиться и поклонился.

Приглаженные русые волосы распорядителя не выбились даже на лестнице; дощечки он держал длинными тонкими пальцами.

— Казначейские люди спрашивают, чью печать ставить на выдачу. Вчера выдачу отложили, но сегодня пришли семьи караульных и мастеровые. Есть распоряжения покойного государя, однако они просят подтверждения.

— Кто просит?

— Выдающие, ваше высочество. Чтобы после не отвечать.

Служители держали скамью на весу. Один перехватывал руки, второй смотрел через плечо распорядителя, стараясь не показать раздражения.

— Поставьте, — сказал Трост.

Они облегчённо опустили ношу.

— Деньги есть? — спросил он.

— Это следует узнать у казначея.

— Тогда узнайте. И скажите людям, что придёт ответ.

Распорядитель склонился ещё ниже. Трост понял, что сказал почти то же самое, что им, вероятно, говорили со вчерашнего утра.

В приёмной Октавий стоял у окна и разговаривал сразу с двумя людьми. Алый камзол он надел поверх траурной рубахи; воротник был застёгнут криво. На столе лежали несколько печатей. Младший указывал на них, словно вещи спорили с ним о праве быть полезными.

Волосы младшего горели закатной рыжиной даже у тусклого окна. Глаза, цвета вишнёвого мёда, выделялись на светлом лице; линией рта и подбородка он всё больше напоминал мать.

— На приказе есть подпись отца. Он назначил эту выдачу до болезни. Почему нельзя исполнить?

— Можно, ваше высочество, но общий порядок после…

— Какой общий порядок запрещает отдать заработанное?

Аврел сидел сбоку, с прямой спиной, и слушал. Увидев Троста, поднялся. Тут же встали писцы, а человек возле Октавия повернулся к старшему брату с таким облегчением, что младший осёкся.

Каштанового в коротких волосах Аврела осталось меньше, чем седого. Широкий подбородок и серые глаза

сохраняли прежнюю строгость; он держался прямо, не опираясь на стол, хотя поднялся медленнее, чем когда-то.

— Мы как раз ждали вашего решения, ваше высочество.

Трост подошёл к столу.

— Октавий уже сказал: исполнить приказ.

— Стало быть, от вашего имени?

— От имени того, кто отдал его. Деньги выдайте сегодня.

Октавий резко сдвинул бумаги, освобождая край стола для подписи. Аврел остановил его ладонью.

— Сначала прочтём, что подтверждаем.

Они прочли. Оказалось, что речь шла о двух выдачах из разных кладовых и одна действительно не могла начаться: старший хранитель ключей уехал встречать задержавшийся обоз. Аврел отправил за его заместителем, велел отделить готовую выдачу от спорной и продиктовал краткое подтверждение от имени Сената. Это заняло меньше времени, чем предшествовавшие объяснения.

Когда люди вышли, Октавий расстегнул верхнюю пуговицу.

— Если бы ты пришёл позже, они до вечера говорили бы мне одно и то же.

— Они и мне сказали бы.

— Нет. При тебе встали.

Трост не ответил сразу. Аврел собирал листы, оставляя братьям возможность услышать друг друга без его помощи.

— Ты мог позвать меня, — сказал старший.

— Чтобы разрешить выплатить жалованье?

— Чтобы я не спал, пока ты со всем этим сидишь.

Октавий отвёл глаза. Он тоже спал мало. От бессонной ночи веснушки на его побледневшем лице стали заметнее, а рыжие волосы лежали жёсткими спутанными прядями. Трост хотел поправить ему воротник и не сделал этого: возле двери уже появился слуга.

Рилнборт пришёл без церемониального плаща. В дороге он привык к простому тяжёлому сукну и во дворце носил его всякий раз, когда удавалось не обидеть хозяев. Теперь хозяев было двое, оба смотрели на него слишком серьёзно, а хозяина, который смеялся над этой привычкой, уже похоронили.

В волосах и загнутых усах короля рыжина уступила седине. На широком лице глубже легли складки, но светлые серо-голубые глаза смотрели на братьев с прежней уверенностью.

— Вы ели? — спросил король.

Братья переглянулись.

— Значит, нет. Пойдёмте. Аврел, с вас хватит этих бумаг хотя бы на час.

— Не на час, — возразил Аврел. — Но до заседания время есть.

* * *

Завтрак подали в маленькой комнате, из которой была видна дорожка к фонтану. В большом зале ещё убирали после поминок. Рилнборт разрезал хлеб сам; Октавий отодвинул нетронутую миску, затем, поймав взгляд короля, придвинул обратно.

— Сколько ты пробудешь? — спросил Трост.

— До коронации, если позволите. Потом домой. Мои люди и так решили, что без меня управляются лучше.

Он попытался сказать это привычным тоном, но улыбка не удержалась. Король налил воды, оставил кувшин между братьями и продолжил уже без шутки:

— У вас сегодня станут спрашивать о вещах, в которых вы никогда не разбирались. Не отвечайте на всё сразу. Владис тоже не отвечал.

— От него ждали, — сказал Октавий.

— От него ждали ещё дольше, чем от вас. Потому он и научился различать, кто может подождать.

За окном слуга убирал листья из чаши фонтана длинным черпаком. Вода шла тоньше, чем летом; осенний воздух уже пах влажной землёй. Трост смотрел на низкий бортик. Когда-то Октавий поскользнулся там, пытаясь перебраться по наружному краю, и Трост схватил его за ворот. Младший тогда разозлился: он хотел допрыгнуть сам, а старший выставил его ребёнком перед отцом. Сейчас Трост помнил главным образом, как тяжело было удержать мокрую ткань.

— Сенат предложит мне престол, — сказал он.

Рилнборт отложил нож.

— Ты старший.

— Я знаю, сколько мне лет.

Октавий поднял голову. Трост услышал резкость собственного голоса и опустил глаза к хлебу.

— Простите.

— Не за что, — ответил король. — Но возраст ты знаешь, а что с ним делать, ещё нет. Поэтому и спросил.

— А ты что предложишь?

Рилнборт посмотрел на обоих.

— Не заставлять меня выбирать за вас. Я ваш друг и гость. У меня своя корона, и с нею хватает хлопот. Императором этой страны станет тот, кого вы признаете по вашему порядку.

Октавий вдруг потянулся к брату через стол и положил возле его руки маленький кусок хлеба, который старший машинально крошил, вместо того чтобы есть.

— Ты хотел в Третий ещё при нём, — сказал он.

— Хотел.

— Я не стану запрещать.

Фраза повисла над столом. Младший заметил это первым. Он покраснел, хотел поправиться, но Трост остановил его:

— А если я останусь здесь?

— Тогда останешься.

— И что будешь делать ты?

Октавий сжал пальцы на краю миски.

— То, что понадобится. Я не прошу у тебя престол.

— Но ты думаешь, что справишься.

— Да.

Рилнборт не вмешался. Впервые за утро слово прозвучало без чужой подсказки и не было обращено к мёртвому отцу. Трост посмотрел на младшего внимательнее. Тот боялся, это было видно по напряжённому рту; однако не прятал страха за жалобами. Он уже пытался распоряжаться тем, что осталось, и сердился, когда его не слушали.

— Я тоже думаю, что ты сможешь, — сказал Трост. — Только я ещё не решил, что должен сделать сам.

Октавий отпустил миску. Рилнборт налил ему воды, как наливал в детстве, когда младший после долгой скачки пил слишком торопливо.

— Тогда сначала поешьте, — сказал он. — Решать натощак вы оба умеете громче, чем следует.

* * *

Возле Сената собрались люди, которым не требовалось присутствовать на заседании. Дворцовые служители ждали распоряжений, офицеры держали запечатанные пакеты, двое пожилых горожан принесли прошение и никому его не отдавали. В глубине прохода стояли солдаты Третьего. Их прислали сопровождать Аврела, и утром никто не придал этому значения. Теперь все разглядывали чёрное полотнище с белыми и широкими красными деталями, которое знаменосец держал, уперев древко в пол.

Один из офицеров выступил навстречу Тросту.

Это был широколицый ветеран с тёмными усами; край его нагрудника стёрся до светлого металла.

— Третий ждёт, ваше высочество.

Старший услышал в этих словах больше, чем было сказано. За офицером выпрямились ветераны, знавшие его мальчиком. Он учился у них, портил им оружие на упражнениях, однажды упал с коня у них на глазах и велел никому не рассказывать. Теперь их лица обещали поддержку прежде, чем он успел попросить.

Из другой двери вышел помощник начальника дворцового караула и попросил освободить проход. Знаменосец отступил, но офицер остался на месте.

Помощник был узколицым, гладко выбритым; короткие русые волосы лежали ровно под краем шлема.

— Мы здесь по вызову Аврела.

— Проход всё равно должен быть свободен.

— Для кого?

— Для государевых сыновей.

Слова были учтивыми. При этом один держал ладонь у рукояти меча, а другой заслонил грудью знамя. Трост шагнул между ними.

— Мне вы мешаете оба. Уберите людей к внешней стене. Никого больше сюда не приводить.

Офицер Третьего подчинился сразу. Гвардеец остался, пока его солдаты не освободили лестницу, и только тогда отошёл. В коридор вышел Октавий с двумя писцами. Он видел конец столкновения и остановился рядом с братом.

— Что произошло?

— Тесно.

Младший проследил взглядом за уходившим знаменем.

— Здесь всегда было тесно.

В зале Сената места оставались прежними. Аврел сел возле стола с военными бумагами, Терен принёс свёрток карт, Фавий, ещё в дорожном плаще, разговаривал с Кассием о людях, оставшихся ночевать у дворца. Кенши у окна закончил короткое письмо и засыпал чернила песком. Увидев братьев, убрал всё в сторону.

Каштановые волны у висков Терена густо поседели. Его длинное худое лицо пересекали мелкие морщины, а тонкие пальцы придерживали край карт с той же осторожностью, с какой прежде берегли последние листы лагерной бумаги.

Фавий тоже поседел: серебро проступало и в коротких тёмных волосах, и в подстриженной бороде. Широкое лицо казалось усталым, но серые глаза оставались внимательными, а руки — сильными, с крупными костяшками.

Кассий держался ровно, сохраняя военную осанку. В коротких каштановых волосах появилась проседь; на гладко выбритом лице складки у рта стали глубже, и лишь серые глаза не выдавали усталости.

У невысокого жилистого Кенши волосы теперь были почти седыми. На оливковом лице темнела короткая щетина, а острые уши и желтовато-карие глаза оставались такими, какими братья помнили их с детства.

Пустое место отца никто не занял. Это избавляло от одной неловкости и прибавляло другую: все время от времени смотрели туда, хотя обсуждать предстояло именно то, кто сядет на него впредь.

Кассий изложил порядок передачи власти. Сенат мог принять подтверждённое решение наследников, засвидетельствовать отказ старшего и признать младшего. Никакого нового закона для одного утра сочинять не требовалось. Но всякий отказ следовало произнести перед людьми и закрепить письменно, чтобы позже ни один отряд не получил повода объявить, будто истинного наследника лишили престола тайно.

— Я ещё не отказывался, — сказал Трост.

— Именно поэтому мы объясняем порядок заранее, — ответил Кассий. — Пока каждое слово можно обдумать.

Октавий стоял возле окна. Он не садился и не смотрел на брата. Тросту захотелось вывести его отсюда, на дорожку к фонтану, и поговорить без людей, которые уже готовили формулировки для их жизни. Но люди были нужны. За стенами ждали другие; им требовалось знать, чьи распоряжения выполнять и кого защищать.

— Если я принимаю престол, — спросил Трост, — кто командует Третьим?

Аврел слегка приподнял брови.

— Его легат. Император не получает вместе с короной десять пар ног, чтобы стоять во всех лагерях.

— А если я отказываюсь?

— Тогда можно обсудить твоё назначение. Отказ не даёт должности автоматически.

Фавий усмехнулся краем рта. Тросту стало легче от этой строгости: Аврел хотя бы не собирался награждать его утешением.

Терен развернул карту, но не всю, только часть с дорогами вокруг столицы.

— Через три дня придёт зерно. Через четыре уйдут смены на заставы. Нам нужен тот, кто подпишет распоряжение сейчас, и уверенность, что через неделю это распоряжение будет признано. Вы можете спорить долго. Дорога ждать не умеет.

— Никто не запрещает спорить и после коронации, — заметил Кенши. — Вопрос, кто при этом стоит за дверью.

Трост обернулся к нему. Эльф видел столкновение в коридоре или уже услышал о нём. На его лице не было обычной насмешки.

Старший сын императора вспомнил руку офицера у меча. Верность была настоящей. В том и заключалась беда: никто из этих людей не считал себя врагом семьи, которую охранял. Достаточно было поставить рядом два почётных караула, чтобы они начали делить проход к одному столу.

— Мне нужно поговорить с братом, — сказал Трост.

Но выйти сразу им не дали. Секретарь передал Аврелу записку, и тот попросил ещё немного задержаться. Во дворце ждал человек с восточной заставы: ему предстояло вернуться до ночи, а сменный приказ требовал подтверждения. Октавий раздражённо потянулся за листом, однако Аврел передал его Тросту.

— Прочти вслух. Это касается вас обоих.

Начальник заставы сообщал, что после известия о смерти государя приостановил проход вооружённых людей, следующих с союзными обозами. Он не закрывал дорогу для торговли, лишь просил подтвердить прежние разрешения. За воротами стояли двенадцать повозок с железом и зерном. Если их не пропустят сегодня, возчики потребуют платы за простой.

— Подтвердить, — сразу сказал Октавий. — Договор действует.

— Так и написано в нашем ответе, — заметил Кассий. — Но заставный начальник хочет подпись наследника. Ему мало нашего решения.

— Почему?

Секретарь неуверенно посмотрел на Аврела. Тот велел привести гонца.

Человек вошёл, придерживая снятую шапку у груди. На его сапогах засохла дорожная грязь; торопясь, он не успел очистить её у крыльца и теперь переставлял ноги, чтобы не оставить следа на светлом полу. Трост предложил ему сесть, но гонец покачал головой.

Обветренное узкое лицо гонца покраснело от тепла; из-под снятой шапки торчали короткие русые пряди.

— Что сказал начальник, когда отправлял тебя?

— Велел привезти верное подтверждение, господин.

— Он не верит Сенату?

— Верит. Только люди говорят разное. Будто будут две присяги. Он не хочет дать первую, если завтра велят давать вторую.

Октавий подошёл ближе.

— Кто говорит?

Гонец крепче сжал шапку. За его спиной были день пути, собственный начальник и двенадцать повозок, а перед ним — люди, способные превратить неосторожно повторённое слово в обвинение.

— На дороге слышал, государь. Не могу назвать.

— Он не доносчик, — вмешался Трост. — Его послали с вопросом.

— Я и спрашиваю.

— Не о том, на что ему поручено ответить.

Младший отступил к столу. Трост повернул лист, прочёл готовое разрешение и взял перо.

— Дай сюда руку, — сказал он брату.

Октавий нахмурился.

— Зачем?

— Подпишем оба. Этот приказ ещё отцовский.

Они поставили имена рядом. Кассий приложил свидетельство Сената, а Аврел велел дать гонцу свежую лошадь. Человек поклонился и вышел, всё ещё удерживая шапку двумя руками. По его облегчению было видно, чего он боялся по дороге: что вернётся вовсе без ответа, с новостью, которую никто не захочет услышать.

— Так можно подписывать всё, — произнёс Октавий после его ухода.

— До первого несогласия, — ответил Трост.

Он не хотел уколоть брата. Но два имени на одном листе уже выглядели решением, которое завтра кто-нибудь предложит повторить для армии, для казны, для каждого пограничного поста. Ему представилось, как офицер во дворе поворачивает бумагу, разглядывая, чья подпись стоит выше. Трост положил перо. Теперь он действительно был готов говорить без свидетелей.

* * *

Они вышли в узкую галерею. Внизу дворники сметали мокрые листья к решётке стока; над двором развевалось красное знамя Империи. Октавий остановился возле открытого окна. Его руки дрожали, и он спрятал их за спину.

— Я не посылал караул против твоих, — сказал он прежде, чем старший заговорил.

— Знаю.

— Тогда зачем ты так смотришь?

— Потому что они уже успели назвать их моими.

Октавий повернулся к двору.

— Аврел мог велеть им уйти.

— Велит. А завтра другие станут ждать, кого мы позовём.

Несколько мгновений младший слушал шаги за закрытой дверью. Потом спросил тихо:

— Ты думаешь, я стану с тобой воевать?

Тросту было больно даже представить, что на этот вопрос следует ответить. Он подошёл ближе.

— Я думаю, что кто-нибудь решит защитить меня раньше, чем спросит. Или тебя. Сегодня мы оба успели. Я не хочу проверять, успеем ли всякий раз.

— Значит, будешь носить это как долг? Что уступил мне ради мира?

— Если стану, напомни мне этот разговор.

— И ты послушаешь?

— Попробую.

Октавий усмехнулся, но глаза у него оставались сухими и сердитыми.

— Я не хочу получать тебя в советники навсегда. Чтобы каждый день мне объясняли, как поступил бы настоящий старший сын.

— А я не хочу сидеть у тебя за плечом. Я хочу служить в Третьем. Делать то, чему меня учили.

— Ты умеешь больше.

Это было сказано без расчёта. Трост положил руку ему на затылок и на мгновение притянул к себе, как делал прежде, когда младший возвращался с учений слишком злой, чтобы признать поражение. Октавий упёрся ладонью ему в грудь, потом обнял в ответ. Постояли они так недолго. В соседнем проходе показался слуга, увидел их и ушёл обратно.

— Не позволяй им делать из нас чужих, — сказал Трост.

— Тогда не уходи далеко.

— Лагерь за стенами. Ты знаешь дорогу.

— Ты понимаешь, о чём я.

Старший отпустил брата.

— Понимаю.

Возвратившись, он произнёс отказ без приготовленной речи. Назвал Октавия законным наследником после себя, подтвердил, что действует по своей воле, и попросил Сенат засвидетельствовать решение. Кассий заставил его повторить часть формулы точнее. Трост повторил. Потом взял перо.

Октавий подписал следом. Чернила на его имени расплылись: он слишком сильно нажал. Младший хотел взять чистый лист, однако Кассий придержал бумагу.

— Видно достаточно, государь.

Первое обращение прозвучало негромко. Октавий поднял на него глаза, словно не сразу понял, кому оно предназначалось.

* * *

К вещам отца Трост вернулся под вечер. Фавий уже разрешил убрать постель; посреди комнаты стоял сундук, пустые полки казались чужими. Аврел ждал у окна с Кодексом в руках.

— Книга должна остаться у вас, — сказал он. — У обоих. Но кому-то придётся носить её.

Октавий пришёл следом за братом. Он провёл пальцами по шершавой обложке, открыл на середине, увидел знакомый наклон букв. Некоторое время читал молча.

— Возьми в лагерь, — сказал он наконец. — Он там её и начал.

— Ты уверен?

— Если мне понадобится, ты привезёшь. Только не отдавай писцам разбирать на красивые копии.

Трост застегнул ремень. Книга оказалась тяжелее, чем он помнил: в детстве её чаще держал отец, а ему позволял переворачивать страницы. Он завернул Кодекс в чистый кусок полотна и положил в свою дорожную сумку поверх сменной рубахи. Меч висел у левого бедра; сумку пришлось перенести на другое плечо, чтобы она не билась о ножны.

Аврел наблюдал за ним.

— Приедешь к первой смене. Назначение объявим после коронации. Начнёшь с того, что разберёшь службу со мной.

— Я готов.

— Сегодня ты был готов распустить пост у комнаты, не узнав, кто принимает бумаги. Завтра приготовишься лучше.

Октавий коротко рассмеялся. Впервые за день смех не требовал от него усилия. Трост затянул ремень сумки и тоже улыбнулся.

На выходе начальник гвардейского караула поклонился Октавию, затем старшему брату. Трост остановился.

— Ваш приказ теперь изменился?

— Какой именно, господин?

— О нас.

Начальник выпрямился.

— Император Владиславий велел оберегать обоих своих сыновей. Другого приказа нам не давали.

Октавий посмотрел на Троста и первым прошёл между стражниками. Старший вышел следом. Во дворе уже горели огни; с ворот сняли последнюю полосу траурной ткани, но красное государственное знамя пока оставалось приспущенным. Братья задержались на ступенях, решая,

поужинать ли вместе. Ни одному не хотелось возвращаться одному в свою комнату.

Октавий послал слугу велеть накрыть в малой столовой. Трост понёс сумку туда. На ужине Кодекс лежал рядом с его стулом, у самой ноги, и всякий раз, когда он двигался, тяжёлый переплёт касался сапога.

Глава II. Красный принц

Корону принесли на подушке, слишком большой для головы человека, которому предстояло её носить. Октавий стоял в рубахе перед зеркалом, пока двое служителей спорили о застёжке плаща. Алое сукно тянуло назад, ремень под ним давил на рёбра. Новый император велел оставить его и взял корону сам.

У служителя, державшего застёжку, были гладкие щёки и тонкие пальцы; волосы он коротко остриг, чтобы они не падали на работу.

Вблизи она выглядела проще, чем из зала. На внутреннем ободе виднелись следы старого крепления, возле одного зубца — крохотная царапина. Золотых дел мастер предлагал убрать её, но времени после похорон было мало, а Октавий не пожелал откладывать церемонию ради вещи, которую из толпы всё равно не разглядят.

— Не поднимайте так высоко локти, государь, — попросил служитель. — Я не могу застегнуть.

Октавий вернул корону на подушку. Трост у двери незаметно улыбнулся.

— Попробуй сам, — бросил младший.

— Мне уже предлагали.

Октавий хотел рассердиться, но увидел выражение его лица и хмыкнул. Служитель воспользовался передышкой, затянул застёжку, разгладил сукно на плечах и отступил.

Вошёл хранитель регалий. Ему требовалось свидетельство нового императора на описи, которую составляли после смерти прежнего. Обычный венец уже был вынесен; печать и церемониальный пояс лежали отдельно. Последняя строка относилась к закрытому хранилищу.

Хранитель был узколицым человеком с аккуратной седой бородой; край описи ложился на его сухую ладонь почти без складки.

— Эту вещь тоже проверяли? — спросил Октавий.

Хранитель не стал делать вид, что не понял.

— Корона Власти на месте. Печати целы.

Трост подошёл к столу. Он знал о запрещённой регалии столько же, сколько брат: достаточно, чтобы не считать её ещё одним украшением, слишком мало, чтобы объяснить, зачем прежние правители вообще держали её рядом с человеческой властью.

— Покажи, — сказал Октавий.

Хранитель побледнел.

— Для этого придётся открыть внутреннее помещение. Сейчас уже ждут…

— Я не велю нести её в зал. Хочу знать, что принимаю.

Трост взял опись. Возле строки стояла старая отметка о запрете использования. Дата предшествовала последнему году отцовской болезни.

— Сегодня ты принимаешь престол, — сказал он. — Хранилище никуда не уйдёт.

Октавий посмотрел на обычную корону, потом на хранителя.

— После церемонии составишь отдельное свидетельство. Где находится, кто входит, у кого ключи. Без рассказов, которыми пугают слуг.

Человек поклонился. Запретную регалию оставили за запечатанной дверью. Служитель поднял подушку с венцом и пошёл в зал; братья последовали за ним.

* * *

У прохода к возвышению стояли представители легионов. Знамёна несли свернутыми, чтобы древки не задели своды. Трост различил чёрное полотнище Третьего и тёмно-оранжевый плащ офицера Второго. Десять частей, созданных для защиты страны, собрались здесь в нескольких рядах людей. Большинство солдат оставалось на своих дорогах и границах; оттого присяга под сводами имела смысл только в том случае, если её признают далеко отсюда.

Рилнборт занял место среди союзных гостей. Когда Октавий проходил, король склонил голову без той подчёркнутой медлительности, которой иностранцы иногда напоминали молодому правителю о собственном старшинстве. Октавий заметил это и расправил плечи.

Кассий зачитал признание Сената. Трост выступил вперёд и повторил свой отказ уже перед полным залом. Пока он говорил, младший стоял неподвижно, глядя поверх лиц. На словах о свободной воле он всё-таки повернулся к брату. Их взгляды встретились лишь на мгновение.

Потом читали присягу. Октавий отвечал ясно, иногда слишком быстро, и служитель, державший текст, вынужден был торопиться следом. Венец лёг на рыжие волосы чуть неровно. Новый император поправил его сам, прежде чем кто-нибудь успел помочь, и в зале негромко зашевелились: люди увидели живое движение под торжественными словами.

Трост преклонил колено. Камень был холодным даже сквозь сукно. Перед ним стоял семнадцатилетний брат, который когда-то прятал разбитую чашку за его спину и просил не говорить отцу; теперь ему следовало назвать

этого человека государем. Трост произнёс присягу без запинки. Октавий протянул руку и, поднимая его, сжал пальцы сильнее, чем требовал обряд.

У выхода народ теснился за ограждением. Часть пришла увидеть корону, часть — закончить дело, ради которого уже несколько дней ходила ко дворцу. Вчерашнее подтверждение выплат помогло не всем: у одной выдачи не оказалось полного списка, у другой людей развернули из-за смены часа. К сегодняшней толпе добавились семьи дальних караулов, явившиеся по слуху, будто после коронации жалованье раздадут каждому сразу.

Октавий собирался приветствовать собравшихся со ступеней. Он уже поднял руку, когда за правым краем ограждения закричали. Не торжественно, не в ответ на корону: кто-то просил перестать напирать.

Караульные закрыли низкую калитку к выдаче. Те, кто стоял впереди, пытались отступить от решётки, но задние продолжали двигаться. Женщина подняла ребёнка над плечами. Его ноги болтались в воздухе; человек рядом пытался подхватить мальчика, не имея возможности повернуться.

Из-под сбившегося платка женщины выбились каштановые пряди; мальчик над толпой казался ещё меньше в свободной рубашке.

Октавий спустился со ступеней.

Начальник охраны шагнул поперёк дороги, прикрыв его рукой.

Щетина темнела на тяжёлой челюсти начальника; подбородочный ремень лежал на старом загаре.

— Государь, здесь нельзя.

— Тогда откройте там.

— Толпа ворвётся во двор.

— Она уже давит своих. Откройте боковые ворота!

Приказ побежал вдоль ограждения не сразу. На дальнем конце видели алый плащ, но не слышали слов. Октавий сорвал с себя тяжёлую застёжку и отдал плащ первому служителю, затем потребовал коня. Коня не оказалось: для церемонии их отвели за внутреннюю стену. Младший выругался и взобрался на основание каменной тумбы, ухватившись за плечо гвардейца.

— Назад! — закричал он. — От ворот назад! Выдача будет здесь, во дворе. Всем хватит времени!

Его увидели, но дальние ряды не поняли. Толпа качнулась ещё раз. Трост уже пробирался к калитке с гвардейцами. Он велел им развернуть щиты боком и сделать проход к женщине. Сдвинуть всех сразу было невозможно; они вытаскивали по одному, и освобождённые сами начинали помогать соседям.

Ребёнка приняли через ограждение. Женщина сперва не хотела разжимать руки, потом поняла, что сможет выбраться следом, и передала сына. Трост подхватил её под локти. Она наступила ему на ногу, качнулась и почти упала, но за его спиной уже держали место двое солдат.

Тем временем боковые ворота распахнули. Караул выстроил вдоль стены узкий коридор. Вошедшие ещё теснили друг друга, не доверяя обещанию, что выдача не прекратится. Октавий спрыгнул с тумбы и пошёл к столам. Корона съехала; он снял её и отдал начальнику охраны, который принял драгоценный обод обеими руками, словно ему вручили живую птицу.

Казначейский служитель побежал навстречу.

— Государь, здесь нет порядка выдачи. Нам нужны списки, подписи...

— Сколько столов работает?

— Два, но второй нельзя открыть, пока...

— Откройте четыре.

— Деньги в запертом ларе. Хранитель должен…

Октавий схватил его за край рукава и подвёл к воротам. В проходе сидел человек с разбитой губой. Он прижимал к груди руку и пытался подняться, чтобы не потерять своё место.

— Видишь его? Если кто-нибудь ещё упадёт, пока ты объясняешь мне про ключи, будешь ждать разбора в караульне. Лично. Теперь скажи, сколько людей тебе нужно.

Служитель побелел.

— Два писца. И свидетель для вскрытия ларя.

— Будут.

Октавий отпустил его и послал гвардейца за Кассием. Через несколько минут во дворе появились дополнительные столы. Сундук вскрыли при свидетелях, деньги разделили между выдающими, а людей направили по разным сторонам в зависимости от того, к какому караулу относилась семья. Раненых отвели под навес. Трост вернулся от ограждения с разорванным рукавом и передал мальчика матери, которая никак не могла перестать благодарить его и ругать сына за то, что тот потерял башмак.

Когда двор наконец задышал свободнее, Октавий сел прямо на ступень. Кто-то принёс его плащ. Император смотрел, как перепуганный служитель торопливо раскладывает монеты, и не мог отвести глаз от этой внезапной полезности.

— Мог ведь сразу, — сказал он.

Трост опустился рядом.

— Теперь у него четыре стола, свидетели и люди.

— И страх.

Старший повернулся к нему, но Октавий уже поднялся. К ним шёл Фавий: его вызвали к ушибленным, и он хотел

знать, где взять чистую воду. Император велел открыть ближайшую дворцовую кухню для лекаря. Вопрос решился так быстро, что Трост не успел продолжить разговор.

* * *

Праздничную трапезу начали поздно. Октавию пришлось снова надеть плащ; на подкладке осталась пыль от рук служителя. Гости делали вид, что не замечают разорванного рукава Троста. Рилнборт спросил, целы ли люди у ворот, и получил ответ прежде, чем поднял чашу за нового государя.

Лизиус говорил после него. Посланник Эльфийского Совета пожелал Империи прочности и напомнил, что друзья узнаются в годы перемен. Октавий поблагодарил, но в приглашении на отдельную беседу услышал продолжение пожелания.

Высокий тонкий эльф почти не изменился за годы, прожитые братьями. Серебристые волосы были скреплены фибулой; светлые серые глаза и точёные черты лица оставались спокойными над воротом тёмно-зелёной одежды.

Они встретились вечером в комнате при зале Сената. Кенши остался по просьбе Октавия; Кассий принёс копии действующих договоров. Лизиус сел так, чтобы свет падал на его лицо, и положил рядом с собой узкий дорожный футляр.

— Совет готов подтвердить прежнее расположение, — сказал он. — Молодому престолу полезно, когда соседи произносят это публично.

— Престол тот же, — ответил Октавий.

— Государь новый. Этого никто не ставит вам в вину.

Кенши подвинул локтем лежавшую перед ним бумагу. Октавий заметил движение и удержался от резкого ответа.

Лизиус предложил обновить порядок согласования торговых караванов и союзных проходов. В его изложении всё выглядело мелкой заботой: дополнительные свидетельства, постоянные представители, предварительное обсуждение военных перемещений. Кассий задавал вопросы. Выяснилось, что предварительное обсуждение могло затянуться, а без него имперский отряд рисковал оказаться нарушителем даже на пути к общей заставе.

— Вы хотите право останавливать наши части? — спросил Октавий.

— Мы хотим право знать, куда идут вооружённые люди.

— Оно у вас уже есть.

— При Владиславии было достаточно личного подтверждения.

Октавий выпрямился.

— Моего недостаточно?

Лизиус развёл ладони.

— Ваш отец много лет доказывал, чего стоит его слово. Вы ещё не имели такой возможности.

Кенши впервые заговорил:

— Не путай возможность с обязанностью подписать всё, что ты принёс. В Кланхаре тоже умеют читать договоры.

Посланник взглянул на него с холодной вежливостью.

— Я представляю Совет. Ваше происхождение здесь не оспаривается.

— Моё происхождение не даёт тебе права говорить и за меня.

Кассий раскрыл старую копию и попросил вернуться к конкретной статье. Он предложил взаимное уведомление вместо предварительного разрешения, со сроком ответа,

после которого молчание не задерживало бы проход. Лизиус потребовал обсудить срок. Октавий слушал, чувствуя раздражение, но постепенно понял, что именно сейчас и происходило то, чем отец занимался годами: люди отступали на несколько слов, чтобы не отступать на дороге перед чужими копьями.

Он не подписал нового обязательства. Вместо этого согласился направить письменное предложение и сохранить прежний порядок до ответа Совета. Лизиус остался недоволен, но не смог назвать отказ недружелюбным.

Когда посланник ушёл, император облокотился на стол.

— Он приехал ещё на похороны с этими условиями?

Кассий убирал документы в папку.

— Возможно. Такие бумаги не составляют между завтраком и обедом.

— И вы все считаете это нормальным?

— Я считаю, что мы ему ответили, — сказал Кенши. — Ты сегодня не проиграл только потому, что не смог приказать ему выйти довольным.

Октавий посмотрел на него сердито. Эльф выдержал взгляд. При отце Кенши позволял себе говорить ещё резче; теперь младшему вдруг стало непонятно, был ли это прежний способ помогать или отказ признать перемену.

— Довольно на сегодня, — сказал император.

Сенаторы вышли. На столе осталась копия договора, раскрытая на старой подписи Владиславия.

* * *

Трост нашёл брата в той же комнате спустя час. Праздник ещё продолжался в дальнем зале, но сюда доходила лишь глухая музыка. Октавий сидел без короны. Золотой обод лежал рядом с хлебом и ножом; должно быть, император вспомнил, что почти не ел за торжественным столом.

— Твои люди получили всё? — спросил он.

— У Третьего выдача завтра. Сегодня были дворцовые караулы.

— Я знаю. Я о тех, кого ты выводил.

Трост сел напротив и отломил хлеб.

— Получили. Фавий говорит, тяжёлых увечий нет. Один сломал палец.

— Хорошо.

Октавий потёр лоб там, где давил обод. На белой коже проступила красная полоса.

— А казначейского служителя ты зачем хотел посадить?

— Я не хотел. Сказал, что посажу, если будет тянуть.

— Он исполнял порядок.

— Люди едва не задохнулись в этом порядке.

Трост не стал спорить с тем, что видел собственными глазами.

— Ты правильно сделал, что открыл двор. И столы поставил. Но ему нужны были свидетели. Он не мог сам вскрыть ларь и надеяться, что мы потом поблагодарим.

— Он мог сказать это сразу.

— Ты тоже можешь спрашивать до угрозы.

Октавий бросил нож на стол. Лезвие ударило о край тарелки.

— Сегодня меня слушали, только когда я заговорил так, чтобы стало страшно. Утром человек боялся казначея,

вечером Лизиус ничего не боялся вообще. Оба объясняли, почему я должен ждать.

— Лизиус торгуется за своё. Служитель пытался не потерять работу. Это разные люди.

— А время моё одно.

Старший доел хлеб. Он мог бы повторить отцовские слова, но они оба уже целый день слышали, каким был Владиславий и чего от них ждут в его память.

— Завтра я уеду в лагерь, — сказал он вместо этого. — После объявления.

— Аврел сказал.

— Приедешь посмотреть?

Октавий поднял глаза.

— На что? Как тебя будут приветствовать?

— Как меня будут учить. Аврел приготовил достаточно.

Младший фыркнул. Злость отступила, оставив усталость.

— Если смогу. Мне принесли ещё три прошения о старых дорогах. Все вдруг обнаружили, что им нужен новый мост именно в день коронации.

— Они и раньше просили.

— Знаю. Терен нашёл предыдущие бумаги. Он собирается показать мне каждую.

Оба засмеялись. Октавий подобрал нож, отрезал брату ещё хлеба и сам подвинул тарелку через стол.

Позже пришёл хранитель регалий с обещанным свидетельством. Октавий бегло прочёл, отметил, что доступ к запрещённой Короне Власти остаётся прежним, и поставил подпись. Обычный венец хранитель унёс на подушке. На столе, где он лежал, осталась круглая вмятина в мягкой ткани.

Трост уходил уже в темноте. За воротами выдачу завершали при лампах; измученные писцы пересчитывали

остатки, женщины расходились по двое, чтобы не идти одним через ночной город. Гвардейцы убирали временные ограждения. Один поднял детский башмак и положил на край стойки: вдруг за ним ещё вернутся.

Над воротами снова висело красное знамя на полной высоте. Трост остановился возле оседланного коня, проверяя подпругу, и увидел в освещённом окне брата. Октавий разговаривал с кем-то, быстро показывая на бумаги. Старший поднял руку. Младший заметил его не сразу, затем подошёл к стеклу и ответил тем же движением.

Наутро им предстояло заняться разными делами одной страны.

Глава III. Легат Третьего

В лагерь Трост приехал раньше, чем его ждали, и всё же оказался поздно. Первый караул уже сменился, повозки с фуражом прошли к складам, у кузницы двое солдат держали лошадь, которой перековывали заднюю ногу. Аврел стоял возле ворот и смотрел, как молодой человек спешивается.

— Ты видел смену? — спросил он.

Трост передал повод конюху.

— Нет. До сигнала ещё оставалось...

— Сигнал для строя. Караульные меняются раньше. Иначе кто будет стоять, пока остальные слушают речь?

Он не стал ждать ответа и повёл Троста между рядами палаток. На утоптанной дороге лежали мокрые полосы соломы. Ветер нёс запах дыма и варёной крупы. Новый легат бывал здесь с детства, но прежде приезжал к определённому человеку: на занятия к Аврелу, посмотреть упражнение, сопроводить отца. Теперь люди останавливались, уступали ему дорогу и ожидали, что он заметит то, мимо чего раньше проходил.

Возле кухни солдат придерживал крышку котла рукавицей. Его товарищ пытался выловить половником треснувший черепок.

— Кто разбил? — спросил Трост.

— Я, господин. Мерку уронил.

— Разлейте через ткань в другой котёл. Не кормить этим, пока не проверите.

Аврел ничего не сказал. Они прошли дальше. Трост оглянулся и увидел, что повар уже послал человека за пустой посудой. Первое его распоряжение здесь касалось завтрака, а не знамени, и это почему-то успокоило.

Объявление состоялось на плацу. Аврел зачитал назначение, подписанное Октавием и подтверждённое Сенатом. Третий сохранял старшинство по чести, добытое прежними походами; командовать прочими девятью легионами это старшинство не позволяло. Трост слушал формулу, понимая, для кого Аврел подчеркнул последнее. Среди людей, приветствовавших нового легата, были те, кто уже считал имя его отца достаточным основанием для особого права.

Тёмный доспех сидел плотно. На нём не было золотых накладок; серебряный орёл на плаще цеплялся за ветер, когда Трост повернулся к строю. Чёрные волосы он убрал со лба ремешком. Издалека он мог показаться старше двадцати, но, начав говорить, услышал собственную торопливость.

Он собирался поблагодарить людей за службу Владиславию, пообещать сохранить честь Третьего, сказать о доверии брата. Вместо этого остановился после первых слов. Перед ним стояли солдаты, которым через час предстояли работы, а речи об отце они слушали всю последнюю неделю.

— Я знаю многих из вас, — произнёс он. — Этого недостаточно, чтобы командовать. Сегодня начнём с того, чего я ещё не знаю. Приказы передаются через ваших центурионов. Жалобы — тем же путём, а если на самого центуриона, приходите ко мне. На службу выходить вовремя. После строя поесть.

В передних рядах кто-то усмехнулся. Аврел не одобрил и не осудил краткости. Он передал Тросту знак полномочий и отступил в сторону, оставляя место пустым ровно настолько, чтобы новый легат ощутил, сколько людей теперь смотрит только на него.

* * *

Фавий занимался с новобранцами у дальнего частокола. Трост сначала остановился поодаль, привыкая видеть его в строевом доспехе. Лекарская сумка осталась в палатке; руки, которые ещё недавно поправляли повязку его отцу, теперь показывали положение копья. Трост помнил эти руки с детства. Фавий лечил обоих братьев, вытаскивал занозы, перевязывал разбитые пальцы и не позволял выдавать страх за подвиг. Сам он служил солдатом задолго до того, как стал таскать раненых и учить других, как их спасать.

О возвращении в действующий Третий он попросил сам. После заседания, на котором признали Октавия, задержался с Аврелом и сказал, что здесь снова понадобятся люди, умеющие не только писать о службе. Место в Сенате за ним сохранили. Пока лагерь стоял у столицы, Фавий мог приезжать на нужные заседания; в походе следовало передавать донесения. Лечебные дела он распределил между помощниками, но сумку забрал с собой.

Трост спросил тогда, почему Фавий выбирает центурию, если может остаться возле императора. Ветеран ответил, что место возле больного отца братьев уже никому не нужно, а возле молодых солдат — нужно. Он не предлагал заменить Владиславия в их жизни. Хотел заняться работой, которую знал, и не притворялся, будто заседания могли заменить её целиком.

Ещё в Серых холмах Фавий не бросил лежачих. За это попал под ту же статью, что позднее привела Владиса в штрафной Третий. Сыновья знали историю от обоих, но Фавий рассказывал её без гордости: называл тех, кого удалось вынести, затем тех, кого не успел. Трост теперь

понимал, почему старый друг отца не считает лекарскую сумку достаточной защитой для людей. Иногда решение, кому останется место возле носилок, принимали раньше, чем появлялся раненый.

От главного плаца учебный участок отделяла полоса вытоптанной травы и неглубокая канава для стока воды. Фавий снял плащ, чтобы было видно положение рук, и держал учебное копьё у правого плеча. Перед ним шестеро молодых солдат пытались пройти между вкопанными столбами, не разрывая щитовой ряд.

Самый рослый смотрел на собственный наконечник и всякий раз обгонял соседей. Рядом с ним узкоплечий парень не успевал поднимать щит после поворота. Фавий остановил упражнение.

У рослого из-под края шлема выбивалась светлая прядь. Узкоплечий был темноволосым, с мягкими, ещё мальчишескими чертами; ремни на его доспехе стянули почти до конца.

— Куда идёшь? — спросил он рослого.

— Вперёд.

— Один?

— Они отстают.

Центурион подвёл его к столбу, поставил щитом к дереву и велел остальным пройти мимо. Парень остался зажат между деревянной опорой и движущимся строем.

— Теперь тебя обошли. Быстрее всех пришёл умирать. Хочешь повторить?

Тот покачал головой. Фавий вернул его на место и встал в ряд вместо узкоплечего.

— Смотри на плечо соседа. Не на моё лицо. Моё лицо тебе в бою мало поможет.

Они прошли между столбами, повернули, снова сомкнулись. Трост наблюдал с другой стороны канавы.

Фавий заметил его, но не прервал занятие, пока шестёрка не закончила проход. Только после этого подошёл и отдал честь.

— По приказу легата общий сбор у южных ворот после еды? — спросил он.

— Да. Хочу увидеть перестроение целиком, с обозом.

— Ночная смена тоже выходит?

Трост вспомнил подписанный утром лист. Он велел собрать всех, кого не требовалось оставлять на постах.

— Тоже. Один проход займёт немного времени.

Фавий кивнул, но остался на месте.

— Что?

— Эти люди с ночи. После упражнения я собирался дать им спать.

— Выведи их в хвост. С них и начнём отпускать.

Центурион посмотрел на плац, словно прикидывал расстояние, затем подтвердил приказ. Трост ощутил лёгкое раздражение: Аврел учил требовать ясного ответа, а Фавий отвечал ясно и всё же заставлял сомневаться. Ему хотелось увидеть легион в движении, понять, чем он теперь распоряжается. Упражнение казалось разумным началом.

Через час обоз встал у южных ворот. Две повозки изображали снабжение передового отряда, остальные должны были свернуть на боковую дорогу и вернуться за строем. Трост объяснил замысел центурионам, но опоздавшему обозному старшему передал только последнюю часть. Люди заняли места. Аврел стоял за воротами возле насыпи и молчал.

Первый поворот прошёл хорошо. Щиты сомкнулись, передние повозки двинулись между рядами. На втором участке дорога сужалась; Трост хотел проверить, как пехота освободит место для обоза под условным ударом с фланга.

Он поднял руку, дал команду перестроиться и увидел, как справа сразу смешались задние ряды.

Фавий закричал что-то своим, но скрип колёс заглушил голос. Узкоплечий новобранец шагнул туда, где по замыслу должно было быть свободно. Вместо пустой полосы перед ним оказалась оглобля. Парень отшатнулся, зацепил щитом соседа, конь шарахнулся к канаве. Возница натянул поводья. Повозка встала поперёк дороги.

— Назад колесо! — скомандовал Трост.

Четверо солдат бросились толкать. Не поняв, что именно требуется освободить, передний ряд подался назад вместе с ними. Фавий прыгнул к лошади, ухватил за узду и прижал её голову к своему плечу, не давая рвануть. Другой рукой он оттолкнул молодого солдата от колеса.

— Стой! Всем стой!

Трост повторил приказ, уже обращаясь к центурионам по очереди. Движение прекратилось. В канаве сидел парень из первой шестёрки; его ладонь была зажата краем щита, из-под ремня текла кровь.

Аврел подошёл лишь после того, как Фавий передал коня вознице.

— Кто свернул обоз? — спросил Трост.

Обозный старший поднял руку.

У обозного были широкие обветренные щёки и короткая русая борода; ладонь потемнела от дорожной грязи.

— Вы велели идти за строем.

— После второго сигнала.

— Мне сказали: за строем.

Трост открыл рот, затем закрыл. Он помнил, как торопился закончить объяснение, потому что солдаты уже стояли под ветром. Помнил и Фавия, спрашивавшего про ночную смену. Узкоплечий новобранец сидел в канаве, не жалуясь, и от этого становилось хуже.

— Людей распустить по отделениям, — сказал легат. — Ночную смену — отдыхать. Повозку вытащить без строя. С раненым пойдут двое.

Фавий отдал распоряжения. Аврел дождался, пока освободят дорогу.

— Ты хотел проверить легион, — произнёс он. — Проверил свой приказ.

Трост стиснул зубы.

— Вижу.

— Тогда скажи это им. Не мне.

Новый легат догнал центурионов у ворот. Он объяснил, где именно дал неполное распоряжение, отменил повторный проход и назначил отдельное занятие для обозных. Не попросил солдат забыть случившееся, не пообещал, что больше никогда не ошибётся. Фавий слушал, держа в руках снятую узду: на ремне обнаружилась трещина, и теперь её следовало заменить прежде, чем конь выйдет на настоящую дорогу.

* * *

После полудня Трост нашёл Фавия в лечебном шатре. Центурион успел распределить людей, передать оставшиеся упражнения помощнику и теперь занимался рукой новобранца. Рядом стоял молодой лекарь, которому предстояло вести больного дальше. Трост задержался у входа, но Фавий велел либо войти, либо отойти: он заслонял свет.

Лекарь был худощавым, коротко остриженным; из засученных рукавов выступали жилистые предплечья. Фавий продолжал проверять кисть новобранца.

— Пальцы согни. Все, не только тот, который не болит.

Парень подчинился, морщась. Фавий ощупал кисть, велел принести воду и перевязал её заново. Кость оказалась цела, но несколько дней солдат не мог удерживать оружие. Молодой лекарь смотрел внимательно; ветеран объяснил ему, что проверять утром и когда снять тугую ткань.

— На лёгкие работы, — сказал Фавий. — И не писать в ведомости, будто годен в строй. Я сам приду посмотреть.

Трост присел на свободный край скамьи. Новобранец попытался встать.

— Сиди. Я пришёл узнать о руке.

— Ничего, легат.

— Это Фавий сказал. Ты что скажешь?

Парень уставился на повязку.

— Я не понял, куда ставить ногу. Там должна была быть дорога.

— Должна. Я объяснил обозу плохо.

Новобранец поднял глаза. Ему явно стало труднее отвечать, чем если бы его бранили. Трост достал из-под скамьи упавший сапог и поставил рядом с ногой солдата.

— Центурион найдёт тебе работу на эти дни. Если рука опухнет, сразу сюда. Не жди поверки.

Фавий проводил легата наружу. Возле бочки они остановились; ветеран мыл пальцы, стряхивая воду на землю.

— Ты теперь и здесь будешь за каждого отвечать? — спросил Трост.

— Нет. Потому и оставил с ним помощника. Но эту руку я видел под колесом, хочу знать, что с ней.

— Аврел собирается приезжать каждый день.

— Аврел собирается успеть всюду. Когда не успеет, тебе придётся решить самому. И я не всегда смогу стоять рядом.

Фавий вытер руки чистой тканью. В его голосе не было утешения, которого Трост невольно ждал после неудачного

утра. Так ветеран говорил с ним и в детстве: сперва о том, что случилось, затем о том, что делать.

— Я мог покалечить его.

— Мог. Теперь сделай так, чтобы на следующем упражнении не покалечить другого. И не таскайся к нему каждый час проверять, простил ли он тебя. Он сюда пришёл служить, а не лечить твою совесть.

Фавий вернулся проверить работу помощника. Трост остался возле бочки, потом развернулся и отправился искать обозного старшего.

Они прошли весь путь утреннего упражнения пешком. Трост попросил повторить, какие команды тот услышал. На каждом повороте останавливались, разбирая, где можно увидеть знак и где его закроет повозка. В конце обозный признался, что передал возницам распоряжение ещё короче, потому что считал маршрут знакомым. Трост велел на следующий день собрать только командиров повозок и пройти заново. На этот раз без солдат, коней и желания закончить прежде обеда.

* * *

Кенши застал его за этим занятием через неделю. Эльф приехал из Сената проверить людей, которых Третьему требовалось выделить для сопровождения посланников. Его раздражало, что в бумагах значились одни люди, а у ворот стояли другие; Тросту пришлось объяснить замену заболевших.

— Объясняй тому, кто поведёт отряд, — сказал Кенши. — Мне без разницы, как зовут человека с копьём. Ему не всё равно, куда идти.

Они вместе дошли до дороги. Осень выдула последние листья из кустов, и на открытом месте ветер пробирал даже

сквозь плащ. Кенши надел перчатки; Трост заметил, что пальцы у него стали менее подвижными, чем в детстве казалось возможным для человека, который всегда выигрывал в карты.

— Ты редко остаёшься во дворце, — сказал эльф.

— Здесь легче понять, что сделал неправильно.

— Иногда. Если ошибёшься достаточно громко.

— Октавий жалуется?

Кенши остановился возле придорожного камня.

— Он спрашивает, когда ты приедешь. Это не одно и то же.

Трост обещал приехать в ближайший свободный день. Он действительно хотел увидеть брата, но каждый вечер находилось ещё дело, без которого следующий день начался бы плохо. Аврел теперь наведывался реже; его место в Сенате не оставалось пустым ради Третьего. Всё чаще легату приносили два противоречивых ответа, и никто не предлагал готового третьего.

Кенши уже садился на коня, когда из ворот выбежал посыльный. На дороге за лагерем сломалась повозка с мукой. Задняя ось лопнула у самой переправы через сточную канаву, загородив проезд; за ней скопились подводы, а к вечеру ожидалась смена пограничного сопровождения.

Трост вызвал Фавия и велел взять людей с верёвками. Потом остановил себя и уточнил: тех, кто не идёт ночью в караул. Центурион поднял глаза, но ничего не сказал.

К месту они пришли пешком. Повозка сидела боком, одно колесо ушло в грязь. Возчик ругался с человеком, пытавшимся объехать по обочине. Тот уже увяз и теперь требовал солдат, как будто они принадлежали дороге вместе с канавой.

— Сначала разгрузить, — решил Трост.

— Мешки промокнут!

— Принесите настил из задней подводы. Тот, на котором везли бочки. Муку на него. Коней отвести.

Фавий распределил людей. Сам легат вместе с двумя солдатами встал в канаву, чтобы подвести верёвку под раму. Холодная вода сразу набралась в сапоги. Повозку удалось приподнять, но сломанное колесо заклинило, и один из бойцов предложил обрубить спицу. Трост сперва отказал — колесо ещё можно было починить, — затем посмотрел на темнеющую дорогу и приказал рубить.

Освободив проход, они оттащили повозку к сухому месту. Возчик всё ещё бранился, однако уже вместе с солдатами укрывал муку. Смена сопровождения прошла мимо, когда в лагере зажгли огни.

Трост выбрался из канавы последним. На плаще серебряный орёл был залеплен грязью. Фавий протянул ему руку, помог подняться на откос, потом принялся отвязывать мокрую верёвку от кола.

— Сегодня без потерь, — сказал центурион.

— Кроме колеса.

— Колесо не обидится.

Трост засмеялся, впервые за день перестав следить, как звучит голос легата. Фавий тоже улыбнулся. Возле глаз собрались знакомые глубокие складки; в мокрых волосах особенно заметна была седина. Ветеран устал сильнее, чем показывал на плацу, и теперь хотел горячей еды, сухих портянок и места у огня. Никакой особой судьбы в этот вечер он себе не выбирал.

* * *

Первый снег застал Троста в лагере. К этому времени люди перестали оборачиваться на каждый его проход. Они отдавали честь и продолжали работу, а если легат спрашивал, отвечали о деле, иногда спорили. Это было приятнее торжественного приветствия, хотя и оставляло меньше возможности считать себя любимым без доказательств.

Октавий приехал после снегопада, когда дорожки уже очистили. Он привёз разрешение использовать пустовавший склад под зимнее жильё больных — то самое, ради которого Фавий несколько раз ездил в Сенат, оставляя занятия своему помощнику. Младший сам осмотрел помещение, задал Тереновым помощникам вопросы о крыше и велел выделить недостающую древесину. Потом попросил показать упражнения.

Фавий вывел свою шестёрку. Узкоплечий парень снова держал щит; повязку сняли, но на тыльной стороне ладони оставался розовый рубец. Солдаты прошли между столбами, повернули и сомкнулись без толчков. Октавий наблюдал внимательно, не делая замечаний ради присутствующих.

— Этот был ранен у повозки? — спросил он тихо.

Трост подтвердил.

— Мне Аврел рассказал, — добавил младший. — Не бойся, никому не велел тебя разжаловать.

— Было бы поздно. Я уже научился отличать сигнал строя от смены караула.

Октавий рассмеялся и стукнул брата кулаком в плечо. Солдаты делали вид, что не смотрят, но Фавий заметил, как расслабились люди: император и легат оставались братьями, и для этого не потребовалось новой присяги.

Вечером они сидели в небольшом помещении при легатской палатке. Октавий спрашивал, не измотал ли Фавий себя совмещением службы с лечением, как устроились остальные старые ветераны, хватит ли запасов на зиму. Трост рассказал об утренних занятиях, потом достал Кодекс из сухого сундука. Полотно, в которое он завернул книгу во дворце, теперь было потёрто на сгибах.

Младший перелистнул несколько страниц.

— Ты дописываешь?

— Пока только сверяю имена. Некоторые здесь служили ещё с ним, а я знаю их по прозвищам.

Октавий нашёл знакомую запись и долго водил пальцем рядом со строкой, не касаясь чернил. Снаружи прозвучала команда вечерней смене. Он поднял голову, прислушался и закрыл книгу.

— Хорошо здесь, — сказал он. — Всё слышно.

Трост хотел ответить, что не всё, но брат уже говорил о дороге в столицу. Ему требовалось уехать до того, как подморозит разбитую колею. Старший проводил его к воротам. Гвардейское сопровождение двинулось следом; красный плащ ещё некоторое время был виден на белой дороге.

Вернувшись, Трост застал Фавия у караульного списка. Один солдат просил поменяться с товарищем: к тому приехала жена, а разрешение войти в город действовало только до утра. Центурион проверил, кто стоит следующую ночь, и разрешил обмен. Легат прошёл мимо, не вмешиваясь. В палатке он снял доспех, открыл Кодекс на нужном месте и вписал полное имя человека, которого прежде знал только по старому лагерному прозвищу.

Глава IV. Чужой мир

На четвёртую весну после коронации Октавий открыл новый мост без торжественной речи. Дождь шёл с утра, плотники не успели убрать подпорки у спуска, а возчики, которых задержали ради приезда государя, начинали ругаться. Император выслушал Терена, прошёл до середины настила, спросил, когда снимут временное ограждение, и приказал пропустить первый обоз. Тот двинулся сразу, скрипя сырыми осями. Люди приветствовали Октавия уже с повозок, не прерывая дороги.

Трост смотрел на брата с берега. За три прошедших года младший вытянулся, перестал сутулиться под тяжёлым плащом и научился слушать доклад, не выдавая нетерпения первому встречному. Рыжую щетину он теперь тщательно сбривал; на светлом лице оставалась только старая веснушчатая полоса через нос. Если рядом оказывался человек, помнивший Владиславия, Октавий больше не ждал непременного сравнения с отцом. Он мог назвать дороги, которые починили при нём, заставы, которые снабдили вовремя, и деревни, где две зимы подряд не отбирали семенное зерно для казны.

Страна не беднела от одного его присутствия на престоле. В Третий приходили молодые люди, рассчитывавшие получить ремесло, жалованье и место после службы. Старые солдаты уходили домой живыми. Фавий провожал их за ворота, давал совет, над которым все смеялись, а вечером проверял, кто займёт освободившееся место. В походах Трост научился различать усталость, после которой стоит дать час отдыха, и ту, которой солдат объясняет собственную лень. Иногда ошибался, злился,

отменял приказ; люди привыкли, что отмена не всегда означает слабость.

Мир держался. Поэтому первые трещины в нём были похожи на обычную неприятную работу.

После моста Октавию показали задержанный обоз. Он простоял у границы союзной земли девять дней: местный начальник согласился пропустить товары, но не военное сопровождение. Купцы отказались ехать дальше одни. Пока шёл обмен письмами, испортилась часть сыромятных кож, а две лошади заболели. Теперь владельцы требовали возмещения.

Октавий опустил руку на борт повозки. Возчик, пожилой мужчина с распухшими от холода пальцами, разворачивал перед ним испорченный товар.

Русая щетина возчика уже поседела; на обветренном лице особенно светлыми казались полосы возле глаз.

— На той дороге грабят? — спросил император.

— Случается, государь. Для того мы охрану и оплачиваем.

— А их караул что делал?

— Стоял у ворот. Говорил, дальше отвечает другой.

Терен предложил договориться о передаче сопровождения на заставе: одни доводят до границы, другие принимают. Октавий спросил, кто будет отвечать, если вторые не придут. Прежде на такой вопрос отвечали именем Владиславия. Даже чужие начальники предпочитали не доводить дело до его вмешательства; теперь каждый ссылался на собственный порядок, который действительно существовал и прежде, но раньше реже мешал.

— На всех общих дорогах должен быть наш постоянный пост, — сказал Октавий. — С правом пропускать отряды, а не просить об этом всякий раз.

Терен убрал намокшую карту под плащ.

— На наших дорогах он есть.

— Я сказал: на общих.

Трост слышал разговор с другой стороны повозки. Он обошёл коня и встал рядом с братом.

— Тогда там захотят свой пост возле нашего моста.

— Пусть сначала построят такой же.

Возчик замер с кожей в руках. Октавий заметил его и смягчил голос, распорядился оценить порчу и отпустить обоз без дополнительного сбора. Терен записал решение. Люди поблагодарили, а спор братьев остался незаконченным до столицы.

* * *

Рилнборт приехал летом. Дорога далась ему тяжелее, чем на похороны: он просил останавливаться чаще, а во дворце дольше поднимался по ступеням. При этом на заседание явился точно к назначенному часу, не позволив подать себе кресло ближе остальных.

Обсуждали проходы и совместную охрану. За столом лежала карта прежнего союза. Красные отметки показывали места, где Октавий хотел разместить имперские гарнизоны. На бумаге они выглядели скромно: несколько точек, соединённых дорогами. Если соглашение будет принято, вдоль этих дорог смогут двигаться любые имперские части, не запрашивая отдельного разрешения у местных властей.

— Во время общего нападения мы просили бы об этом сами, — сказал Рилнборт. — Сейчас нападения нет.

— Чтобы его не было, мы и должны быть готовы.

— У меня есть свои люди.

— На ваших дорогах они не всегда успевают.

Король подался вперёд. Трост узнал это движение: Рилнборт так слушал важное, прежде чем начинал говорить громче.

— Если на моей земле задержали ваш обоз, я разберу задержку. Если грабят, пошлю стражу. Но постоянный чужой гарнизон не лечит мою медлительность. Он отнимает у меня право распоряжаться собственным городом.

Октавий раскрыл ладонь над картой.

— Вы говорите «чужой», словно мы уже враги.

— Я говорю «чужой», потому что он подчиняется тебе. Владис это понимал.

Император отвёл руку. По лицу было видно, что сравнение попало точно туда, куда Рилнборт не собирался целиться.

Лизиус, присутствовавший от Совета, предложил всем сторонам отложить новые размещения до согласования единого порядка. Сам порядок мог составить Совет совместно с Сенатом. Кенши сразу спросил, почему тогда в проекте Лизиуса право задерживать движение получают лишь представители Совета. Посланник ответил, что это предварительный текст. Кассий вынул другую копию, присланную двумя месяцами ранее: в ней стояла та же формула.

— У каждого предварительное там, где ему удобно, — заметил Рилнборт.

Разговор распался на отдельные споры. Купеческие представители хотели быстрой дороги; военные — ясного приказа; посланники — чтобы быстрота и ясность не становились чужим правом входить вооружёнными в их города. Октавий перебирал возражения и в каждом находил действительный изъян. Кто будет отвечать за гонца, если смена не явится? Что делать с отрядом,

который по просьбе союзника уже вышел, а следующий союзник передумал его пропускать? Сколько времени можно терять, когда на окраине горят дома?

Терен предложил начать с одного спорного участка, установить совместный караул и проверить его работу за лето. Рилнборт согласился направить людей. Посланник Дуократии потребовал сохранить за местной властью последнее слово на её земле. Октавий услышал именно это требование.

Светлые волосы посланника были убраны назад; золотые глаза смотрели поверх стола, не задерживаясь на записях.

— Тогда всё остаётся как прежде.

— Прежде оно работало, — ответил Терен.

— Прежде был отец. Теперь каждый проверяет, сколько раз можно заставить меня просить.

Аврел, до этого слушавший молча, положил ладонь на край карты.

— Не каждый отказ относится к тебе лично.

— Когда отказывают Империи, я не могу отвечать как частный человек.

Трост видел, что брат устал. За последние месяцы тот просматривал слишком много докладов о задержках, чтобы считать их совпадением, но слишком мало видел живых застав, чтобы различать чужую осторожность и намеренное унижение. Старший попросил отправить его на спорный участок с ограниченным сопровождением. Выяснить порядок на месте, дать дорогу задержанным и вернуть Сенату ответ, с которым можно работать.

Октавий согласился. Приказ составили в тот же день. В нём говорилось об обеспечении прохода и защите имперских людей. Трост потребовал вписать переговоры с местным караулом. Младший разрешил, однако первое

требование оставил без условия: проход следовало обеспечить.

* * *

Они встретились с Рилнбортом у конюшни перед отъездом короля. Дождь снова зарядил на несколько дней, и Трост помог затянуть промокший ремень на дорожном сундуке. Старик попробовал сделать это сам, не справился с тугой пряжкой и уступил без привычной шутки.

— Он считает, что я держусь за свои права из упрямства, — сказал Рилнборт.

— Октавий хочет, чтобы нас перестали испытывать.

— Нас? Значит, тебя тоже?

Трост выпрямился.

— Когда задерживают моих людей, я не радуюсь.

— Вот с ними и приезжай договариваться. А не с правом поставить солдат где угодно.

Старший сын Владиславия посмотрел на двор. У дальнего навеса конюх выводил гвардейских лошадей, вдоль стены шли служители с мешками. Всё было имперским, привычным, устроенным так, чтобы чужой гость чувствовал себя в безопасности. Представить здесь постоянный пост Рилнборта, принимающий собственные решения о проходе, было труднее, чем передвинуть отметку на карте.

— Я попробую привезти решение, — сказал Трост.

Король положил ему руку на плечо.

— Я на это и надеюсь. Только не говори за брата того, чего он потом не выполнит.

— Я не мальчик.

— Вижу. Потому и говорю с тобой, а не с твоим отцом.

Трост помог ему сесть. Рилнборт не повернул разговор к детству, не напомнил, как держал наследника на руках. Попрощался, тронул коня и выехал вместе со своими. До их следующей встречи предстояло пройти времени больше, чем Трост тогда ожидал.

* * *

Согласование поездки заняло ещё несколько недель. К заставе у дороги в Дуократию Третий пришёл не целиком. Основные силы оставались на имперской стороне; Трост взял Фавия, два отделения и людей, способных говорить от имени снабжения. Они ехали несколько дней через земли, где ранняя осень ещё не уничтожила следы благополучия: на полях убирали сено, у дорожных постоялых дворов сушили колёса, мастера ругались из-за заказов, которых было больше, чем рабочих рук. Тросту важно было видеть это. Отцовский мир продолжался здесь, а не только в речах Сената.

У пограничного подъёма дорогу перегораживал длинный брус. За ним стоял паладинский караул в закрытых шлемах. Серебро на доспехах потемнело от грязи, но жёлтые знаки на щитах виднелись издали. Имперское сопровождение обозов расположилось ниже, на утоптанном расширении. Между двумя постами застряли повозки.

Трост спешился возле переднего воза. Начальник имперцев подошёл к нему с приказом в руке, словно боялся, что без бумаги не сможет рассказать о случившемся. Паладины позволяли провести товары с местной охраной; имперский начальник отказывался сдать сопровождение. За время ожидания обе стороны успели

несколько раз объяснить друг другу, что действуют ради безопасности.

Начальник был коротко острижен, с узким загорелым лицом; от долгого ожидания на щеке отпечатался край ремня.

— Почему не отправили вперёд одного представителя? — спросил Трост.

— Отправляли. Вернулся с тем же ответом.

— Что требуется твоим людям сейчас?

Начальник растерялся. Он приготовился защищать своё решение, а не перечислять нужды.

— Вода. Место для ночлега. И пропуск, легат.

Фавий услышал первые два пункта и сразу занялся ими. Трост пошёл к брусу один, оставив меч в ножнах. Из-за щитов выступил паладин, старший караула. Говорил он глухо, голос вяз в закрытом шлеме.

Он возвышался над брусом; в тёмной прорези шлема различались золотые глаза.

— Въехать можно. Отряд оставьте здесь.

— Я приехал говорить об отряде.

— Тогда говорите.

Трост предложил совместное сопровождение до следующего поста: впереди местные, за ними обоз, имперцы замыкают и затем возвращаются. Паладин спросил, готов ли легат письменно подтвердить возвращение. Трост ответил, что готов, но не может обещать за все будущие караваны. Они договорились продолжить утром, когда приедет местный уполномоченный. Брус остался опущенным; к колодцу позволили ходить без оружия.

Это было небольшое достижение, но к вечеру у повозок варили еду, а солдаты перестали держать копья в руках во время каждого разговора. Фавий посадил своих между

обозными и недовольным имперским сопровождением. Трост послал донесение брату: проход для одного каравана возможен, постоянного права не признают, переговоры продолжаются.

Наутро прибыл не уполномоченный, а гонец с последним подтверждением императорского приказа. Его отправили из столицы ещё до того, как Трост написал вечернее донесение. Октавий не отменял разговора, но требовал не допускать разоружения или задержания своих людей. Начальник сопровождения прочёл эти строки как разрешение идти. Трост велел ждать и поехал к дальнему обозу, где заболел возчик и требовалось решить, можно ли отправлять его дальше.

Драка началась, пока легат был за поворотом.

* * *

Фавий услышал, как треснуло дерево, прежде чем люди закричали. Один из имперцев попытался поднять брус; паладин ударил щитом по его руке. Солдат отскочил, выхватил меч, сосед выставил копьё. Кто первым пустил кровь, потом рассказывали по-разному. Когда центурион добежал до передних, у основания шлагбаума уже лежал человек, а над ним толкались щиты.

— Назад от бруса! Копья вверх!

Его люди услышали. Чужое сопровождение продолжало напирать, уверенное, что пришедший Третий поддержит своих. Паладины сомкнули строй. Длинное копьё выдвинулось между щитами и вошло одному имперцу под ключицу. Тот повис на древке, мешая нападавшим и защитникам одновременно. Солдат рядом с ним рубанул по дереву. Обломок остался в теле.

Фавий схватил ближнего за плечевой ремень и оттащил вниз по склону. За спиной звякнула сталь. Второй легионер, не сумев отвести оружие, ударил паладина по открытой кисти. Жёлтый щит упал на землю, на мгновение открыв тёмную прорезь шлема, откуда вырвался болезненный крик.

Трост вернулся верхом. С коня он видел, что за брусом ещё есть место отступить, а поднимающиеся имперцы уже теснятся между двумя повозками. Если они пробьют передний ряд, следующие не успеют остановиться и ворвутся на чужую землю как победители.

— Фавий! Раздвинь повозки! Щиты поперёк дороги!

Центурион повёл своих к самой узкой части. Трост спрыгнул с коня у заднего колеса, снял с седла щит и пробрался между бойцами. Ближайшего имперца он схватил за запястье и отвёл его меч от чужих щитов.

— Приказ легата! Отойти!

— Они убили нашего!

— Я вижу. Отойти, сказал!

Второго пришлось толкнуть щитом. Человек узнал его, но продолжал смотреть на лежавшего товарища и не сразу отступил. Трост велел двоим вытащить раненого, затем поднял пустую руку к паладинам.

— Не двигаться! Мы забираем своих!

Старший караула был жив. Он стоял за правым щитом, держась за раненую кисть, и повторял своим приказ удерживать место. Трост увидел, что тот тоже пытается остановить людей, которым уже легче ударить, чем услышать.

Часть бруса лежала на земле. Фавий поставил Третий поперёк дороги ниже заставы, отрезав доступ новым имперцам. Спина к своим оказалась неприятной даже для него. Когда сзади потребовали пропустить помощь,

центурион ответил, что помощь сейчас унесёт раненых, и выделил свободный промежуток сбоку. Через него прошли люди без оружия.

Драка прекратилась не разом. На левом краю ещё били по щитам, справа кто-то пытался вернуть упавшее копьё. Трост оставался между рядами, пока последний солдат не отошёл к своим. Потом посмотрел на кровь, стекавшую в колею. Он приехал обеспечить проход. Дорога всё ещё была закрыта, но теперь обеим сторонам требовалось объяснить погибших.

* * *

К вечеру умерли двое имперцев. У паладинов тоже был убитый, которого вынесли за караульный дом; сколько раненых осталось внутри, Тросту не сказали. Местный уполномоченный всё-таки приехал и начал разговор с требования вывести имперское сопровождение. Легат мог согласиться, спасти остаток переговоров и нарушить прямое распоряжение брата — или закрепить то, что уже сделала драка.

Он выбрал второе, назвав его временной мерой.

Третий остался на нижней площадке, а к сломанному брусу выставили имперский пост. Трост обязался не продвигаться дальше до ответа властей Дуократии. Паладины получили возможность унести своего убитого и перевязать раненых; обоз пропустили только с местной охраной. Имперское сопровождение оставалось у заставы, и начальник воспринимал это как победу: его не заставили уйти.

Фавий помогал перенести погибших под навес. Рядом возчик пытался отмыть борт повозки, за который хватался

раненый. Вода из ведра становилась розовой и сразу уходила в землю.

— Мы здесь надолго? — спросил центурион.

— До решения.

— Тогда нужно больше людей. Эту смену завтра некем заменить.

Трост хотел сказать, что решение придёт быстро. Вместо этого велел запросить смену из лагеря. В донесении он указал собственное распоряжение о временном посте и отдельно написал, что начало столкновения было вызвано попыткой принудительного прохода. Начальник сопровождения просил убрать эти слова: они могли стоить ему должности.

— Они стоят двоим жизни, — ответил Трост. — Пусть останутся.

Но когда донесение читали во дворце, важнее оказались другие строки: паладины ударили имперских солдат, совместная дорога закрыта, местные власти не признают права Империи защищать своих. Октавий созвал Сенат. Трост, вернувшийся через несколько дней, рассказал о драке сам и потребовал не превращать её в основание для большой войны.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросил младший. — Уйти с поста?

Старший не ответил сразу. Он уже оставил там людей. Отвести их теперь означало признать, что он не должен был ставить их вчера.

Аврел смотрел на него, не помогая.

— Да, — произнёс Трост наконец. — Если получим подтверждённый порядок сопровождения. Можно договориться о сроке.

Октавий поднялся.

— Наши солдаты будут ждать у сломанной перекладины, пока им решают, сколько позволить пройти. Нет. Второй выйдет к границе. Переговоры продолжим, когда Дуократия увидит, что за приказом есть сила.

Кассий попросил ограничить полномочия легата: не входить в города без отдельного приказа. Император согласился. Терен потребовал заранее обеспечить снабжение, чтобы армия не начала кормиться из приграничных деревень. Октавий согласился и с этим. Решение об отправке войск стало аккуратнее, получило условия, подписи и сроки. Оттого оно не перестало быть решением отправить войска.

Трост стоял у окна, пока писец зачитывал итог. Внизу солдаты меняли караул. Три года назад он отказался от первенства, потому что не хотел столкновения верных братьям людей. Теперь его брат посылал одну часть страны заставить другую страну уступить, и Трост оставался легатом, который должен был обеспечить дорогу.

* * *

— Он мог уйти, — сказал Гость.

Орк поправлял фитиль. Свет коптил, на краю стекла легла чёрная полоса.

— Мог.

— Тогда почему ты столько рассказываешь о приказах? Он видел, куда идёт дело.

Старик поставил лампу на стол.

— Видел убитых у заставы. Видел солдат, которых сам там оставил. Думал, что удержит следующий удар, как удержал этот. Ты уже знаешь, что следующего хватит на целую войну. Он ещё надеялся закончить её до начала.

— Надеяться удобно, когда приказываешь другим.

Орк посмотрел на него внимательно.

— Да. Поэтому и запомни: пост остался по его приказу. Не только по приказу Октавия.

Гость откинулся к стене. Возразить было нечем, но легче от этого не стало. На столе лежал Кодекс, в котором когда-то записывали имена вернувшихся, а снаружи ветер шевелил дверь, будто кто-то всё ещё искал дорогу в хижину.

Глава V. Во имя Единства

В этот поход Крелд увидел Илладиум в ясный полдень, когда белые стены отражали солнце так сильно, что приходилось щуриться. Над городом высился дворцовый купол. С дороги он казался целым и лёгким, словно его можно было поднять над крышами одной рукой. Внизу, у ворот, стояли люди в серебряных доспехах.

У легата было широкое лицо, короткие тёмно-каштановые волосы и густая щетина. Карие глаза щурились от белизны стен; крепкие плечи уверенно держали доспех и тёмно-оранжевый командный плащ.

— Красиво, — сказал Санитрас.

Санитрас был суше и уже в плечах. Короткие чёрные волосы плотно лежали на голове; серые глаза следили за воротами из-под нахмуренных бровей. Над губой лежали ровно остриженные усы. Его плащ был того же командного цвета.

Легат Второго поправил ремень на плече. От долгого похода край пряжки натёр кожу, хотя под доспехом лежала сложенная ткань. После Рациуса он принял людей, привыкших к суровой службе и ясной цели; с первым они справлялись лучше, чем со вторым.

— Внутри ещё лучше.

— Бывали?

— С союзным отрядом. Нас тогда пустили без спора о том, куда ставить ноги.

Он указал на дорогу, уходившую вдоль стены. В прежний приезд там продавали горячие лепёшки, и один паладинский рекрут объяснял ему, почему у их пекарей тесто выходит лучше. Крелд спорил ради самого спора, пока оба не обнаружили, что денег хватит только на одну

лепёшку. Теперь лавок с дороги не было видно. Перед воротами срубили деревья, чтобы никто не подкрался под их прикрытием; брошенные ветви сохли в пыли.

До этого полудня война успела прожить зиму и весну. Второй вышел к границе для давления, как говорилось в первом приказе. Затем Дуократия потребовала вывести постоянные посты, Империя потребовала признать их, а охрана обозов стала сопровождением военных колонн. На одном участке задержали имперских гонцов, на другом разогнали местный караул. Зимой армии стояли по обе стороны дорог; весной снова пошли вперёд. Крелд получал всё новые разрешения на действия, которые месяц назад ему запрещали. Ни одна бумага не приказывала начать долгую войну. Каждая объясняла, почему нельзя остановиться именно теперь.

Последний приказ разрешал идти к Илладиуму, первому престолу Дуократии, и требовать принятия императорских условий под угрозой осады. Крелд намеревался остановиться у стен. Он вёз не только оружие, но и писцов с приготовленными соглашениями. Город должен был увидеть легион, оценить цену сопротивления и открыть ворота для переговоров. Так говорили люди, которые рисовали маршрут в столице. Крелд повторял это центурионам, хотя знал: стоявший перед воротами Святорыцарь скорее сломает собственное копьё, чем признает угрозу достаточным основанием уступить.

На открытом месте Второй развернулся широким строем. Чёрная кожа пехотных доспехов потемнела от пота; тёмно-оранжевые плащи командиров двигались между рядами. Санитрас отыскал глазами место, где следовало поставить обоз, и отправил людей проверить воду. Крелд велел не подходить под выстрел и сам поехал к воротам с тремя сопровождающими.

Наверху блеснул серебряный шлем. Из-за створок вышли двое без поднятого оружия. Легат спешился, чтобы говорить с ними на одной высоте земли, хотя паладины всё равно оказались выше.

— Мы пришли к вашему правителю, — объявил он.

— Он знает, кто пришёл.

— Тогда знает и условия. Я привёз возможность закончить дело до крови.

Старший паладин посмотрел через его плечо на развёрнутый легион.

— Кровь уже была на границе.

— Тем больше оснований не прибавлять.

Они взяли письмо, но не пропустили Крелда внутрь. Ответ велели ждать до вечера. Он вернулся к своим, снял перчатки и долго растирал пальцы, хотя не замёрз. Санитрас доложил, что колодец у дороги засыпан, воду придётся возить издалека.

— Значит, знали, что мы останемся, — сказал центурион.

Крелд посмотрел на белые стены.

— Знали, что мы можем остаться.

К вечеру пришёл отказ.

* * *

Первый ров копали ещё при свете. Земля под сухой коркой оказалась каменистой; железо срывалось, лопаты звенели. Солдаты, рассчитывавшие провести ночь на дороге, получили второй приказ: устраивать настоящий лагерь. Крелд объехал переднюю линию и запретил разводить огни слишком близко к стене. Никому не хотелось умирать у города, с которым утром собирались договариваться.

На третий день защитники сделали вылазку. Они ударили по работавшим у насыпи, опрокинули

незакреплённые щиты и подожгли связки хвороста. Санитрас успел подтянуть копейщиков. Бой продлился недолго, но после него перед стеной остались пятеро имперцев, которых пришлось забирать под прикрытием стрелков. Один был жив. Он лежал на спине и махал рукой, пока товарищи не добрались до него; за это время стрела попала ему в бедро.

Крелд сам стоял возле лекаря, когда раненого принесли. Тот не просил мстить. Он спрашивал, можно ли вынуть стрелу сейчас, потому что боль от каждого движения становилась нестерпимой. Легат пообещал лишнее: сказал, что можно. Лекарь поднял на него глаза, затем велел принести воду и зажимы.

Вечером Крелд уже требовал ускорить возведение укрытий. После первой вылазки стоянка перестала казаться временной. Солдаты рыли глубже, складывали камень плотнее, перестали оставлять возле костров лишние вещи. У каждого появилось место, которое он считал своим, хотя ещё неделю назад хотел уйти отсюда до следующего утра.

Илладиум перекрыли с нескольких сторон. Дороги снабжения заняли посты, мелкие тропы проверяли дозоры. Ворота, через которые прежде везли муку и вино, теперь открывались только для вооружённых выходов. Защитники рассчитывали, что имперцы устанут или не получат достаточного продовольствия; осаждавшие надеялись, что голод заставит правителя принять условия раньше, чем начнутся настоящие штурмы.

На второй неделе к лагерю вышла группа горожан. Впереди шёл человек с поднятой пустой рукой; за ним женщины, старики и двое мальчиков, толкавших тележку. На ней лежала больная. Постовой привёл старшего к Санитрасу, и тот послал за легатом.

— Хотим пройти к родным, — сказал горожанин. — У них место есть. Мы не солдаты.

Крелд потребовал осмотреть вещи. В тележке нашли мешок зерна, под ним — нож и обычные плотницкие инструменты. Никакого тайного оружия не было. Санитрас спросил, куда именно они идут, записал ответ и приготовился пропустить.

Но вслед за первой группой у ворот появилась вторая. Если выпускать всех, город избавлялся от голодных ртов, сохраняя пищу для защитников. Один из командиров напомнил об этом Крелду. Легат знал расчёт и ненавидел его простоту: чем больше больных останется внутри, тем скорее кончится осада.

Он разрешил выйти тем, кого уже осмотрели, остальных велел вернуть до согласования порядка. Женщина из второй группы начала кричать, что идёт с сестрой, которую уже пропустили. Санитрас сам нашёл сестру возле тележки и добился исключения. На большее у него не было приказа.

Когда ворота закрылись, Крелд сидел у стола и перечитывал своё распоряжение. В нём говорилось о недопущении скрытого выхода гарнизона под видом мирных жителей. Это было возможно. Это не было причиной, по которой он остановил женщин.

Он не переписал приказ. Вместо этого потребовал от писца новый список запасов и послал гонца с просьбой ускорить ответ столицы.

* * *

Ответ не мог прийти быстро. Пока гонец менял лошадей на имперской дороге, Третий удерживал другую часть пути снабжения. Трост стоял у повреждённого настила, по которому следовало провести тяжёлые повозки. Вода под опорами была неглубокой, но течение вымыло землю у крайнего столба. Теренов мастер требовал разгрузить каждый воз; обозный начальник настаивал, что задержка оставит Второй без муки.

— Без муки он останется, если первый воз унесёт мост, — сказал Трост. — Разгружать.

Фавий вывел людей к мешкам. Солдаты бранились, поднимали груз вдвоём, переносили на сухую сторону. Отдельно вели коней. Работа заняла почти весь день, и легат уже готовился выслушать недовольство следующего гонца, когда увидел повозку с ранеными.

Её не было в утренней ведомости. Возница вёз людей из-под Илладиума к ближайшему месту, где им могли помочь лучше, чем в осадном лагере. Один умер в дороге. Второй, с перевязанным бедром, лежал без сознания. Третий приподнялся при виде чёрного знамени и спросил, далеко ли ещё до имперской земли.

Трост велел сначала перевести эту повозку. Фавий возразил: настил разобран, колесо провалится. Тогда раненых перенесли на руках по укреплённому краю, а воз протянули пустым. Солдат, задававший вопрос, вцепился в плечо легата, когда его поднимали. Он был лёгким, пах лихорадкой и грязной тканью.

— Город сдаётся? — спросил Трост.

— Не знаю. Там белые стены. Утром всё белое, легат. Потом не разберёшь.

Он больше не говорил, пока его не уложили. Трост остался возле повозки, выслушал возницу и написал брату в тот же вечер. Он просил назначить предельный срок осады и возобновить переговоры до нового штурма. Письмо не было отказом служить: рядом лежало подписанное им распоряжение отправить Второму ещё зерна и людей для охраны дороги.

Фавий принёс карту. После перестановки частей у Третьего оголялся участок, по которому могли ударить паладины, выходившие из глубины страны. Трост распределил дозоры, оставил резерв и приказал не преследовать противника за пределами видимости основных сил. Он не собирался повторять ошибки, о которых слышал с детства. При этом война уже требовала от него решений, после которых хорошего выхода не оставалось: если убрать охрану с дороги, не придёт мука; если оставить, людей не хватит на соседний участок.

В ночь после отправки письма он открыл Кодекс. Долго искал знакомую запись, затем закрыл, не сделав новой. Наутро приехал человек с распоряжением ускорить переброску припасов к Илладиуму.

* * *

В Драевиле письмо Троста прочли после донесения Крелда. Перед Октавием лежали два разных описания одной осады: в первом говорилось о возможности близкой победы, во втором — о дороге, по которой уже везут раненых. Император вызвал Аврела и Кассия. С ними пришёл старший из столичных лекарей, которому поручили принимать возвращённых солдат.

— Если вывести Второй сейчас, всё останется так же, — сказал Октавий. — Только Дуократия будет знать, что достаточно продержаться месяц.

— Не всё останется, — ответил лекарь. — Людей, которых убили, уже не вернуть.

— Я именно поэтому не могу объявить, что их послали зря.

Аврел взял донесение Крелда.

— Он просит разрешения на штурм, потому что осада дорожает с каждым днём. Это не то же самое, что обещать победу.

— Что ты предлагаешь?

— Назвать условия выхода. И те условия, на которые готов согласиться сам. Не только перечислять, что должны сделать они.

Октавий прошёл к окну. На площади у памятника отцу меняли караул. Каменное лицо смотрело поверх крыш, по привычке спокойное, которой в комнате не было ни у кого.

— Если я отступлю после первого отказа, следующими будут другие. Совет потребует пропуска через нас. Рилнборт скажет, что его люди сами разберутся. Каждый решит, что может оставить нас у ворот. А когда придёт настоящая беда, они снова позовут наши легионы.

Кассий указал на карту.

— Сейчас настоящая беда находится у них под стенами.

Император обернулся. Он не закричал. В последнее время Октавий чаще удерживал голос ровным, когда хотел, чтобы сказанное воспринимали как окончательное решение.

— Закончить осаду. Правителя, командиров и гарнизон по возможности взять живыми. Город сохранить. Условия союза объявить после сдачи. Крелд получит подкрепление для занятых участков и право готовить штурм.

Лекарь потребовал отдельно направить помощь и повозки для раненых. Октавий согласился без спора. Он велел открыть для этого казённые запасы и отложить работы, которые можно перенести до осени. Забота была настоящей. Она не изменила решения, из-за которого повозок понадобилось больше.

Когда советники ушли, император написал Тросту несколько строк собственноручно. Поблагодарил за сохранённый мост, велел беречь людей и заверил, что падение Илладиума заставит противника остановиться. Потом перечитал последнее предложение, заменил «заставит» на «должно заставить» и оставил письмо в таком виде.

* * *

Второй месяц осады оказался суше первого. Пыль въедалась в края повязок, вода в бочках к вечеру нагревалась. Осадные машины передвинули ближе. Защитники били по тем, кто работал у них на глазах, и Санитрас менял людей чаще, чем позволяла усталость остальных. На белой стене расползалось тёмное пятно от ударов камня. Каждый новый скол встречали криком, словно кусок кладки уже означал шаг домой.

Крелд ходил вдоль передней линии, проверял лестницы, спорил с мастерами о ширине прохода. Солдаты слышали его смех и считали, что легат уверен. Он смеялся слишком громко, когда рассказывал, как паладинские рекруты когда-то учили имперцев держать тяжёлый щит. Одни охотно слушали, другие отворачивались: теперь под такими щитами стояли люди, убивавшие их друзей.

Санитрас нашёл командира у костра поздним вечером. Крелд держал в руках маленькую деревянную ложку,

которую ему дал один из старых солдат. На ручке были вырезаны кривые линии. Легат пытался вспомнить, где раньше видел такой узор.

— С юга, — подсказал центурион. — Их продают у дороги.

— Мне похожую дарили. Паладин. Совсем молодой был. Пальцы обжигал, пока учился есть из общего котла, не снимая перчаток.

— Зачем в перчатках?

— Мы тоже спрашивали. Он стыдился показать руки после первого боя. Думал, над ним будут смеяться.

Крелд положил ложку рядом с миской.

— Хороший был парень. Ответственный. Наши забывали пост, он будил, даже если сам только лёг. Я тогда говорил ему: такие, как ты, далеко пойдут.

Санитрас присел с другой стороны огня.

— Может, ушёл далеко.

— Может, у меня на стене стоит его сын.

Они некоторое время слушали лагерь. Где-то меняли повреждённое колесо осадной машины; люди ругались, стучали, снова пробовали сдвинуть. Крелд поднял миску, обнаружил, что еда остыла, и стал есть без жалоб.

— В зале приказ будет один, — сказал он. — Брать живыми. Если доберёмся до правителя, я поговорю сам.

Санитрас подтвердил. Ему хотелось спросить, как заставить исполнять этот приказ тех, кто уже обещал устроить городу плату за осаду. Центурион не успел: к костру подошёл посыльный с известием, что под стеной снова слышат движение.

* * *

На исходе второго месяца внешний рубеж не выдержал. Имперцы вошли в пролом не парадным строем, а небольшими группами, каждый раз цепляясь за новый угол улицы. Защитники отходили к внутренним укреплениям. Камень под ногами был скользким от воды, которой тушили пожары. Из закрытых домов кричали, когда солдаты стучали в двери, требуя показать, кто внутри.

Крелд приказал двигаться к дворцу, оставляя посты на перекрёстках. За передовыми частями вошли люди, назначенные охранять тыл и разбирать сопротивление в занятых кварталах. Солдаты быстро стали называть их карателями: они искали спрятанное оружие, задерживали тех, кто не открывал, били за выстрел из окна весь ближайший дом. Среди них были и те, кто действительно боялся удара в спину, и те, кто нашёл удобное имя для грабежа.

Санитрас увидел, как двое вытаскивают из лавки медный таз. Он велел вернуть. Один подчинился, второй начал объяснять, что хозяин убежал и добро всё равно пропадёт. Центурион поставил его к стене и оставил под надзором солдата Второго. Через четверть часа этот солдат понадобился на перекрёстке, откуда ударили по проходившей колонне. Задержанного передали тыловому начальнику. Что с ним сделали потом, Санитрас уже не успел узнать.

Крелд получил три жалобы за один проход по улице. На третью выругался и послал приказ прекратить грабёж. После этого снова повернулся к дворцу: если взять правителя, думал он, сопротивление кончится и можно

будет восстановить порядок во всём городе. Каждый новый двор, из которого стреляли, убеждал его торопиться.

У внутренней лестницы легат остановился возле убитого паладина. Шлем был смят, но не снят. Крелд велел оттащить тело с прохода, не трогая доспех. Кто-то из солдат спросил, нельзя ли посмотреть, что у них за лица. Легат так рявкнул в ответ, что вопрос больше не повторили.

Впереди ещё держались. Из верхних окон падали камни, между колоннами виднелись жёлтые щиты. Второй теснил защитников, теряя людей на каждом лестничном повороте. Бой затянулся до ночи; к утру следующего дня проход к главному залу очистили. Высокая кованая дверь оставалась закрытой.

Санитрас привёл таран. Бревно не проходило поперёк лестничной площадки, его пришлось разворачивать на руках, придерживая сверху верёвками. Солдаты скользили по ступеням, тяжело дышали, ругались. Тёмно-оранжевый край плаща Крелда был опалён у самого низа; он заметил это только тогда, когда ткань зацепилась за выступ.

Легат оторвал обгоревший лоскут и бросил под ноги.

— За дверью — без самовольства. Всех живыми. Передать назад.

Приказ повторили вдоль лестницы. Снаружи, в захваченном городе, ещё кричали. Крелд слушал, ожидая, когда люди возьмутся за таран ровнее. Потом подошёл к ним, положил ладонь на шершавое дерево и показал, кому сменить уставших.

Первый удар отозвался за дверью долгим металлическим гулом.

Глава VI. Илладиум

— Раз-два! Вы трое, помогите им! Взяли!

Приглушённый клич полководца был слышен по ту сторону двери. Таран оттянули, удерживая на верёвках, затем дружно качнули вперёд. Железо ударило в железо. От сотрясения со стены посыпалась мелкая крошка, один из солдат закашлялся, но рук не отпустил.

Удар. Ещё удар.

Санитрас стоял справа от бревна, где у двери оставалось немного места. Через каждые несколько движений он сменял передних: они держали самый тяжёлый конец и уже не могли разогнуть пальцы. Позади люди напирали на лестницу. Центурион велел освободить две нижние ступени, иначе после падения двери первые же бойцы окажутся под ногами у своих.

Крелд снял шлем, вытер ладонью лицо и надел обратно. За кованым полотном не слышалось ни переговоров, ни команд. Только после каждого удара внутри звенело что-то длинное, словно натянутая струна. Легат решил, что это брус, который держит створки, и велел целиться ниже.

— Вместе! Не каждый сам по себе!

Таран качнулся в последний раз. Крепление лопнуло с резким треском, высокая кованая дверь сорвалась и с оглушающим грохотом отлетела далеко в главный королевский зал. Край полотна пропахал светлый пол, разбил мраморную плиту и остановился почти посреди прохода.

— Вперёд, солдаты! Всех взять живыми, приказ императора!

Голос Крелда отозвался эхом между белыми блестящими колоннами. Около двух десятков пехотинцев

ворвались внутрь с боевым кличем. Первые перепрыгнули через обломок дверного крепления, следующие обошли его сбоку. Один споткнулся, поймал равновесие, задел щитом товарища и поспешил вслед за остальными.

Позади, не торопясь, шли легат и его верный центурион. Их тёмно-оранжевые плащи были потрёпаны, обожжены снизу и покрыты серой пылью. Крелд держался прямо, словно входил на смотр. Он знал, что солдаты смотрят на его спину и замечают всякое промедление.

Пехотинцы в чёрных кожаных доспехах обнаружили вооружённых людей возле трона и сгруппировались в неровное, сбившееся построение. Передние пытались отступить к колоннам, задние ещё не понимали, почему остановились. Копья упёрлись друг в друга, между щитами остались просветы.

— Имперский строй! — рявкнул Крелд, приближаясь.

Сталь ритмично лязгнула. Первые ряды сомкнули щиты и выставили вперёд полутораметровые копья. Проход от двери до середины зала заняли правильно, но дальше не двинулись. Легат уже приказал быть готовыми к атаке; люди стояли так, будто не расслышали.

— Чего стоите, как эльфийские башни?

Крелд прошёл между перепуганными подчинёнными. Солдат из первой линии повернулся к нему, не убирая копья.

— Легат, взгляните…

Командующий ускорил шаг, вырвался вперёд и замер.

У возвышения стояло около дюжины Святорыцарей. Не обычная дворцовая охрана, которой хватило бы обещания сохранить жизнь, а лучшие бойцы Королевства паладинов: люди, в чьих семьях не одно поколение воспитывали в верности королю с самого рождения. Их тяжёлые доспехи блестели серебром. Жёлтые гербы на огромных щитах

сияли в лучах утреннего солнца, пробивавшегося сквозь брешь в куполе. Каждый был по меньшей мере на голову выше среднего имперца. Сомкнув щиты полумесяцем, они полностью закрывали трон и пространство у его ступеней.

Правителя между ними не было. Пустое сиденье угадывалось сквозь узкую щель, когда один из рыцарей немного повернул плечо. Крелд посмотрел на боковую дверь возле возвышения и понял: тот, ради кого он два месяца держал город в кольце, ушёл до падения последних ворот.

В зале пахло каменной пылью и горячим металлом. Справа тянулись высокие окна; два были разбиты, в третьем ещё держалась часть цветного стекла. Слева между колоннами темнел проход в боковую галерею. Чуть впереди Крелда солнечный свет образовывал широкий неровный круг. За этим кругом стояли щиты, а за щитами — люди, которым отступать было уже некуда, даже если в здании оставались выходы.

После долгой минуты Крелд рассмеялся.

— Ну действительно, на что вы надеетесь? Город уже полностью под нашим контролем! Сложите оружие и станьте союзниками Великой Империи. Такие ребята, как вы, получают неплохое жалованье в наших южных провинциях!

Смех прозвучал слишком громко. Санитрас услышал это лучше солдат: он знал, когда командир смеётся от уверенности, а когда заставляет себя удержать прежний голос. Пока Крелд говорил, к первым легионерам присоединилось ещё около полусотни. Светлая половина комнаты потускнела за чёрной кожей доспехов, поднятыми копьями и затылками.

Легат начал разгуливать от стены к стене, понемногу приближаясь к молчаливым защитникам. Сапоги звонко

цокали по мрамору. Так ходили на параде почти все, кого он обучал: ровный шаг помогал не показывать ни усталости, ни страха.

— Ваша столица, Солнечный Город Илладиум… Два месяца мы осаждали замок, перекрыв все пути снабжения. Вы, ребята, небось изголодались вовсе?

Он коротко хохотнул, не встретив ответа, и остановился в нескольких шагах от щитов. Ему хотелось увидеть лица. Круглые шлемы оставляли мало человеческого, за что можно зацепиться словом. Крелд помнил паладинских рекрутов из прежних войн — принципиальных, неловких, ответственных, иногда до смешного прямых. Помнил друзей, оставшихся по другую сторону нынешней границы. Приказ идти в авангарде на их столицу превратил эти воспоминания в опасную слабость, однако забыть их по команде он не умел.

Возможно, под одним из этих шлемов действительно находился сын знакомого. Возможно, человек, которого он видел ещё мальчиком. Крелд не знал и не стал спрашивать: ответ мог только помешать.

Он развёл руки, показывая пустые ладони.

— Все мы устали и хотим мира. Давайте же вместе положим конец кровопролитию.

Голос смягчился. Солдаты за его спиной перестали переминаться. Санитрас тихо велел не двигаться тем, кто входил последним, и сам отступил на полшага, чтобы не заслонять командира щитом. Если переговоры удадутся, каждый из присутствующих получит возможность дожить хотя бы до вечера. Для многих это было убедительнее любого обещанного жалованья.

Щиты паладинов немного опустились. В прорезях круглых шлемов засветились ярко-жёлтые глаза. Самый статный из защитников сделал шаг навстречу легату.

Поверх его брони лежала ткань с золотым королевским гербом, отличавшая его от остальных. Он расправил плечи и посмотрел на Крелда сверху вниз.

Санитрас узнал Вельдаро Светлого, командующего Святорыцарями. В прежние годы его имя произносили рядом с рассказами о спасённых союзниках. Теперь оно означало человека, способного задержать здесь Второй ещё на многие часы.

Даже среди высоких Святорыцарей Вельдаро выделялся ростом. Сквозь прорезь круглого шлема смотрели жёлто-золотые глаза; серебряные латы и широкие плечи закрывали почти весь видимый за ним трон.

Крелд улыбнулся и протянул руку.

— Остановим убийства ради светлого будущего.

Он хорошо знал, какие слова имеют вес для паладинов, и выбирал их намеренно. При этом желания обмануть Вельдаро у него сейчас не было. Легат хотел принять оружие, поставить охрану, вызвать лекарей, добиться, чтобы люди наконец перестали хвататься за меч при виде чужого знака. Снаружи ещё шёл бой; тем важнее казалось закончить его здесь, возле трона, откуда приказ мог разойтись по всему городу.

В задних рядах легионеров возник шёпот. Его тут же погасили, но надежду было уже не скрыть. Один солдат опустил острие копья слишком низко, сосед незаметно поправил ему древко.

Вельдаро обернулся к своим. Они ждали решения, не предлагая ему удобного выхода. За спиной был пустой трон, впереди — захватчики, говорившие о мире в городе, который только что взяли силой. Согласие не возвращало погибших и не освобождало Дуократию от чужих требований. Отказ означал, что оставшиеся должны будут заплатить ещё раз.

Рыцари смотрели на него и доверяли выбор. Вельдаро медленно обвёл глазами зал, проверил боковые проходы, задержался на разбитых окнах. Потом снова посмотрел в лицо Крелду.

Латная рукавица разжалась. Паладин протянул руку для ответа.

Вокруг стало тихо. Слышалось, как где-то снаружи сыплется на землю мелкий камень. Крелд удерживал улыбку, хотя мышцы лица уже болели. По его виду нельзя было понять, что несколькими часами раньше сотни праведных людей погибли по приказам, которые он сам отдавал на лестницах и улицах. Он хотел, чтобы нынешнего добродушия хватило исправить хотя бы то, что ещё можно было исправить.

Их руки почти встретились.

Сквозь разбитое окно зал пронзил женский крик.

Женщина молила о помощи. Кричала быстро, срываясь, словно её тащили или не давали добежать до того места, где её могли услышать. Из двора донёсся мужской окрик, грохот опрокинутой вещи, затем снова её голос — ближе и отчаяннее.

Крелд узнал не женщину и не слова мужчины. Он узнал то, что уже несколько раз слышал на захваченных улицах, когда люди, пришедшие «разбирать сопротивление», начинали распоряжаться чужим домом.

— Чёртовы каратели, — процедил он сквозь зубы, сжимая пустую руку в кулак. — Не могли немного подождать...

Слова вырвались прежде, чем он понял, как прозвучат. Не обещание остановить. Не приказ защитить. Жалоба на неудобное время.

Вельдаро уже двигался.

Щит взмахнул снизу и ударил Крелда с такой силой, что легат отлетел к ближайшей левой колонне. Раздался хруст. По белому камню пошла трещина. Командир Второго рухнул на мрамор со звоном, словно с высоты сбросили груду железа.

Легионеры замерли. Несколько человек вскинули копья, другие отступили, не понимая, успели ли они получить приказ. Санитрас бросился к колонне.

Яростный голос Вельдаро наполнил зал:

— Рыцари Священной Дуократии паладинов! Империя — это захватчики! Без чести и гордости! То, с чем мы веками боролись, вторглось к нам в дом. Пришло время показать им нашу веру и научить нашей доблести! Да будет положен конец священной войне, на которую нас благословил Всевышний!

Святорыцари синхронно обнажили позолоченные палаши. Полумесяц распался, превращаясь в клин. Вельдаро встал впереди; двое прикрыли ему плечи, следующие заняли место за ними. В солнечном круге щиты казались светлее стен. Надвигающиеся люди внушали такую угрозу, что легионеры начали пятиться прежде, чем задние поняли причину.

Санитрас опустился возле Крелда. Легат дышал с хрипом, на губах выступала кровь. Центурион хотел оттащить его за колонну, но тот вцепился в ремень его доспеха и попытался подняться.

— Лежать. Легат, не надо...

Крелд оттолкнул руку, упёрся локтем в мрамор и вскрикнул от боли. Санитрас подставил плечо. Передние ряды отступали к упавшей двери, мешая новым людям войти.

— Куда вы собрались, трусливые гоблины?! — выкрикнул Крелд, выплёвывая густую кровь. — С каких пор

солдаты Второго имперского легиона начали бояться жалких святош-паладинов?!

Имперцы остановились. Изумлённые взгляды повернулись к живому командиру. Вельдаро продолжал идти. Тяжёлая броня не позволяла его людям двигаться быстро, но клин приближался ровно, щиты не открывали ни одного удобного просвета.

Крелд набрал воздуха. Санитрас почувствовал, как под его ладонью ходят сломанные рёбра.

— Солдаты! Последний приказ! Всем вступить в бой! За Империю! За Единый Материк!

Последние слова перешли в кашель. Легат обмяк на плече центуриона. Санитрас удержал голову, не давая ей удариться о пол, и закричал, чтобы принесли носилки.

Но передние ряды уже заколотили копьями по мрамору. Они слышали знакомый призыв, который помогал перед решающим ударом, и ухватились за него так же, как раненый хватался за руку товарища.

— За Империю! Единый Материк!

Кличи звучали вразнобой. Люди бросились вперёд, не успев восстановить ровный шаг. Некогда тихий тронный зал разрывался от эха. Железо звенело, мрамор трещал под сапогами и упавшими щитами.

Первая линия Второго не простояла и минуты.

Вельдаро принял ближайшее копьё на край щита, отвёл его вверх и ударил палашом под древко. Легионер упал, сосед попробовал закрыть просвет, но встретил удар второго Святорыцаря. Щиты имперцев разлетались под могучими толчками, люди отступали или падали, а задние продолжали напирать, не видя, что перед ними уже нет строя.

Один солдат оказался на коленях между двумя павшими и поднял щит над головой. Удар смял верхний край. Он

пытался ползти назад, пока товарищ не схватил его за ворот и не вытащил к колонне. На освобождённое место сразу встал другой, ударил копьём в серебряную нагрудную пластину и увидел, как наконечник скользнул в сторону.

Санитрас передал Крелда двоим, прибывшим без носилок. Те взялись под плечи и за ноги. Легат застонал, но глаз не открыл.

— Через левую галерею! На лестнице затопчут. Найдите лекаря!

Центурион задержался, пока раненого не унесли за колонны. Затем поднял свой щит и побежал к входу, откуда в зал всё ещё вливались люди. Каждый слышал крик, видел чёрные доспехи впереди и думал, что требуется только присоединиться. Никто не видел целого пространства.

— Не через середину! Вдоль стен! Освободить проход!

Его оттеснили плечом. Санитрас ударил виновника по щиту, заставил посмотреть на себя и повторил приказ. Солдат передал дальше. Новые ряды пошли по сторонам, огибая упавшую дверь, и у клина паладинов впервые появились противники не только перед остриём.

* * *

Святорыцари остановились возле солнечного круга. Дальше клин превращался бы в узкую колонну между дверным полотном и поваленными щитами. Вельдаро заметил обход, велел задним развернуться и снова сомкнуть строй, теперь почти кольцом. Имперцы, надеявшиеся ударить в спину, наткнулись на те же жёлтые гербы.

Санитрас выстроил левую группу у колонн. Отсюда можно было удерживать расстояние копьями и позволять раненым отходить через галерею. Он приказал не рубить

по щитам без нужды, искать ноги, кисти, промежутки под поднятой рукой. Люди слушали до первого удара. Потом страх заставлял их колоть в самую большую видимую цель — туда, где серебро было толще всего.

Справа кто-то привёл стрелков. Они подняли оружие, но перед ними постоянно проходили свои. Один выстрел ударил в мрамор над головами. Санитрас велел прекратить. Стрелок закричал, что может попасть, если убрать людей; люди закричали в ответ, что не собираются подставлять спину паладинам ради его удобства.

Вельдаро использовал заминку. Кольцо сдвинулось вправо, ударило в более рыхлый ряд, и имперцы покатились к окнам. Один вылетел спиной на низкий подоконник. Товарищ успел схватить его за ремень, но получил палашом по плечу и выпустил. Снаружи раздался короткий крик.

Левый край паладинского построения открылся на несколько шагов. Санитрас повёл своих вперёд. Их копья упёрлись в щиты, древки прогнулись; центурион видел перед собой яркие глаза в круглой прорези и слышал тяжёлое дыхание чужого человека. Под бронёй тоже была плоть. Она уставала, хотела воздуха, теряла кровь. Этого знания хватало для надежды, но не облегчало удар.

Задний ряд толкнул передний. Один Святорыцарь оступился на разбитом мраморе. Имперец ударил ему в сочленение у колена и не успел выдернуть копьё. Палаш рассёк древко, затем задел шею солдата. Упали оба. Паладина попытались поднять свои, но Санитрас велел нажать именно туда. Серебряный щит остался под сапогами.

Это была первая щель, за которую Второй заплатил несколькими людьми. Она закрылась почти сразу. Вельдаро отступил к центру, увёл оставшихся от окон и

снова выставил круг. Теперь его люди стояли ближе друг к другу; лежавший снаружи раненый рыцарь пытался дотянуться до них рукой, но не мог подняться.

Один из легионеров шагнул к нему с мечом. Санитрас крикнул, чтобы взяли живым. Солдат не услышал или не захотел слышать. Удар пришёлся прежде, чем центурион успел добежать. Санитрас оттолкнул убийцу, увидел неподвижную руку и вернулся к строю: задержать одного значило оставить без командования многих.

Солнечное пятно медленно двигалось по полу. В начале боя оно освещало пространство перед троном; теперь край света добрался до треснувшей колонны. Там, где лежал Крелд, темнела кровь. Каждая новая группа замечала её, спрашивала о командире и получала обрывочный ответ: жив, унесли, держать ряд. От этих слов люди не успокаивались. Они начинали биться злее, потому что иначе пришлось бы признать, как страшно им входить в зал.

Санитрас больше не мог провести прямую линию от входа до трона. Пол заполнили тела, брошенное оружие, обломки щитов. Раненых вытаскивали за ремни, поднимали на плащах, иногда оставляли под колонной, когда не хватало рук. Через левую галерею шли в обе стороны: свежие бойцы пытались попасть внутрь, носильщики требовали дороги наружу. Центурион поставил там двоих, велел пропускать новых только после вынесенных. Один вскоре получил стрелой из бокового прохода; оказалось, часть защитников дворца ещё оставалась за стенами главного зала.

Бой шёл уже не только вокруг двенадцати щитов. Входившие в город подразделения продолжали очищать дворы и лестницы, добирались до запертых комнат, сталкивались с отдельными группами паладинов. Крелд

собрал к трону слишком многих, оставив позади недостаточно тех, кто мог бы удержать весь путь. Теперь приказ о помощи главному залу тянул всё новые части через места, которые ещё приходилось отвоёвывать.

Санитрас послал людей закрепить галерею и больше не оглядывался туда. Перед ним оставалась главная задача, достаточно страшная сама по себе.

* * *

К полудню Святорыцарей стало меньше. Серебро уже не блестело; кровь и пыль закрыли гербы, на двух щитах отрубили верхние края. Раненых не уводили за строй, потому что за ним не осталось безопасного места. Тот, кто ещё мог держаться на ногах, продолжал стоять рядом с остальными.

Вельдаро получил удар в бок. Пластина выдержала, но ремень лопнул, и часть защиты сместилась. Он прижал локоть, сменил положение щита, продолжил командовать. Голос слышался глухо и уже не так далеко. Санитрас понял, что рыцарь осип, прежде чем понял, что осип сам: следующая команда вышла почти без звука.

Он подозвал ближайшего десятника и велел повторять. После этого говорил ему в ухо, а тот передавал дальше. Легион начал сжимать кольцо медленно. Не было единого победного броска. Был шаг, удержанный щит, ещё одна смена уставших, ещё человек, которого приходилось оттаскивать.

Паладины попытались выйти к трону. На короткое время им это удалось: два ряда имперцев уступили под ударом. Но ступени, которые прежде прикрывали спины, теперь оказались ловушкой. Подниматься по ним приходилось, не видя ног. Один рыцарь споткнулся о край,

второй подставил щит, помогая ему, и получил копьём снизу под руку. Санитрас видел, как тот попытался вынуть древко и не смог. Защитники остались на нижней площадке.

Имперцы опять закричали. Центурион приказал остановить бегущих, но они уже врезались в щиты. Последовал тяжёлый, короткий обмен ударами. Двое нападавших рухнули, третий навалился на Вельдаро всем телом и повис на его щите. Паладин сбросил его, однако за упавшим пришли следующие.

Санитрас собрал тех, кто ещё слышал, и повёл вдоль левой колоннады к ступеням. Оттуда можно было ударить сбоку, не перепрыгивая тела. Он поднялся на первую ступень, едва не поскользнулся и упёрся щитом в чужой. Палаш прошёл над его плечом, ударил в камень, выбив искры. Центурион опустил голову, толкнул вперёд, почувствовал, как сзади навалились свои.

Щит Вельдаро не отступал. Но пол под ногами был покрыт кровью, а удерживать давление со всех сторон не мог даже он. Паладин упал на колено. Ещё удар, ещё толчок — и его повалили поперёк нижней ступени.

Кто-то занёс меч к прорези шлема.

Санитрас сбросил щит и поймал руку обеими ладонями.

— Живым! Приказ! Живым!

Солдат не отпускал оружия. Его лицо было мокрым от пота, глаза смотрели мимо центуриона; он видел только человека, который убивал их весь день. Санитрас ударил его лбом шлема и оттолкнул. Другие уже прижимали Вельдаро щитами, отводили руки, выбивали палаш. Кованая рукавица сомкнулась на древке копья так крепко, что двое не могли разжать пальцы.

— Ремни! Связать руки!

Ремни рвались. Принесли цепь от дверного крепления, грубую, слишком короткую для удобства. Ею стянули запястья за спиной. Вельдаро дышал тяжело, лежал лицом к камню и пытался повернуть голову к оставшимся.

Рядом ещё сражались двое. Один потерял щит, держал палаш обеими руками; у второго нога подгибалась при каждом движении. Их тоже повалили, задавив числом. Санитрас повторял приказ брать живыми, пока не охрип окончательно. Лишь когда последнему связали руки, он понял, что в зале перестали звенеть мечи.

Святорыцарей, которых удалось взять живыми, осталось трое.

* * *

После боя никто не знал, куда деть щиты. Их держали перед собой по привычке, бросали, поднимали снова, потому что пол был завален и на чужой щит легко наступить. Один солдат стоял возле колонны и беззвучно шевелил ртом. Когда его спросили, ранен ли он, он показал на ухо: не слышал.

Санитрас сел на нижнюю ступень трона. Его собственный меч оставался в ножнах большую часть боя; он работал щитом, копьём, руками, голосом. Теперь руки тряслись так сильно, что застёжку на запястье пришлось расстегнуть другому. Под ремнём кожа была содрана до крови.

Перед ним лежали трое пленников. Вельдаро поднялся на локоть. Один из солдат хотел стянуть с него шлем, но центурион остановил. За пределами святых земель паладины не снимали его по закону своей веры; здесь, в захваченном Илладиуме, солдату просто хотелось увидеть

лицо побеждённого. Санитрас не собирался давать ему эту забаву.

— Воду, — выговорил он.

Принесли кувшин. Пленных подняли по очереди, дали пить, насколько позволяли доспехи и положение связанных рук. Вельдаро отвернулся от человека, который держал сосуд, затем всё-таки принял воду. Его товарищ дышал коротко; под боковой пластиной располз алось тёмное пятно. Санитрас послал за лекарем, тем самым распоряжением подтвердив, что троих собираются сохранить живыми.

У окна кто-то начал поднимать имперское знамя. Древко зацепилось за разбитую раму, человек выругался, товарищи помогли. Красное полотнище раскрылось над захваченным дворцом. С улицы ответили победным криком, от которого в зале никто не стал выглядеть счастливее.

Крелд лежал в боковой комнате, куда его унесли ещё в начале боя. Он был без сознания, но дышал. Лекарь не позволил Санитрасу тревожить его вопросами. Центурион посмотрел на неподвижное лицо, на разрезанные ремни доспеха, на сложенный рядом опалённый плащ и вернулся в зал. Приказы Второму теперь приходилось передавать ему, хотя каждый шаг отдавался болью в ногах.

Сначала выносили живых. Потом тех, у кого не были уверены. Потом мёртвых. Из коридоров продолжали приносить людей, погибших у внутренних дверей и на лестницах. Каждому требовалось место, каждый задерживал следующих. Санитрас велел использовать двор, где ещё утром звучал женский крик. Там валялись перевёрнутые корзины и разбитая посуда. Женщины уже не было.

К вечеру начали сверять части. Командиры называли тех, кто остался в строю, кого отправили с ранеными, кого видели в других кварталах. Первые числа не сходились. Надеялись, что люди потерялись, задержались на постах, ушли за водой. На следующий день надежды стало меньше. После проверки занятых улиц и дворца выяснилось: половина Второго погибла. У стен, на пути к трону и в зале лежали те, с кем легат собирался вернуться из короткого похода давления.

Досок для гробов не хватало. Разбирали пустые повозки, снимали годные двери в покинутых хозяйственных дворах, посылали за древесиной. На крышках писали имена, если кто-нибудь мог назвать их уверенно. Солдат, потерявший слух, держал доску, пока товарищ выводил углём имя погибшего друга. Потом попросил повернуть, проверил буквы и только после этого позволил прибить крышку.

Трёх Святорыцарей оставили под охраной в нижнем помещении дворца. Среди них был Вельдаро Светлый. Когда позднее пришло решение об их участи, в нём стояло: пожизненное заключение в имперских темницах. Это был приговор живым людям. Ни составитель, ни охранявшие пленников солдаты не знали, сколько лет им предстоит провести за решёткой и какой мир будет стоять снаружи, когда дверь снова откроется.

Санитрас подписал первую запись о взятии Илладиума ещё до получения приговора. Ему подали чистый лист, предложили назвать случившееся великой победой. Он велел сперва перечислить части и потери. Писец выполнил, оставив наверху место для торжественного заголовка.

Эта резня вошла в историю обеих сторон как битва. Для одних — священная, для других — во имя Единства.

Названия разошлись по дорогам быстрее гробов. Кровь с белого мрамора смывали одной и той же водой.

Глава VII. Цена победы

Трост въехал в Илладиум на пятый день после штурма. Известие застало его у дороги снабжения; перед отъездом пришлось передать участок Фавию, дождаться смены и оставить распоряжения тем, кто не мог ехать вместе с легатом. Теперь он видел город, ради которого всё это время двигались повозки с мукой, досками и стрелами.

У ворот лежал разбитый камень. Его ещё не убрали, только раздвинули настолько, чтобы проходил один воз. Слева стояли гробы, закрытые грубой тканью от солнца. На нескольких крышках темнели имена. Солдат у них сидел на перевёрнутом ведре и чинил ремень; когда Трост проехал, он попытался встать, но легат показал оставаться.

За воротами не было тишины мёртвого города. Стучали молотки, ругались возчики, плакал ребёнок, где-то спорили из-за воды. Жизнь продолжалась в местах, где уцелели двери и крыши. На углах стояли имперские посты; между ними горожане двигались быстро, стараясь не встречаться взглядом с солдатами. Те, кто видел серебряного орла на плаще Троста, прижимались к стене раньше остальных.

Санитрас встретил его у дворцовой лестницы. Центурион говорил хрипло, короткими фразами. На шее, где прежде лежал ремень шлема, тянулась свежая царапина. Плащ он сменил, но новый тоже был серым от пыли.

— Легат жив. Приходит в себя ненадолго. Лекарь просит не тревожить.

— Я не стану спрашивать о бое, если ему нельзя.

— Он сам спрашивает.

Трост прошёл за ним по лестнице. На площадке сохранился след, где разворачивали таран. Дверь в зал ещё лежала на прежнем месте: для её выноса требовались люди, которых занимали другие дела. Обойдя полотно, Трост увидел треснувшую колонну. Внизу камень был отмыт, выше оставалась тёмная полоса на высоте человеческого плеча.

— Здесь? — спросил он.

Санитрас подтвердил. Трост не стал подходить ближе. Из боковой галереи вышел лекарь и попросил снять меч перед входом в комнату: тесно, можно задеть больного. Легат передал пояс сопровождавшему солдату.

Короткие каштановые волосы лекаря прилипли ко лбу; большие руки он держал в стороне от запятнанных рукавов.

Крелд лежал на низкой постели, которую принесли из дворцовых помещений. Его грудь туго перевязали, под голову подложили сложенное одеяло. Дышал он неглубоко, с задержкой после каждого вдоха. Трост остановился у края постели, не зная, узнал ли его раненый.

На побледневшем широком лице щетина казалась темнее. Без доспеха его плечи выглядели меньше, и только коротко остриженные волосы ещё сохраняли прежнюю аккуратность.

Крелд открыл глаза.

— Третий?

— Да. Я приехал с дороги.

— Мука дошла?

— Дошла.

Легат попробовал улыбнуться и сразу закашлялся. Лекарь подставил чашу. Трост сделал движение помочь, но Санитрас удержал его за локоть: люди возле постели уже

знали, как повернуть Крелда, чтобы не причинить лишней боли.

Когда кашель стих, раненый снова посмотрел на посетителя.

— Я хотел… взять живыми.

— Санитрас рассказал.

— Не всех. Хотя бы тех… в зале.

Трост не ответил, что намерение спасает от результата. Он видел из окна край площади, куда складывали гробы, и сам привёз людям Крелда всё необходимое для штурма.

— Трое живы, — сказал Санитрас. — Под охраной. Лекарь к ним ходит.

Крелд закрыл глаза. Лицо напряглось, словно он снова пытался подняться с мрамора, но сил не было. Через некоторое время дыхание выровнялось. Лекарь показал обоим выйти.

На лестнице Трост вернул пояс с мечом. Теперь оружие показалось ему тяжелее, чем на дороге.

* * *

Санитрас отвёл его к пленникам после полудня. Нижнее помещение дворца прежде использовали для хранения вещей. У стен оставались пустые полки, на полу лежала солома. Решётку поставили недавно; петли блестели новым железом, рядом кладку ещё не успели заштукатурить.

Паладины сидели порознь, чтобы каждый мог прислониться к стене. Оружие у них отобрали, повреждённые части доспехов сняли там, где требовалась перевязка. Шлемы оставались на головах. Один из рыцарей спал, тяжело склонившись набок; второй держал перевязанную руку перед собой. Вельдаро выпрямился при появлении людей у решётки.

Трост попросил стражу отойти на несколько шагов. Санитрас остался у открытой двери. Он отвечал за пленных и не собирался отдавать эту ответственность даже императорскому брату.

— Я Трост, сын Владиславия, — произнёс легат.

Жёлтые глаза в прорези шлема остановились на нём.

— Вижу.

— Отец говорил, что обязан тебе жизнью.

Вельдаро опустил взгляд к его мечу.

— Он не ошибался.

Трост приготовил ещё несколько слов по дороге сюда: о том, что помнит помощь, что жизнь пленников будет сохранена, что после такого сражения обеим сторонам нужен конец войны. Перед сидевшим у стены человеком эти слова вдруг оказались слишком удобными.

— Я добьюсь, чтобы с вами обращались по приказу, — сказал он.

— По тому, с которым вы вошли в город?

Санитрас дёрнул щекой. Трост видел, сколько усилия центурион потратил, чтобы не вмешаться.

— По приказу, который запретит трогать пленных.

— Мёртвых он тоже защитит?

— Нет.

Вельдаро долго смотрел на него. Трост выдержал взгляд, хотя ему хотелось отвернуться к раненому у стены, спросить о повязке, сделать что-нибудь полезное вместо этого разговора.

— Тогда не приходи благодарить меня от имени отца, — произнёс паладин. — Его я спас. Этот город взяли вы.

Трост почувствовал, как жар поднимается к лицу.

— Я не командовал штурмом.

— Но носишь его знамя.

Легат посмотрел на собственный плащ. Вельдаро говорил не о цвете Третьего, а о власти, от имени которой стояли караулы. Трост понял это и не стал объяснять разницу.

— Да, — сказал он. — Ношу.

Паладин откинулся к стене. Разговор был окончен с его стороны. Трост спросил Санитраса, есть ли вода, как часто приходит лекарь и кто назначает охрану. Получил ответы, проверил сосуд у двери и вышел. Вельдаро больше на него не смотрел.

В коридоре центурион заговорил первым:

— Я остановил тех, кто хотел добить. Не всех успел.

— Знаю.

— Он не обязан знать.

Трост повернулся к нему.

— Я не собираюсь обвинять тебя за то, что не сделал мой брат. Или я.

Санитрас провёл ладонью по лицу, затем опустил руку.

— Тогда помогите найти людей на посты. У меня каждый второй либо перевязан, либо лежит под крышкой. Те, кто ходит, уже ненавидят всё, что здесь осталось живым.

* * *

Во дворе у колодца спорили женщины и солдаты. Колодец закрыли после того, как в соседнем переулке нашли убитого караульного. Пока искали виновных, воду выдавали только военным и лекарям. Жители носили её из дальнего квартала, но там к вечеру тоже выставили пост. У одной женщины на руках был ребёнок; она предлагала стражнику своё кольцо за полный кувшин.

У женщины сбился русый пучок; ребёнок прижимался лицом к выцветшему плечу её платья.

Трост остановился возле цепи, которой перегородили вход. Солдат узнал его и вытянулся. Кувшин остался на земле между ними.

Это был молодой, загорелый солдат с редкими усами; край его доспеха протёрся на сгибе.

— Кто закрыл?

— Начальник квартала. До обыска.

— Обыск закончен?

— В двух домах. Остальные ждут.

Легат велел позвать начальника. Тот пришёл с вооружёнными людьми и сразу начал рассказывать про убитого. Его нашли за углом, без оружия, с перерезанным горлом. Можно было предположить сопротивление горожан, ссору между солдатами, грабёж; начальник выбрал первое и решил, что лишённые воды жители быстрее выдадут виновного.

Широкое лицо начальника покрывала тёмная щетина; над скулами светлели полосы, оставленные шлемом.

— Кто вам это разрешил? — спросил Трост.

— Мне поручили безопасность участка.

— Где ваш приказ о воде?

— Для каждой меры нужен отдельный приказ? Мы не в столичном саду, легат. Вчера из окон стреляли.

Трост шагнул ближе. Начальник не отступил. За спиной женщины прижались к стене: спор двух вооружённых людей не обещал им ничего хорошего, даже если один вроде бы говорил на их стороне.

— Откройте колодец, — сказал Трост.

— Вы командуете Третьим. Здесь другие части.

Это было правдой. Он мог ударить человека, поставить собственных солдат, сослаться на имя брата. Каждое из этих действий разошлось бы по армии быстрее, чем вода по ближайшим домам. Трост повернулся к Санитрасу.

— Кто отвечает за дворец и подходы?

— Я передаю распоряжения легата Крелда, пока он не может.

— Этот двор входит в подходы?

Центурион оглядел улицу. Колодец стоял достаточно близко к лестнице, чтобы ответ можно было защитить, если кто-нибудь потребует.

— Входит.

— Тогда откройте воду. Я дам своих для охраны. Людей обыскивать у входа, кувшины не отнимать. Кто боится оружия под одеждой, пусть проверяет одежду, а не сушит младенца.

Санитрас отдал приказ. Начальник квартала велел записать, что снимает пост по требованию старших. Трост подтвердил запись и назвал себя полностью. После этого цепь убрали.

Женщины не бросились к колодцу. Они ждали, пока солдаты освободят место, и только затем начали подходить. Мать с ребёнком подняла кувшин, но оказалась слишком близко к ведру и не могла налить одной рукой. Трост взял сосуд и помог. Она не благодарила, лишь смотрела, не прольёт ли он воду.

К вечеру у колодца стоял пост Третьего. Часть сопровождения, с которым легат приехал в город, осталась там на ночь. От этого у него стало меньше людей для дороги обратно. Он велел послать запрос Фавию и понимал, что снова ослабляет участок, который держит центурион.

* * *

На следующий день Трост собрал тех, кто отвечал за занятые кварталы. Заседать пришлось в комнате с выбитыми стёклами. На стол положили камни, чтобы ветер не унёс бумаги. Он потребовал защищённые места для мирных жителей, запрет на самовольные ночные обыски, отдельный учёт задержанных и регулярный доступ лекаря к пленникам.

Возражали не только грабители. Один начальник не мог выставить новую охрану, потому что его людей оставалось меньше половины. Другой говорил о спрятанном оружии: вчера при обыске действительно нашли арбалет. Третий требовал не давать горожанам собираться без надзора после того, как в толпе ранили посыльного. Санитрас сидел рядом с Тростом и иногда подтверждал их слова. Город был опасен. Это не делало всякое насилие необходимым, но мешало установить порядок одной красивой фразой.

В итоге удалось закрепить один охраняемый двор у воды и помещение для больных. Ночные обыски оставили, однако потребовали названного начальника и записи, кого увели. Угроза казни за грабёж уже существовала в приказах; Трост добился, чтобы троих солдат, пойманных с отнятыми вещами, действительно задержали до разбора, а вещи вернули владельцам там, где их сумели найти.

Он не потребовал повесить всех троих перед войском. Ему хотелось показать, что хотя бы что-то можно исправить быстро, но следствие означало отличать найденную добычу от разграбленного склада, приказ о реквизиции от вымогательства. У каждого задержанного нашёлся командир, готовый объяснить обстоятельства. Разбирать предстояло дольше, чем выносить приговор в гневе.

Когда начальники разошлись, Трост остался с Санитрасом.

— Этого мало, — сказал легат.

— Да.

— Ты мог бы спорить хотя бы из вежливости.

Центурион усмехнулся, бережно, чтобы не заболело горло.

— У меня на вежливость людей не осталось.

Трост опустился на скамью. Через разбитое окно были видны гробы во дворе. По одному их поднимали на повозки. Возчики требовали распределять тяжесть ровно, а солдаты сердились, когда тела товарищей называли грузом. Работа всё равно требовала и плеч, и верёвок, и правильного расположения на оси.

— Я просил остановиться до штурма, — произнёс Трост.

Санитрас посмотрел на него без злобы.

— А потом прислал муку.

— Да.

— Без неё мы начали бы брать в окрестных домах раньше.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет, легат.

Они некоторое время молчали. Потом Трост спросил, кому передать надзор за больными после его отъезда. Санитрас назвал должность, не человека: человек мог оказаться раненым к следующему утру. Легат велел принести чистый лист и записал обязанности так, чтобы их можно было передать следующему.

* * *

В Драевиле о победе узнали раньше полного счёта потерь. Первый гонец привёз знамя защитников и короткое подтверждение, что дворец взят. На площади собрались люди, желавшие услышать конец войны. Октавий вышел к ним и объявил падение первого престола Дуократии. Он не обещал немедленного возвращения всех частей, но сказал, что решающий шаг сделан. Толпа встретила это криком.

Подробное донесение пришло спустя несколько дней. Император читал его без свидетелей до тех пор, пока не дошёл до числа погибших. Потом послал за Аврелом.

Тот проверил, не включены ли в список раненые и временно отсутствующие. Санитрас объяснил всё заранее: отдельные строки, отдельные причины, подтверждённые имена. Ошибки ещё могли найтись в частностях. Половины легиона они не вернули бы.

Октавий перечитал письмо Крелда, отправленное перед последним штурмом. Раненый легат не мог ответить, и спрашивать с него сейчас было бы проще всего. Император не стал этого делать. Он помнил собственное разрешение.

— Сколько времени нужно, чтобы восстановить часть? — спросил он.

— Зависит от того, что ты называешь восстановлением, — ответил Аврел. — Заполнить места можно быстрее, чем сделать людей солдатами.

— Тогда Третий прикроет направление, пока Второй получит пополнение.

— А война?

— Продолжится, если Дуократия не примет условий.

Аврел положил письмо.

— После такого они примут их труднее.

— Значит, придётся показать, что Илладиум не был последним усилием.

Старый товарищ Владиславия долго смотрел на молодого императора. Октавий чувствовал этот взгляд и не отводил своего. Он не хотел новых могил. Он хотел, чтобы уже вырытые сделали оставшиеся ненужными, и с каждым решением требовалось больше силы, чтобы заставить мир подтвердить его расчёт.

В тот же день он назначил помощь семьям погибших, приказал выделить место возвращающимся раненым и распорядился прислать личное свидетельство о состоянии Крелда. Затем подписал решение о трёх пленённых Святорыцарях: содержать пожизненно в имперских темницах, без обмена, как командиров сопротивления.

Трост получил ответ на свои требования уже в Илладиуме. Защиту больных и воду подтвердили; расширять охраняемые дворы не позволили из-за недостатка сил. Приговор паладинам оставили в силе. Брату велели возвращаться к Третьему и готовить движение к Илле.

* * *

Конвой собирали спустя три недели после штурма. Раненый Святорыцарь уже мог сидеть в повозке; идти всю дорогу он не выдержал бы. Остальных посадили рядом, руки закрепили так, чтобы не оставлять свободы для нападения, но позволить держаться при толчках. Оружие отправили отдельно. Из боевого снаряжения пленникам разрешили сохранить только шлемы; нужные для лечения части брони сняли прежде, остальные теперь приняли на хранение.

Трост потребовал вписать запрет снимать шлемы силой в конвойное распоряжение. Начальник охраны возразил, что в Драевиле захотят убедиться, кого привезли.

— Имена установлены здесь, — ответил легат. — Ты получишь свидетельство Санитраса и моё. Лица не нужны для подсчёта троих.

— Это часть вооружения.

— Палаш тоже был частью. Он едет в другом возу. Шлем останется.

Санитрас подписал свидетельство. Он сам видел Вельдаро в бою и не собирался перекладывать узнавание на людей, которые знали паладина лишь по чужим рассказам. Начальник конвоя принял бумаги, проверил печати и спрятал в сухой чехол.

Перед выездом Трост подошёл к повозке. Вельдаро сидел спиной к борту. Золотого герба на груди больше не было: ткань сняли вместе с повреждённой бронёй. В прорези шлема по-прежнему светились жёлтые глаза.

— Вас повезут в Драевиль, — сказал Трост. — Приказ о защите передан конвою.

— А тем, кто останется здесь?

Легат посмотрел на улицу. У колодца уже выстроилась очередь.

— Сделал, что сумел.

Вельдаро не ответил. Трост услышал в собственных словах удобное завершение, которого не заслуживал, и добавил:

— Недостаточно.

Паладин отвернулся к раненому товарищу. Поправить ему одежду связанными руками было трудно; Трост позвал конвойного, велел помочь и отступил, чтобы не стоять над пленниками дольше необходимого.

Повозки выехали через пролом, уже расширенный для двух рядов. Впереди несли имперский знак. Трое Святорыцарей отправлялись в столицу живыми. Крелд остался под присмотром лекарей; Санитрас вернулся к частям Второго, которым предстояло удерживать город и собирать новое пополнение.

Трост покинул Илладиум в тот же день, другой дорогой. Позади остался пост у колодца, распоряжение о больных и захваченный город. Впереди ждал Фавий, у которого снова требовалось взять людей для следующего участка войны.

Глава VIII. К реке Илле

Третий снялся с прежних стоянок не сразу. В Илладиуме оставались его люди у колодца и больных, по дороге снабжения стояли выделенные им караулы, несколько отделений сопровождали возвращавшихся раненых. Трост собирал легион по частям, передавая посты тем, кто мог их принять. На это ушло ещё две недели. Приказ двигаться к Илле лежал у него с первого дня, но если исполнить его одной командой, за спиной оставались бы пустые заставы и повозки без защиты.

Фавий встретил легата у лагерных ворот. За время отсутствия Троста он успел сменить несколько дозоров, принять пополнение и отправить обратно обоз, в котором половину обещанных припасов заменили негодной упряжью. Обозный начальник оставил жалобу на центуриона. Трост прочёл её, осмотрел сложенные у склада ремни и приказал приложить один к письменному ответу.

— Крепче бумаги, — сказал Фавий. — Хотя ненамного.

Они проверяли людей вместе. Война ещё не забрала у Третьего столько, сколько у Второго, но и здесь уже появились пустые места. Кто-то умер на дороге, кто-то остался лечиться, кого-то перевели на другой участок и не успели заменить. Солдаты, прежде охотно споривше о том, какая часть первой увидит мирный дом, теперь спорили, какой приказ скорее отменят.

Трост привёз рассказ об Илладиуме без победных подробностей. На первом совете он объяснил, почему Второй не может занять назначенную ему полосу, и показал новый участок на карте. Снабжение должно было идти через нижний брод Иллы; подходы с возвышенностей следовало закрыть, пока остатки разбитого легиона

удерживают взятый город. Если паладины выйдут к реке раньше, имперцам придётся либо оставить дорогу, либо выбивать их из готовой позиции.

— Сколько их? — спросил один из центурионов.

— Узнаем ближе к месту. Сейчас есть три сообщения и ни одной общей картины.

Фавий наклонился над картой. Бумага показывала изгиб реки, но не объясняла, какой высоты берег и где по нему можно пройти с щитами. Он попросил послать вперёд не только конных: всадник легко назовёт дорогой то, где пеший строй растянется на полдня.

Трост выделил разведчиков и велел снять сведения о броде, верхнем уступе и обходах. Сам он в тот вечер написал Октавию. Просил определить срок смены Третьего, начать переговоры об обмене оставшихся пленных и отказаться от дальнейшего движения в глубину Дуократии, пока не выяснена численность противника. Завершил коротко: Илладиум взят, война не кончилась.

Письмо отправилось в столицу раньше легиона к реке. Ответ мог догнать их лишь в дороге или уже на новой позиции.

* * *

Шли при жаре, которая к полудню делала доспехи тяжёлыми ещё до усталости. На обочинах выгорела трава. Ночью земля отдавала накопленное тепло, и солдаты долго сидели возле палаток, не желая лезть под душное полотно. Костры разводили небольшие, лишь для еды; дым был виден далеко.

Фавий шёл то впереди своей части, то вдоль колонны. Он замечал по шагу, кто натёр ногу, кто перетянул ремень, кто несёт лишнее, потому что стесняется оставить

ненужную вещь. Одного остановил, велел снять сапог и увидел кровавую тряпку вместо портянки. Солдат уверял, что дойдёт.

— Дойдёшь. А потом три дня будешь сидеть, пока остальные носят твою долю. Сюда ногу.

Центурион дал ему чистую ткань, велел идти у обоза до привала и не играть в несокрушимого. Товарищ забрал у раненого часть поклажи. Никто не смеялся: у многих ноги выглядели ненамного лучше.

На следующем подъёме колонна остановилась возле деревни. Там был колодец, зерно и несколько пустых амбаров. Староста вышел навстречу без пояса, чтобы было видно отсутствие оружия, и сразу заговорил о том, что деревня уже отдала припасы местным солдатам. Трост велел показать остатки.

Староста приглаживал редкие каштановые волосы; широкие рабочие ладони никак не находили себе места без привычного пояса.

В одном амбаре зерно лежало под слоем пустых мешков. Староста сперва назвал его семенным, потом признался, что часть предназначалась для еды до нового подвоза. Легату требовалось накормить людей. Он мог обойтись меньшим, растянуть выдачу, но тогда через несколько дней у реки пришлось бы искать пищу там, где ещё неизвестно, кто стоит.

Трост взял половину найденного, распорядился оставить точную запись и оплатить из походной казны столько, сколько позволяла наличность. На остальное выдали свидетельство с печатью. Староста держал бумагу двумя пальцами и спросил, кто примет её, если имперцы уйдут.

— Предъявишь на нашей заставе, — ответил Трост.

— Она отсюда далеко.

Легат это знал. Он велел добавить к оплате часть серебра, предназначенного для дорожных расходов собственного сопровождения. Всё равно взяли больше, чем хозяева согласились бы продать добровольно. Пока солдаты выносили мешки, женщина у амбара считала их шёпотом. Трост слышал счёт и не велел ей замолчать.

Она стояла в выцветшем платке, сжимая край одежды загорелыми пальцами.

Фавий отделил от носильщиков троих, пытавшихся прихватить птицу со двора. Одного заставил вернуть прямо хозяйке. Тот оправдывался, что платили за всё вместе.

— За зерно. Курица в мешок не превращалась.

— У Второго после штурма больше было.

Центурион резко повернул его к дороге.

— У Второго половины людей больше нет. Марш к своим.

Вечером Фавий не стал пересказывать легату эту фразу как повод наказать солдата сильнее. Он лишь потребовал назвать перед строем, что именно берут у жителей по распоряжению, а что запрещено. Трост сделал это. Несколько человек слушали с явным недовольством: справедливость легата означала для них более скудный ужин, чем тот, на который они рассчитывали после удачного дня.

После еды Фавий подошёл к пожилому хозяину пустого амбара, где расположили заболевших. У того дрожали руки, и он никак не мог поднять тяжёлую задвижку соседней двери. Центурион помог, увидел за дверью спрятавшуюся девочку и сразу отступил, показывая, что не собирается входить. Старик хотел поблагодарить, но произнёс только несколько слов, которые Фавий понял не все. Они обошлись жестами.

У хозяина было узкое морщинистое лицо и короткая седая щетина. Девочка за его спиной смотрела из-под непослушной тёмной пряди; свободный рукав скрывал ладонь.

В амбаре один из имперцев лежал с лихорадкой. Лекарский помощник приготовил питьё, но больной не мог удержать кружку и сердился на всякую помощь. Фавий сел рядом, велел перестать спорить и подставил ладонь под голову. Солдат сделал несколько глотков, потом стал рассказывать, как вернётся домой к жатве. Время жатвы в его краях уже прошло; центурион не поправлял.

Больной был ещё молод, с короткими русыми волосами, потемневшими от пота. У помощника были крепкие руки; рукава он завернул так высоко, что ткань собралась у локтей.

— Ты веришь, что вернусь? — спросил больной, когда удалось отдышаться.

— Верю, что тебе нужно пережить эту ночь. Начнём с неё.

— Помолись.

Фавий оставил кружку возле помощника, положил руку на край подстилки и произнёс знакомую молитву Двоим. Негромко, чтобы не разбудить тех, кому удалось заснуть. Прежде он много раз делал это у раненых, не выбирая только тех, для кого лекарство уже не оставляло надежды. Больной следил за его губами, иногда повторял слово. К концу перестал стискивать зубы.

В дверях стоял хозяин амбара. Услышанная молитва была чужой, однако старик дождался тишины и поставил принесённый светильник дальше от лица больного. Фавий поблагодарил кивком. Потом попросил помощника сменить влажную ткань на лбу и пошёл проверить караул.

Утром старик оставил у амбара кувшин воды. Солдаты выпили, не спрашивая, был ли это подарок или способ скорее проводить чужих. Больного положили на повозку; за ночь жар ослаб, и он сумел сам поднять голову, когда Фавий проверял подстилку. Центурион не объявил это чудом. Договорился с возницей, кто остановится вместе с ним, если в дороге снова станет плохо, и только тогда вернулся к строю.

* * *

Первое донесение о реке принесли за два дня до подхода. Разведчик видел нижний брод, пустую береговую полосу и следы небольшого паладинского отряда, прошедшего вверх по течению. Второе пришло вечером от людей, двигавшихся другой дорогой: на возвышенностях замечены щиты и пыль, но численность определить не удалось. Третье передал местный проводник, утверждавший, что большие силы уже ушли дальше.

Трост выслушал каждого отдельно, затем посадил вместе у карты. Они начали спорить о времени. Выяснилось, что проводник видел отряд позавчера, первый разведчик — утром, второй наблюдал склон уже после полудня. Противоречие не исчезло, но перестало выглядеть так, будто кто-то непременно лжёт. Все могли видеть разные части одной армии или разные отряды, двигавшиеся в разные стороны.

— Где ты стоял? — спросил Трост второго.

Тот указал край карты.

— А отсюда виден склон за поворотом?

— Нет, легат.

— Значит, там ты ничего не видел. Так и запиши. Не «никого не было».

Фавий слушал рядом. Позже, когда разведчиков отпустили поесть, он разложил на земле три небольших камня.

— Мы можем остаться на этом берегу, — сказал он, обозначив ближайшую сторону реки. — Брод будет перед нами. Подходить к нему им тяжелее.

— И дорога за бродом останется открыта для них, — ответил Трост. — Они пройдут к занятым участкам, пока мы будем смотреть через воду.

— Тогда нужно занимать верх.

— Проверим. Я не поставлю весь легион на склоне, пока не увижу, как там развернуться.

Они не спорили ради звания. Трост мог приказать сразу, Фавий подчинился бы. Вместо этого легат отложил решение до осмотра, оставил обоз на безопасном расстоянии и двинул вперёд небольшой отряд. С ним пошёл и центурион. Остальные готовились перейти по полученному сигналу, но не входить в воду без подтверждения.

Илла оказалась шире, чем на карте. На нижнем броде течение расходилось по мелкой каменистой полосе, обнажая верхушки плоских камней. Человек мог пройти там по пояс, местами ниже, если не уходил в сторону. Выше вода темнела, уходила под крутой берег; там уже нельзя было рассчитывать на ноги и длинное копьё вместо опоры.

Они сняли доспехи и перенесли их на плечах, подхватив выше воды. Трост поскользнулся, удержался за руку солдата и велел отметить опасное место вешкой. Фавий выбрался следом, выжал край рубахи и поднялся на пологий открытый участок. Здесь можно было поставить основной строй. Позади оставался брод; перед ним земля медленно поднималась к сухим склонам.

Дальше вверх по течению берег сужался. Большой выступ камня закрывал вид на речную излучину. Между водой и уступом проходила тропа, по которой двое могли идти рядом, если несли щиты повернутыми вдоль тела. За выступом открывалась небольшая площадка. К ней спускался путь с возвышенности — удобный для чужого отряда, желавшего обойти основную линию и выйти к реке сбоку.

Фавий прошёл по тропе первым. В нескольких местах пришлось поднять копьё вертикально, чтобы не задеть склон. Трост шёл за ним, замечая, как исчезает из вида будущая главная позиция. Здесь приказ уже нельзя было просто крикнуть с края строя. Камень закрывал людей, а шум воды смешивал голоса.

— Поставим связных у поворота, — сказал легат. — И ещё одного здесь. Передавать сразу, не ждать, пока соберётся весь доклад.

Фавий посмотрел на верх.

— Если займут тропу, я не перейду реку. Глубоко.

— Вижу.

— Тогда отходить нужно раньше, чем они окажутся над нами.

Трост поднялся на несколько шагов по боковому склону. Отсюда виднелась сухая ложбина, уходившая за гребень. Дальше земля снова понижалась, скрывая всё, что по ней двигалось. Он отправил двоих проверить путь до видимого поворота и вернуться, не ввязываясь ни в какую погоню.

Когда те ушли, легат вернулся на площадку.

— Ты займёшь подход сверху. Не выдвигайся за гребень. Если начнут обходить, пришли сразу. У тропы оставлю резерв. Удерживать ценой отсечения не приказываю.

Фавий повторил распоряжение своими словами. Трост подтвердил каждую часть. Им обоим хотелось, чтобы ясности приказа хватило на ясность завтрашнего дня.

* * *

Основные силы переправились до темноты. Повозки оставили на исходном берегу, развернув так, чтобы они не загораживали подход к броду. На новом месте поставили только необходимое. Трост запретил везти к воде лишнее имущество: если придётся отходить, дорога понадобится людям.

Фавий получил свой участок выше по течению, за каменным выступом. Вместе с солдатами он переносил туда запас стрел, воду и перевязочную ткань. Всё тяжёлое несли по береговой тропе, потому что верхний путь оставался непроверенным дальше гребня. Центурион прошёл его ещё раз, остановил людей там, где рыхлая земля могла осыпаться, и назначил место, куда оттаскивать раненых до передачи вниз.

Один молодой солдат спросил, зачем им запас воды у самой реки.

У него было мягкое молодое лицо; русая прядь выбилась из-под края шлема.

— Спустись с полным щитом и поднимись обратно, — предложил Фавий. — Если не передумаешь, поговорим.

Парень посмотрел на тёмное течение под обрывом и взял вторую флягу без ответа.

Центурион поставил наблюдателей по верхнему краю площадки. Основной ряд развернул к спуску, прикрыв левое плечо камнем. Береговую тропу оставил свободной. Когда один из солдат положил там связку копий, Фавий

перенёс её сам и велел запомнить: по этой полосе ходят гонцы и уносят раненых, это не склад.

К вечеру разведчики вернулись с верхних склонов. Они нашли свежие следы, видели движение за дальним гребнем, но не приблизились настолько, чтобы сосчитать людей. Один принёс наконечник сломанной стрелы, поднятый возле брошенного костра. Фавий передал его Тросту вместе с донесением. Легат не стал принимать маленькую находку за доказательство большой армии. Но и распоряжение снять верхние посты не отдал.

Двух связных провели от главного строя к площадке и обратно. Один шёл с запечатанным пустым листом, другой возвращал его, чтобы проверить время. Они справились быстро, пока тропа была свободна. Трост стоял у её нижнего входа, смотрел, как человек исчезает за камнем, и думал о резерве. Можно было поставить его ближе к Фавию, тогда основная линия оставалась слабее. Можно держать возле брода, тогда помощь за выступ запоздает.

Он оставил резерв у начала тропы, достаточно близко к обоим участкам, насколько позволяла земля. Это был выбор между двумя нуждами, а не найденное место без опасности.

На поверке Трост прошёл вдоль основного строя. Солдаты ели сидя, сушили намокшие ремни, проверяли оружие. Некоторые ещё спорили о взятых у деревни припасах. Один уверял, что на новой позиции долго не простоят: после падения Илладиума паладины должны устать. Другой ответил, что уставший тоже умеет держать копьё.

Легат остановился возле костра и спросил, хватает ли котла на всех. Ему показали вторую посуду. Никто не встал, потому что он заранее велел продолжать ужин. Трост принял предложенную ложку, попробовал жидкую

похлёбку и вернул. Добавлять в неё было нечего, но повар хотя бы не разбавил ещё сильнее для тех, кто придёт последним.

— Завтра будем двигаться дальше? — спросил солдат.

— Пока держим здесь. До нового осмотра склонов не пойдём.

— А если они придут?

— Встретим на своих местах. Самовольно на высоты не лезть.

Это было всё, что он мог обещать честно.

* * *

Ответ Октавия догнал их у реки. Гонец приехал на исходный берег, оставил коня и перешёл брод с проводником. Он провёл в пути много дней и не знал, что происходит за видимыми склонами. Трост дал ему еду прежде, чем начал спрашивать о столице.

Император обещал прислать смену, когда восстановят Второй, но срока не называл. Переговоры, по его словам, возможны после признания достигнутого. Оставлять позицию, которая связывает занятые участки с дорогой снабжения, он запрещал без крайней необходимости. В последней части письма стояло, что уступка у Иллы поставит под сомнение не только победу, но и способность престола защищать своих людей.

Трост прочёл эту фразу дважды. Ему вспомнился мальчик с медовыми, отливавшими вишнёвым глазами, который сердился, когда его не слушали возле казначейского стола. Теперь за желанием быть услышанным стояли части, дороги, города и погибшие. Младший не выдумывал угрозу: оставь армию без снабжения — и люди действительно окажутся в опасности.

Но всякий новый захват делал длиннее дорогу, которую затем требовалось защищать.

Письмо заканчивалось личной строкой: Октавий просил написать, как Трост спит и не болит ли старое ушибленное плечо после походов. Брат помнил то, о чём легат давно не вспоминал сам. Трост посидел с листом в руках, затем сложил его по старым сгибам.

Гонец рассказал о столице. У ворот встречали раненых, семьи искали знакомые лица в каждом прибывшем обозе. Император несколько раз приезжал к ним, разговаривал, распорядился не задерживать помощь из-за недостающих свидетельств. На площади по-прежнему стоял памятник Владиславию. Рядом продавали хлеб, дети бегали у основания, солдаты отгоняли их только во время смены караула.

Трост слушал и постепенно перестал видеть перед собой одну лишь карту. Далеко за дорогой существовал город, где люди ещё могли ждать возвращения. Он велел дать гонцу место на ночь и приготовить свежую лошадь к утру. Ответ решил написать после последнего обхода.

* * *

Фавий сидел у небольшого огня за каменным выступом. Костёр закрыли щитами со стороны высоты, чтобы свет не выдавал людей раньше времени. Рядом солдат чинил ремешок на шлеме, укрыв ноги плащом товарища. Тот пытался заснуть под другим краем, но просыпался всякий раз, когда мастер подтягивал ткань на колени.

— Возьми мой, — сказал Фавий мастеру. — Только утром верни целым.

Трост присел напротив. Центурион предложил ему воду, затем молча дождался, пока тот осмотрит площадку. Легат

видел щиты, сложенные в досягаемости, свободный проход к тропе, посты на верхнем краю. Люди сделали то, что могли, с тем, что им дали.

— Письмо пришло? — спросил Фавий.

— Держаться. Смены пока нет.

— Значит, будем держаться.

— Ты не обязан повторять это с радостью.

Центурион усмехнулся.

— А ты слышишь радость?

Трост протянул ноги к огню. Здесь, за камнем, река шумела громче, чем на основной позиции. Чтобы переговариваться, приходилось наклоняться вперёд. Он ещё раз уточнил порядок: два связных сменяют друг друга, при движении по верхним склонам сообщают сразу, отход по береговой тропе к главной линии, затем при необходимости через нижний брод. Никакой переправы напрямик с этой площадки нет.

Фавий повторил. Потом спросил:

— Если на главной линии начнётся раньше?

— Не беги на шум. Прикрой верх и жди связного. Если я велю отходить, не задерживайся ради чужого крика за гребнем.

— А если крик свой?

Трост посмотрел на него.

— Тогда решишь на месте. Я не вижу отсюда завтрашний склон.

Центурион принял этот ответ спокойнее, чем принял бы красивое обещание. Война не начиналась для него сегодня. Он знал, что приказ нужен, пока люди могут донести его друг другу, а дальше остаётся тот, кто стоит ближе к беде.

Из темноты подошёл часовой. На высоте некоторое время двигался огонь, теперь погас. Фавий поднялся, пошёл с ним к краю, долго всматривался. Трост остался

возле костра, чтобы не собирать сразу обоих командиров в одном месте. Они не увидели ни строя, ни оружия — только сухой склон под звёздами. Наблюдателя сменили свежим, второго отправили к соседнему камню.

Вернувшись, Фавий сел и взял оставленный кусок хлеба. До этого он успел накормить почти всех, кроме себя. Трост поделился тем, что принёс из основного лагеря, и некоторое время они ели молча. Рядом спящий наконец устроился удобно. Починивший ремень солдат отдал центуриону плащ, аккуратно сложив его так, чтобы не испачкать подкладку.

— Твои завтра будут помнить Илладиум, — сказал Трост.

— Помнят уже.

— Не хочу, чтобы они бежали мстить за Второй.

Фавий посмотрел на солдат у огня.

— Утром ещё раз скажу, где стоять. Месть у каждого своя. Место в строю одно.

Легат поднялся. На прощание они пожали руки. Через несколько шагов Трост обернулся: центурион уже объяснял сменному связному, кого искать у нижнего выхода с тропы и что делать, если там окажется не тот десятник. Обычный разговор перед обычной ночью, в котором они оба хотели предусмотреть достаточно, чтобы завтра осталось кому вернуться.

В главном лагере Трост дописал ответ брату. Сообщил о выбранной позиции, о неопределённой численности противника и о том, что резерв оставлен для связи между участками. Личной строки долго не находил. Потом написал, что плечо не болит, и попросил Октавия беречь сон, когда это возможно.

Кодекс лежал в сухом сундуке на исходном берегу, вместе с вещами, которые легат не велел тащить через

брод. Трост не стал посылать за ним. Он снял доспех, оставил рядом меч и лёг на короткое время до рассвета.

За каменным выступом Фавий закончил обход. Солдаты спали в одежде; у верхнего края по очереди двигались часовые. Центурион проверил, свободна ли тропа к своим, затем сел, прислонившись к щиту. От реки тянуло прохладой. Он подтянул плащ к плечам и закрыл глаза, пока внизу на камнях продолжала шуметь живая вода.

Глава IX. Илла

— К краю не становись! Оттуда тебя и без стрелы снимут!

Фавий ухватил легионера за ремень и оттащил от обрыва. Из-под сапога посыпался мелкий камень. Солдат проводил его взглядом до воды и прижал щит к груди, словно только сейчас заметил, куда попал.

Под шлемом солдата виднелось загорелое, гладкое лицо; на шее кожа была светлее, чем на щеках.

— Я знамя посмотреть хотел. Наше видно?

— Мне видно. Тебе пока меня достаточно.

Центурион отпустил ремень. Внизу Илла огибала каменный выступ, тёмная у самого берега и почти белая там, где утреннее солнце ложилось на течение. Отряд стоял выше основного строя. Со своего места Фавий различал край чёрного полотна, головы людей на пологом участке и пыль, поднятую последними телегами. Трост держал там главные силы. За ними, ниже по реке, оставался брод; здесь вода подступала к камню сразу, без отмели.

До своих можно было дойти по тропе под уступом. Фавий прошёл её ночью дважды. В темноте казалось, что каменная стена никогда не кончится: плечо цепляло выступы, щит приходилось разворачивать ребром, а всякий, кто хотел обогнать переднего, первым делом смотрел себе под ноги. Зато по одному люди проходили. Пока проходили.

На верхнем склоне лежала сухая трава. Между редкими кустами виднелись светлые камни, и каждый из них после бессонной ночи походил на шлем. Фавий заставил наблюдавших сменяться. Усталый глаз начинал находить врага там, где его не было, и переставал замечать настоящее движение.

— С той стороны солнце будет, — сказал старший переднего ряда. — Щиты засветятся, ничего не увидим.

— Тогда раньше услышишь. Передними не закрывай тех, кто смотрит вверх.

— А если сразу на нас?

— Значит, для этого здесь и стоим.

Фавий взял у него копьё, проверил, свободно ли проходит древко между щитами, и вернул. Слишком тесно. Велел раздвинуть ряд на полшага, но не шире: отряд прикрывал спуск с возвышенности, а справа уже начинался обрыв. Людей хватало, чтобы встретить идущих сверху. Для широкого боя места не было.

Из-за выступа показался посыльный. Сперва рука на камне, потом голова, затем он выбрался весь и несколько мгновений стоял, шумно дыша. На одежде тянулась белая полоса от стены.

— Легат велел передать: если пойдут по верху, не преследовать. Держать спуск. Резерв у него.

— Сам это слышал?

— Сам. И ещё… — Он перевёл дыхание. — Если не видно знамени, присылать человека. Не ждать сигнала через камень.

Фавий подвёл его к краю так, чтобы можно было увидеть пологий берег.

— Передашь: стоим здесь. Тропа свободна. На дальнем склоне движение, численности не видно. Я наверх за ними не полезу.

Посыльный начал повторять, сбился на третьей фразе и сердито вытер рот. Центурион заставил произнести ещё раз. Теперь правильно. Отпустил и сам повернулся к склону.

Движение исчезло.

Это ему не понравилось больше, чем несколько мелькнувших щитов. Паладины уже знали, где стоят имперцы. Не обязательно было показываться снова.

Фавий поднял руку. Разговоры за спиной стихли. По ряду прошёл привычный лязг: люди поправляли хват, устраивали щит на предплечье, проверяли соседа. Среди них были те, с кем он служил ещё до смерти старого Императора. Были и молодые, успевшие узнать войну только по походу к Илле. Одного недавно бранили за то, что слишком рано выставляет копьё. Сейчас он держал его правильно и смотрел на центуриона, ожидая команды.

— Вот так, — негромко сказал Фавий. — Теперь не торопись.

Из-за гребня поднялись круглые шлемы.

* * *

Трост увидел солнце на чужих щитах раньше, чем разобрал самих людей. На верхнем склоне вспыхнула длинная неровная полоса. Ещё мгновение — и она распалась на отдельные фигуры, спускавшиеся к реке.

— Передним стоять! Лучникам приготовиться!

Приказ подхватили справа. Слева его пришлось повторить: там возчик бранился с солдатами, не желавшими пропускать телегу между рядами. Трост указал на дорогу к броду, и двое схватили лошадь под уздцы. Телега пошла назад. Щиты сомкнулись на её месте.

Паладины двигались не прямо к основному строю. Часть спускалась выше, к Фавию; другие расходились вдоль склона, стараясь занять выступы над береговой тропой. Трост заметил это, когда первые стрелы ударили в землю перед его людьми.

— На камень смотрите! Туда, выше! Не тратьте на передних!

Лучники повернулись. Стрелы полетели поверх щитов, заставляя паладинов у выступа пригибаться. Но тех было больше, чем виделось с утра. За первым рядом появлялся второй, между кустами двигались ещё люди. Серебро мелькало и пропадало в сухой траве. Нельзя было понять, где кончается их строй.

Трост подозвал начальника резерва.

— Половину сюда. Остальных держи у спуска. Если от Фавия придёт человек, ведёшь к нему. Сам не трогайся.

— Через тропу?

— Пока свободна — через неё.

Он хотел отправиться туда сам, но над основным строем уже со свистом прошли следующие стрелы. Одна ударила в древко знамени, оставила длинную щепу. Знаменосец пошатнулся, выставил ногу и удержал полотно. Трост подставил ему плечо, помог повернуть древко, чтобы трещина не пошла дальше.

— Кожу обмотайте! Быстро!

У склона затрубили. Передние паладины побежали вниз, придерживая щиты обеими руками. Их тяжесть делала спуск опасным для них самих: один оступился, сосед удержал за плечо, и ряд на мгновение смялся. Имперские лучники ударили туда. Фигуры упали, но остальные обошли, не сбавляя шага.

— Копья вперёд!

Трост успел вернуться к передней линии. Щиты приняли удар с таким грохотом, будто на них обрушили ворота. Человек справа от него вскрикнул: чужое копьё прошло под краем, рассекло бедро. Задние подхватили его, вытянули между собой, и пустое место занял другой.

Паладин попытался сунуться следом, но Трост ударил мечом по древку, оттолкнул его щитом.

— Сомкнуть! Не пускай!

Противник был выше. Из-за серебряного края показались жёлтые глаза, неподвижно смотревшие на Троста. Потом паладин всем весом подался вперёд. Троста отнесло на полшага; каблук съехал по гальке. Кто-то сзади упёрся ладонью ему между лопаток. Он удержался, направил меч снизу, под поднятую чужую руку.

Удар достиг цели. Паладин отпрянул. Его место сразу закрыли.

По всему берегу железо било в дерево. Верхние ряды ещё спускались, не видя, что передним уже негде развернуться. Паладины напирали на своих, имперцы пятились к воде, и Трост вынужден был приказать подать резерв к середине. Иначе строй согнулся бы раньше, чем он узнал, что происходит у Фавия.

Посыльный вернулся не по тропе. Скатился с небольшого выступа, ударился боком, поднялся и побежал вдоль задних. Трост увидел его раскрытый рот, но слов не услышал.

— Сюда! Ко мне!

Человек пробился ближе. На лице темнела кровь.

— Вверху! Они уже над проходом!

— Фавий?

— Стоит. Велел передать — стоит!

— По тропе пройти можно?

Посыльный вытер рот ладонью и посмотрел туда, откуда прибежал.

— У изгиба уже стреляют, легат. Через камни выбирался.

Трост подозвал начальника резерва. Теперь посылать половину было мало.

* * *

Первый натиск Фавий встретил у самой кромки спуска. Паладины рассчитывали сбить его людей к обрыву, но упёрлись в выставленные копья и остановились. Задние продолжали сходить сверху. У одного щит зацепился за куст, он рванул его на себя, открывая бок. Имперец перед ним ударил — слишком далеко, почти выпав из ряда.

— Назад! — Фавий схватил его за ворот. — Куда полез, мать твою!

Чужой палаш просвистел над наклонённой головой. Легионера втащили обратно. Он с размаху ударился спиной в соседа, и обоим пришлось ловить равновесие. Фавий закрыл открывшийся промежуток, принимая тяжёлый удар на верхний край щита.

— Здесь не площадь! Дальше одного шага не ходить!

Голос прошёл по строю. На левом краю его повторили, сопровождая бранью: там тоже кто-то попытался добить упавшего. Паладины отступили на несколько шагов вверх, оставив перед копьями двоих. Один ещё шевелился. К нему потянулся товарищ, но имперцы выставили оружие. Фавий ударил ладонью по ближайшему древку.

— Пусть заберёт. За щитом смотри.

Раненого утащили за ноги. На траве осталась тёмная полоса. Тот, кто тащил, не поблагодарил; поднявшись, он снова взял палаш и вернулся к своим.

Снизу донёсся грохот основного боя. Чёрного знамени теперь не было видно: его закрывал камень. Фавий отправил человека с донесением к легату и тут же пожалел, что не сделал этого раньше. На гребне зашевелились новые фигуры, гораздо левее спуска. Они обходили участок, выходя к тропе.

— Четверых к проходу! Щиты над головой! Смотреть только вверх!

Передних пришлось раздвинуть, закрывая освободившиеся места. Люди почувствовали перемену сразу. Там, где ещё мгновение назад за плечом стоял сосед, теперь было пусто. Фавий сам отступил во второй ряд, чтобы видеть оба края, и показал старшему не двигаться. Отступать начинать было рано: при первом же повороте паладины ударили бы в спину.

К проходу добежали трое. Четвёртый упал на полпути, ещё пытаясь поднять щит. Фавий видел древко стрелы под его ключицей. Послал двоих вытащить, но сверху уже били снова. Имперцам пришлось прижаться к камню. Один дотянулся до ремня раненого, подтянул к себе; голова того ударилась о землю, и Фавий закричал, чтобы держали под плечи. Его не услышали.

Паладины пошли во второй раз.

Теперь не всей линией. Двое прижали копья имперцев щитами, третий ударил поверх них. Остальные ждали, пока образуется проход. Фавий узнал намерение, велел задним поднять древки выше. Удара по груди удалось избежать, но палаш рассёк руку ближайшему солдату. Копьё выпало. Противник немедленно навалился в освободившееся место.

— Левее! Ко мне! Разом!

Фавий бросился плечом в щит соседа, увлекая весь край вперёд. Палаш скользнул по его нагруднику. Он почувствовал удар в рёбра и не сразу понял, что это было — рукоять, локоть или чужой щит. Воздух вышел из груди. Несколько мгновений центурион не мог крикнуть и только тыкал мечом перед собой, заставляя паладина отступить.

Строй выровнялся. Фавий втянул воздух сквозь зубы, обернулся к проходу. Оттуда прибежал один из

отправленных им людей. Бежал пригнувшись, прикрывая голову пустой рукой.

— Нельзя! У самого изгиба стоят! Наших не видно!

— Сколько?

— Не считал!

Фавий хотел ударить его за этот ответ, но сдержался. Человек едва держался на ногах. Щита у него не было, по пальцам стекала кровь. Он не обязан был считать тех, кто гнался за ним по тропе.

— В задний ряд. Найди оружие.

Центурион посмотрел вниз. Вода казалась доступной: всего несколько шагов до края, потом спуститься, держась за камень. Но он видел ночью, как течение уходило под выступ. В доспехах там не пройти. Даже без них, с ранеными, это означало бросить людей в реку и назвать приказом.

— Кругом не вставать! — крикнул он. — Левый край завернуть к камню! Спины друг другу не подставлять!

Они ещё могли держать два подхода. Пока хватало рук.

* * *

Трост повёл резерв к выступу сам. Оставшемуся в середине центуриону приказал сдерживать напор и начинать отход только по его сигналу. На этом слове тот схватил легата за локоть.

— Не вернётесь — какого сигнала ждать?

Трост вырвал руку, раздражённый самой необходимостью отвечать. Затем увидел, как человек смотрит на него. Не спорит. Ждёт приказа, который сможет исполнить, если останется один.

— Если продавят середину — к броду. Раненых уже уводи. Обоз не задерживать ради меня.

Он обернулся к резерву. Люди стояли с поднятыми щитами, но каждый успел услышать последнюю фразу.

— Идём до изгиба. Без меня дальше не лезть.

Первые шаги прошли быстро. Тропа ещё позволяла двигаться вдвоём, затем сузилась. Щиты пришлось поднять наклонно, закрывая от склона. Между их краями оставались светлые щели. В одну из них почти сразу вошла стрела и ударила в камень возле щеки Троста.

— Плотнее! Переднего не толкай!

Из-за поворота выскочил имперец. Увидел своих и едва не бросился на выставленные копья. Трост успел отвести ближайшее. Человек повалился им под ноги, вцепился в край щита.

— Оттуда! Они оттуда идут!

Дальше на тропе показался серебряный щит. Он полностью перекрывал проход. За ним двигался второй, чуть выше; паладины спускались боком, придерживаясь за стену. Трост выставил меч и навалился на переднего. Лезвие звякнуло о металл, щит даже не качнулся.

Из-за его края вылетело копьё. Трост успел подставить своё дерево. Наконечник вошёл насквозь, застрял. Он рванул щит в сторону, пытаясь выдрать оружие у противника, но тот не отпустил. Вместо этого потянул сам. Троста развернуло к воде.

Сзади ухватили за пояс. Легат прижался к стене, выпустил щит из ремня и рубанул по древку. Со второго удара оно переломилось. Обломок вместе со щитом ушёл вниз и исчез в реке.

— Другой сюда!

Ему передали щит над головами. Сверху сыпались камни, стрелы били в поднятое дерево. Паладин за изгибом отступил, уступая место следующему; Трост увидел окровавленную ладонь, быстро пропавшую за

серебром. До Фавия оставалось совсем немного. Он слышал имперскую команду за камнем, отдельные голоса, даже звон удара. Но пройти можно было только через тех, кто стоял перед ним.

Трост приказал подать два копья. Первое упёрли под нижний край чужого щита, вторым попытались достать сверху. Паладин присел. Его сосед ударил по древкам палашом, одно раскололось. Имперец, державший второе, шагнул вперёд, потерял опору и вскрикнул. Трост поймал его за ремень, но тот уже висел над водой.

— Держите меня!

Двое прижали легата к стене. Он тянул солдата, чувствуя, как ремень режет ладонь. Человек внизу бил ногами по камню, никак не находя выступа. Наконец сапог зацепился. Его втащили наверх, смяли между щитами. В это мгновение копьё паладина пробило плечо того, кто стоял впереди Троста.

Проход заполнили тела. Живые толкались, раненые не могли повернуться. Чтобы сделать шаг вперёд, требовалось сперва вынести тех, кого только что пытались спасти.

Сзади кричали. Трост не различил слов и обернулся, готовый обругать каждого. Посыльный пробирался к нему на четвереньках, под щитами.

— Легат! Середина идёт! К броду прижали!

Трост посмотрел на изгиб. Там стоял всё тот же серебряный щит. За камнем снова крикнули по-имперски, но на этот раз никто не ответил.

— Ещё раз, — сказал он.

Начальник резерва повернулся к нему.

Начальник был загорелым, коротко остриженным; густые усы почти скрывали верхнюю губу.

— Кого вперёд ставить?

Трост открыл рот. Впереди лежал человек с пробитым плечом; живой, он пытался отодвинуться, чтобы не мешать. За ним оставалось место для одного. Трост мог занять его сам. Следом подали бы ещё щит, ещё копьё, ещё одного солдата, который потом не сумел бы развернуться.

С основного берега донёсся протяжный рог. Сигнал отхода.

— Назад, — произнёс Трост. — Раненых между собой. Не поворачиваться!

Ему пришлось повторить громче. Сам он стоял, пока не вытащили лежавшего перед ним, затем сделал первый шаг от изгиба. Паладин двинулся следом.

* * *

Фавий слышал рог. Не знал, чей приказ он передаёт, но его люди знали, что такой звук означает отход. Передний ряд дрогнул. Кто-то оглянулся к реке, другой шагнул назад, врезавшись в соседа.

— Здесь стоять! — крикнул центурион. — На меня смотреть!

Ему подчинились не сразу. Слева паладины уже вышли из прохода, и теперь у Третьего осталось два ряда, обращённых в разные стороны. Раненые лежали между ними. Одного положили слишком близко к ногам передних; Фавий сам перетащил его на плащ, ударившись повреждёнными рёбрами о край щита.

— Не бросайте, — сказал раненый.

— Лежи. Не мешай держать.

Человек отпустил его рукав. Фавий поднялся и увидел, как два серебряных щита сходятся у правого края. Имперцев между ними теснили к обрыву. Один солдат успел отступить в сторону, другой упал на спину. Паладин

занёс оружие, но центурион ударил ему в колено, заставляя отвернуться.

Его собственный щит разбили следующим ударом. Не насквозь — лопнул ремень. Дерево повисло на кисти, потянуло руку вниз. Фавий отбросил его, перехватил меч обеими руками и встал там, где прежде стоял упавший.

— К камню! Двух не пускай! По одному!

Он рубил по рукам, по древкам, по краям щитов, пытаясь выиграть место для своих. Перед глазами всё время оказывалось одно и то же лицо в круглом шлеме. Паладин не спешил. Принимал удары, отступал ровно настолько, чтобы они не достигали тела, и ждал, когда центурион откроется.

Слева ударило копьё. Фавий почувствовал толчок в бедро, будто кто-то попытался развернуть его за ногу. Боли сначала не было. Он сделал шаг, и земля внезапно ушла вниз. Колено ударилось о камень.

— Центурион!

Солдат бросился к нему, закрывая собственным щитом. Фавий ухватился за ремень у него на поясе, попытался встать. Нога не держала. Между пластинами доспеха быстро темнела ткань.

— Назад… К остальным…

Слова выходили вместе с воздухом, слишком тихо. Он хотел велеть не толпиться над ним, но сверху уже навалились чужие. Имперский щит прижало к его голове. В тесноте пахло кожей, потом и нагретым железом.

Кто-то кричал, что сдаётся. Кто-то продолжал бить. Фавий увидел перед собой сапог и ударил мечом, не разбирая, кому принадлежит. Лезвие выбили из рук. По предплечью прошла резкая боль, пальцы разжались. Затем его потащили, волоча раненую ногу по земле.

— Живым! Этот приказывал!

Голос был чужой. Фавий поднял голову. Над ним стоял паладин без забрала; жёлтые глаза казались почти белыми от света. Он держал центуриона за ворот и смотрел на знак Третьего.

Над открытым лицом возвышался круглый шлем; тяжёлая латная рукавица почти закрывала ворот пленного.

Фавий плюнул ему в лицо. Не попал. Паладин повернул голову к своим, что-то приказал. На запястьях сомкнулось железо.

С другого края ещё доносился бой. Фавий пытался повернуться, увидеть, кто остался стоять, но его ударили под повреждённые рёбра. На несколько мгновений он перестал слышать реку. Только хватал ртом воздух, не в силах вдохнуть.

Когда звуки вернулись, собственных команд уже не было.

* * *

Когда резерв выбрался из-под уступа, основная линия стояла уже у самой воды. Слева паладины вклинились между двумя группами Третьего; имперцы успели развернуть щиты навстречу друг другу и теперь сжимали их с боков. Это задержало противника, но отрезало путь к броду тем, кто отходил от верхней тропы.

Трост остановил своих у выхода. Впереди лежал широкий открытый промежуток. Перебежать его можно было за несколько мгновений — если никто не помешает. На середине уже стояли паладины. Один повернул к резерву голову, ударил палашом по щиту, показывая товарищам новую цель.

— Сначала раненые! За стеной, по воде! — Трост указал на узкую полосу под самым уступом.

— Там глубже!

— Здесь, у пологого берега, до колен. Дальше не спускаться. Я прошёл.

Он действительно прошёл здесь утром, проверяя подход. Тогда не предполагал, что несколько шагов воды между берегом и камнем станут единственной дорогой. Сейчас она была свободна только потому, что паладины ещё не дошли до её начала.

Носильщики двинулись первыми, подняв раненых выше. Один сразу оступился и ударился о стену, прижав лежавшего у него на плече человека. Тот закричал. Трост оттеснил остальных назад, не позволяя сбиться в толпу. С основной линии его заметили. Несколько щитов повернулись к выходу, но их центурион удержал: если разомкнуться сейчас, паладины ворвутся к броду.

Трост выставил меч над щитом.

— По моей руке! Вперёд — до своих! Не к берегу, на них!

Они ударили в бок паладинам, отрезавшим проход. Передний противник успел повернуться, но второй оказался зажат между товарищами и не мог поднять оружие. Трост налетел на него щитом, почти сбил. Имперцы с другой стороны одновременно подались вперёд. Несколько мгновений люди двух рядов видели друг друга поверх чужих голов, пытались согласовать шаги, не слыша команд за грохотом.

Паладины не побежали. Стиснутые с боков, они отступили к склону, продолжая бить. Один имперец попытался перехватить брошенное копьё и упал, получив удар по шее. Второй потянулся за ним, но Трост удержал за ворот.

— Проход! Сначала проход!

Он велел сомкнуть ряды над упавшим. Ноги солдат переступали через тело; кто-то зацепился, едва не рухнул

следом. Человек ещё двигался. Трост видел, как пальцы скребут по гальке, пытаясь за что-нибудь ухватиться. Приказа поднять его он не отдал: слева уже возвращались паладины, и строй снова едва держался.

Когда проход открыли, центурион основной линии втащил туда последних из резерва. Раненых у стены принимали с воды, передавая на руках. Несколько человек теперь стояли спиной к броду, ожидая, когда товарищи освободят место на камнях.

— Всех сразу не пускать! — крикнул Трост. — Ряд прошёл — следующий!

Он отправил лучников на другой берег первыми из тех, кто ещё держал оружие. Пришлось прикрывать их, пока они входили в реку. Из строя возмущённо закричали: почему уходят те, кто не ранен? Трост обернулся, указал мечом на противоположную сторону.

— Чтобы тебя оттуда закрыть! Щит держи!

Лук на том берегу поднялся только через несколько мучительно долгих мгновений. Стрелы прошли над имперцами, ударили в спускавшихся с холма паладинов. Напор ослаб. Трост повернулся к воде и велел начинать.

Он искал глазами того, через кого провёл строй. У места схватки лежало несколько тел. С такого расстояния все чёрные доспехи стали одинаковыми. Паладины уже двигались между ними, и пойти обратно означало снова закрыть проход тем, кто ещё мог уйти.

Трост отступал через брод вместе с последними щитами. Основную часть легиона успели перевести раньше, но у самой воды застряла группа, прикрывавшая резерв. Люди отходили боком, удерживая паладинов на каменистом берегу. Дальше противник не спешил: на противоположной стороне имперские лучники уже заняли места и били поверх отходивших.

На середине Трост обернулся. Каменный выступ наверху закрыл всё, что происходило возле Фавия. Он увидел только серебро на склоне и знамя, которого там утром не было.

— Легат! Ниже смотри!

Под ногами качнулся камень. Трост едва не упал, удержался за плечо ближайшего. Вода шла выше колен; сапоги давно наполнились, каждый шаг приходилось вытягивать из течения. Человек рядом нёс чужой шлем, вцепившись в него так, что пальцы побелели.

— Брось! Руку дай!

— Там… он остался…

Трост вырвал шлем и отбросил к берегу. Взял солдата за запястье, потащил следом. На суше тот сразу опустился на колени и пополз за шлемом, не замечая, что рядом летят стрелы.

Последних вывели уже под прикрытием своего строя. Паладины остановились у входа в брод, выставили щиты. С обеих сторон стреляли, но никто не пошёл в воду снова. Трост хотел приказать собрать ещё людей. Подошёл к резерву, увидел раненых, которых они вынесли с тропы, и остановился.

Начальник резерва ждал. На его щите торчали три обломка стрел.

— На верхнем участке кто-нибудь видел пленных? — спросил Трост.

— Я не видел.

— Не спрашиваю, видел ли мёртвых. Пленных.

— Не видел, легат.

Они стояли напротив друг друга, пока сзади не потребовали освободить место для носилок. Трост отступил, пропуская. Потом велел собрать тех, кто выбирался с верхнего склона. Каждый должен был сказать,

до какого места дошёл и кого видел последним. Не пересказать чужой крик, не прибавить к нему того, что хотелось услышать.

До вечера он получил несколько несовпадающих рассказов. Фавий стоял. Фавий упал. Его тащили к реке. Его тащили от реки. Человек, уверявший, что центуриона убили, сам потерял сознание раньше последнего удара. Трост отпустил его к лекарю и оставил место возле имени незаполненным.

Кодекс лежал на походном сундуке, прижатый камнем от ветра. Переплёт отца потемнел ещё сильнее после дороги. Трост держал перо, но запись не шла. Он мог перечислить вернувшихся. Мог назвать тех, чьи тела лежали у телег. Всё остальное пока приходилось обозначать одним словом — нет.

Он написал: «Фавий. Не вернулся с верхнего берега».

Черту не поставил.

* * *

Фавий пришёл в себя на дороге. Его везли на низкой телеге вместе с двумя другими пленными. Руки сковали спереди, общую цепь пропустили под бортом. При каждом повороте она тянула за запястья, не позволяя устроиться удобнее. Ногу перевязали поверх грязной одежды. Повязка промокла, но кровь уже не текла так быстро.

Он попробовал спросить, куда везут. Получился хрип. Пленный рядом подвинул к его губам чашку, придерживая обеими руками. Вода ударила в зубы, часть пролилась за ворот. Фавий пил, не открывая глаз.

— Осторожно, центурион, — сказал человек. — Больше пока не дают.

Фавий заставил себя поднять голову. Узнал солдата, которого утром оттащил от края.

— Знамя видел? — спросил он.

Тот посмотрел назад, хотя поворот дороги давно закрыл реку.

— На другом берегу. Наше. Уходило.

Фавий хотел сказать, что это хорошо. Что значит — выбрались. Что легат соберёт остальных и ещё придёт. Но язык прилип к нёбу, а телега снова подпрыгнула, ударив раненую ногу о доски.

Он сжал зубы и удержал крик. Солдат подвинул под бедро свёрнутый край своей одежды. Впереди шла охрана; солнечный свет скользил по серебряным плечам, по жёлтому знаку над строем. Илла осталась позади. Дорога к Мор-Цоре только начиналась.

Глава X. Мор-Цоре

К полудню нагрудник стал таким горячим, что Фавий перестал к нему прикасаться. Сначала он пытался оттянуть железо от тела, просунув скованные пальцы под ремень. Потом один из стражников ударил по рукам, и оставалось только стоять, не сгибаясь. Пот тёк под доспех, щипал раны и высыхал прежде, чем добирался до пояса.

У стражника из прорези шлема смотрели золотые глаза; латную кисть он держал над пальцами пленника, не опуская.

Во дворе Мор-Цоре не было тени. Она лежала дальше, под крытой галереей, где остановились сопровождавшие правителя люди. Серебро их оружия оставалось светлым, почти белым. Чёрная броня пленного центуриона вбирала солнце. Фавию казалось, что её нагревали нарочно, как железо у кузнеца, а теперь ждут, когда можно будет вынуть человека изнутри.

Пленный справа покачнулся. Общая цепь дёрнула Фавия за запястье, и он повернул голову.

— Не падай. Стань ближе.

Солдат сделал полшага. Тот самый, с Иллы. За дорогу лицо его осунулось так, что молодость выдавала только шея: тонкая, обожжённая, без старых шрамов. Он смотрел себе под ноги, где тень от цепи дрожала на камне.

Короткие тёмные волосы облепили виски солдата. Щёки оставались гладкими, а карие глаза на осунувшемся лице казались слишком большими.

— Не могу, центурион.

— Можешь. Колени не запирай.

Фавий сам едва держался. Рана на бедре затянулась грязной коркой; всякий раз, когда повязка присыхала к

ней, дорога начинала трясти телегу снова. Здесь он стоял на здоровой ноге, выставив раненую немного вперёд. Стража заметила и велела выпрямиться. Он подчинился, но ненадолго.

Из галереи вышел человек в светлой одежде. Остальные отступили, освобождая ему путь. На его лице не было той спешки, с какой охрана торопила пленных у ворот. Он мог позволить себе идти медленно.

Свято-царь был высок; светлые волосы и короткая аккуратная борода почти побелели. На пожилом лице золотые глаза выделялись особенно ясно, и светлая одежда оставляла открытыми его спокойные руки.

Фавий слышал имя ещё на дороге. Свято-царь Людомиил. Второй престол Дуократии, оставшийся после падения Илладиума, принимал тех, кого привели с Иллы. У ворот их показывали горожанам, заставляли повернуться знаками легиона наружу. Здесь доспех тоже оставили не по небрежности. Правителю предстояло увидеть имперского центуриона таким, каким его взяли.

Людомиил остановился перед Фавием. Жёлтые глаза свободно смотрели на освещённый двор. Пленный попытался поднять голову, но свет сразу ударил в зрачки. Пришлось зажмуриться.

— Где ваши победители? — спросил Свято-царь.

Фавий разлепил губы.

— Перед вами.

Стражник шагнул ближе. Людомиил поднял ладонь, останавливая его.

— Я вижу людей, которые пришли сжечь наши города. Один сожгли. Второго не получили.

— Мы не… — Фавий замолчал.

Оправдаться именем приказа было легко. Он уже слышал такие ответы от пленных по другую сторону войны

и знал, как они звучат. В Илладиуме его отряда не было. На Илле он стоял со знаком Империи и сам приказывал бить. Это нельзя было снять вместе с раскалённым нагрудником.

— Мои люди ранены, — сказал он. — Им нужна вода.

Людомиил приблизился. Ухватил его за волосы, запрокинул лицо к небу. Фавий попытался отвернуться, но пальцы держали крепко. Солнце прожгло сомкнутые веки. Он зашипел, подался на здоровой ноге и едва не упал.

— Проси прощения — и он позволит увидеть себя! Твой народ способен лишь разрушать!

Цепь натянулась. Сосед успел подхватить Фавия плечом, но стражник оттолкнул его назад. Центурион остался один, с вывернутой шеей, и на мгновение ему захотелось произнести всё, чего от него ждали. Лишь бы отпустили. Лишь бы можно было закрыть лицо.

— Воды, — выговорил он. — Им воды дайте.

Людомиил разжал пальцы. Фавий рухнул на колено. Удар прошёл от повреждённого бедра до поясницы; он не удержал крика и стиснул зубами нижнюю губу. Кровь оказалась тёплой, знакомой на вкус. С ней во рту было легче не отвечать.

Свято-царь вернулся под галерею. Там ему что-то сказали, подали лист. Он прочёл, не поворачиваясь к пленным. На дворе всё осталось прежним: свет, нагретый камень, цепь между руками. Только стражники перестали ждать и начали поднимать тех, кто сел или упал.

Фавия взяли под мышки. По раненому боку скользнула ладонь, и он снова застонал.

— Сам пойду.

— Тогда иди.

До арки было несколько десятков шагов. Он прошёл их, глядя на чужие сапоги. За спиной тащили человека, который больше не мог стоять. Цепь то провисала, то

дёргала назад, и никто не позволял остановиться, чтобы дождаться остальных.

В тени Фавий сначала ничего не увидел. Мир стал чёрным сразу. Он вытянул руки, наткнулся на стену; её холод обжёг ладони сильнее дневного жара. Внизу начинались ступени.

— Не толкай! Там нога… — крикнул кто-то сзади.

Первый спуск Фавий запомнил по ударам. Цепь о край ступени. Плечо о стену. Чужое колено ему в спину. Впереди несли лампу, и её свет качался, открывая по одному мокрые камни. До двора теперь было далеко. Оттуда ещё доносился голос, но слов уже не разобрать.

* * *

В камере оказалось холодно. Фавий понял это только спустя время, когда высох пот. Поначалу радовался каждой полосе сырого камня, к которой удавалось прислониться. Потом начал дрожать и не смог остановиться.

Их оставили в боковом помещении за решёткой. На полу лежала старая солома, притоптанная у стены, а в середине темнела лужа. Снаружи проходил коридор, поворачивавший у лестницы. Оттуда виднелось пламя лампы; если стражник двигал её, по стене камеры скользила длинная полосатая тень.

Общую цепь сняли. Запястья остались в железе. Снять нагрудник Фавию тоже не позволили: когда он попросил ослабить ремни, стражник велел сохранить знак для следующего допроса. Самого допроса пока не назначили.

— Здесь, центурион. Сухое.

Молодой солдат подвинул солому под стеной, освобождая место. Фавий опустился медленно, держась за выступ. Из-за железа на руках не удавалось сгибать локти

как следует. Пленный присел рядом, потянул за край повязки на его бедре.

— Не надо! — Фавий схватил его за кисть.

— Она к ноге прилипла.

— Поэтому и не надо.

С другой стороны заговорил третий. На дороге он лежал почти неподвижно; теперь сел, прижимая ладонью живот. Старше остальных, с проседью в бороде и сломанным передним зубом.

Редкая тёмная борода с седыми прядями не скрывала впалых щёк. Карие глаза смотрели снизу: выпрямиться до конца он не мог.

— Отмочить. Воду дадут — отмочим.

Фавий посмотрел на пустые руки молодого солдата. Тот понял и отвернулся. Последнюю воду выпили ещё до двора. Чашку у ворот забрала охрана.

Ждали долго. Сверху несколько раз проходили люди. Один остановился у решётки, посмотрел внутрь, ничего не сказал. Фавий поднялся было, но раненая нога подломилась. Пришлось опуститься снова. Молодой солдат подставил плечо, не пытаясь уверять, что помощь скоро придёт.

Еду принесли вместе с водой. Деревянную миску протолкнули через нижний проём; кувшин поставили так далеко, что дотянуться удалось только лёжа. Фавий услышал, как за решёткой засмеялись. Солдат втянул кувшин в камеру, прижал к груди и начал пить прямо из горла.

— Стой!

Он вздрогнул. Фавий протянул руку. Пленный отдал не сразу — ещё глотнул, затем отвёл лицо, сердясь и стыдясь одновременно.

— Я не всё.

— Знаю. Дай ему.

Бородатый выпил немного. Остатком смочили повязку. Ткань отставала медленно, вместе с ней из раны снова выступила кровь. Фавий остановил руку солдата, показал, где прижать сложенный край. За годы у раненых он научился различать опасность раньше, чем человек начинал бледнеть. Теперь приходилось объяснять, что делать с собственной ногой, и ждать, пока другой поймёт. Солдат дышал ртом, старался не смотреть на лицо центуриона. Фавий держался за нагрудник. Когда ткань наконец сняли, позволил себе закрыть глаза.

У Серых холмов лежачих тоже велели оставить. Тогда он понёс их и стал штрафником. Здесь не было ни носилок, ни людей за спиной, которых можно позвать на помощь. Но бородатый всё ещё сидел рядом, прижимая живот, и Фавий, переведя дыхание, велел ему показать рану.

На ночь бородатый поделил хлеб. Отломил три куска, потом передвинул самый большой к молодому. Тот не взял.

— Мне не надо больше.

— Ты воду носить можешь. Мы пока нет.

Фавий ел, почти не чувствуя вкуса. Под каменной стеной сидели трое людей, несколько дней назад принадлежавших строю, обозу, дороге. У каждого была своя работа. Теперь самым сильным оказался тот, кого он оттаскивал от обрыва.

Когда лампу в коридоре убрали, молодой солдат спросил:

— Нас менять будут?

— Будут договариваться.

— А нас найдут? Они же не знают, кого взяли.

Фавий устроился так, чтобы повреждённая нога лежала прямо. На вдохе кололо под рёбрами.

— Трост видел, что нас отрезали. Спросит.

— Если ему скажут, что убили?

Бородатый пошевелился у стены.

— Дай человеку поспать.

— Я отвечу, — сказал Фавий. — Он не запишет, пока не узнает.

Солдат немного помолчал. Потом лёг на бок, подложив под голову скованные руки. Фавий слышал его дыхание ещё долго после того, как стихли шаги охраны. Сам не спал. Повторял несколько слов молитвы, зацеплялся за них всякий раз, когда боль мешала закончить. Просил не победы. Просил, чтобы все трое проснулись.

* * *

В Драевиле первый обоз с Иллы не поместился у ворот. Подводы остановились на дороге, где раньше разгружали камень для ремонта стен. Лошадей распрягали, пока люди ещё лежали внутри; возчики торопились получить отметку и уйти к воде. У одной телеги лопнула оглобля. Её не могли сдвинуть ни вперёд, ни в сторону.

Октавий прибыл без церемониального сопровождения, но скрыть его появление не удалось. Караул начал расталкивать толпу, и движение остановилось окончательно. Император увидел поднятые древки и велел опустить.

— Вам ворота охранять приказали или больных по дороге держать? Этих внутрь. Писарь с ними пойдёт.

— Там места нет, государь.

— Где нет?

Караульный показал за арку. Октавий прошёл сам, придерживая край алого плаща. Внутри телеги поставили вплотную к стене, чтобы освободить проход для приезжих. Лежачих ещё не сняли: ждали людей из лечебного двора.

Старший лекарь спорил с распорядителем, требовавшим сперва сверить, кого привезли.

У лекаря были короткие русые волосы и крепкие руки; засученные рукава уже запачкались, пока он ждал носилок.

Распорядитель держал список тонкими чернильными пальцами; гладкие щёки покраснели от жары.

Император остановился между ними.

— Что нужно?

— Руки, — ответил лекарь, ещё не заметив, кто подошёл. — Те, которые не заняты вашей бумагой. И крыша. Здесь до вечера спекутся.

Распорядитель начал объяснять, что свободное помещение приготовлено для другой части. Октавий не дал закончить.

— Другая часть приехала?

— Ещё нет.

— Значит, пока этих. Вон те двое — за носилками. Караул по очереди помогает. С ворот всех не снимать.

Он подошёл к сломанной телеге. Раненый у борта попытался поднять руку в приветствии и скривился. Октавий прижал его ладонь к подстилке, не позволяя тянуться.

— Лежи. Мы тебя уже увидели.

Человек хотел что-то сказать, но закашлялся. Император сам придержал ему голову, пока лекарь подносил воду. Когда раненый снова смог дышать, Октавий отступил и только тогда заметил кровь на рукаве. Посмотрел, будто не сразу вспомнил, откуда она взялась.

В течение часа двор освободили. Лекарь, сперва растерявшийся, скоро нашёл ему работу: придержать дверь, не дать толпе окружить носилки, отправить человека за чистой тканью. Октавий сначала пытался одновременно принимать донесения, затем приказал ждать. Посланцы

стояли у стены вместе с его охраной, пока последнюю подводу не разгрузили.

Только после этого Император вернулся во дворец.

Аврел ждал в небольшой комнате, где обычно сверяли военные расходы. На столе лежало письмо Троста. Рядом — сообщение, пришедшее через людей, которых Дуократия отпустила с предложением о пленных. Подлинность печати проверили. Имена в приложении пока сверяли.

— Фавий есть? — спросил Октавий, ещё снимая перчатки.

— В списке указан центурион Третьего. Полного перечня нам не дали.

— Значит, Трост прав. Они живы.

— Некоторые живы, — уточнил Аврел. — Надо отвечать.

Император раскрыл письмо брата. Прочёл быстро, вернулся к середине. Трост описал оба участка, попытку резерва и приказ об отходе. Не просил признать сражение победой. Требовал узнать судьбу оставшихся и начать обмен.

Октавий положил лист поверх другого.

— Что они хотят?

— Говорить о своих пленных. В том числе об Илладиуме. Гарантировать, что переговорщиков пропустят и предложение не используют для нового наступления.

— О Вельдаро?

— Прямо его имя здесь не стоит. Ты понимаешь, кого потребуют первыми.

Октавий прошёл к окну. На площади за решёткой ворот меняли караул. Горожане ещё провожали подводы с вещами раненых, стараясь разглядеть знаки частей. Весть о возвращении обоза шла быстрее официального объявления.

— Второй положил половину людей, чтобы взять троих. Я отдам их, и они вернутся к своим с оружием.

— Обмен для этого и существует. Наши тоже вернутся.

— Ты видел, кого привезли сегодня?

— Видел раньше тебя, государь.

Октавий обернулся. Аврел стоял у стола, не стараясь смягчить сказанное. Он был старше тех, кому теперь приходилось отдавать приказы; ждать, пока молодой Император сам перечислит очевидное, не собирался.

— Я не отказываюсь от людей, — сказал Октавий. — Но трёх святорыцарей за неизвестный список не отдам. Пусть назовут всех. Пусть подтвердят, кто жив и кого способны доставить.

— Это можно потребовать, согласившись на встречу.

— А завтра объявят, что Империя просит выкупить разгромленный легион.

— Третий отступил с потерями. Слова не сделают их меньше.

Император прижал ладонь к раме. На рукаве ещё темнело пятно от чужой крови.

— В Илладиуме стоят наши гарнизоны. Дорога держится на том, что они не ждут нового удара каждый день. Если сейчас покажем, что нас достаточно прижать, чтобы мы меняли условия, следующая армия пойдёт туда. Что я скажу тем, кого сегодня велел нести под крышу? Отдыхайте, через месяц опять отправлю закрывать дыру?

Аврел подвинул к нему письмо Троста.

— Скажи брату, что согласен узнать, жив ли его центурион. Пока от тебя требуется это.

Октавий взял лист. Некоторое время держал двумя руками, разглаживая сгиб. Потом сел и продиктовал ответ: запросить полный перечень; обеспечить проход посланцу;

прежних военных распоряжений не отменять; вопрос об обмене рассмотреть после подтверждения.

Аврел дождался окончания.

— Без срока?

— Когда получим ответ.

— Они тоже ждут нашего. Так можно писать до следующей зимы.

Октавий поднял глаза.

— Тогда добейся, чтобы ответили раньше.

Аврел взял копию распоряжения и ушёл. В комнате остались Император и письмо брата. Октавий хотел дописать несколько собственных слов — о раненых, о том, что он был у ворот, о Фавии, которого помнил ещё по двору Третьего. Вместо этого снова прочёл строку о верхнем участке. Пленённый отряд не вписывался в сообщение, уже приготовленное для города: рубеж удержан, враг остановлен, войска заняли назначенные позиции.

Он зачеркнул слово «назначенные». Остальное оставил.

* * *

В Мор-Цоре на следующий допрос Фавия не позвали. Не позвали и через день. Охрана менялась, лампу переносили с одного крюка на другой, еду подавали в разное время. Пленные спорили, сколько прошло суток, и перестали спорить, когда поняли, что никто не знает верно.

Бедро Фавия воспалилось. Он не мог больше спать, вытянув ногу: мышцу сводило, приходилось прижимать колено к груди, а тогда железо давило на повреждённый бок. Молодой солдат начал стучать в решётку и требовать лекаря. Сперва вежливо. Потом так громко, что стража открыла дверь.

Его ударили и поставили лицом к стене. Фавий поднялся, чтобы заслонить, но не дошёл. Опустился на здоровое колено, удержался руками за прутья.

— Я просил, — сказал он. — Ко мне пришли.

Стражник посмотрел на его ногу. Позвал другого. Тот принёс лампу ближе, осмотрел повязку и велел снять нагрудник.

— Нам запретили, — ответил молодой солдат.

— Я велю снять.

Ремни не поддавались: засохшая грязь забила пряжки. Стражник разрезал два, остальные ослабил ножом. Когда железо отняли от груди, Фавий попытался вдохнуть глубже и закашлялся. Под бронёй кожа местами облезла после солнца. Молодой солдат отвёл взгляд.

Пришедший позже лекарь работал молча. Попросил воды у охраны, не у пленных. Велел держать Фавия за плечи, разрезал старую повязку. Центурион смотрел в потолок, считая выступы между камнями. На пятом перестал понимать, где находится. Когда очнулся, нога была перевязана, а на полу рядом лежали снятые части доспеха.

— Ходить понемногу, — сказал лекарь. — Не давать ему лежать всё время на одном боку.

— Его выпустят? — спросил молодой.

Лекарь посмотрел на дверь.

— Я о ноге говорил.

Он ушёл, оставив кусок ткани. Стражник ногой подтолкнул нагрудник к стене, велел никого к решётке не подпускать до следующей выдачи. Фавий лежал без сил. Ему помог человек той самой земли, куда они пришли с оружием, но камеру после этого заперли так же крепко.

Бородатому стало хуже к концу недели — так они условились называть время между двумя сменами соломы.

Он почти не ел, отдавал свой кусок молодому, пока Фавий не заметил. Тогда начал прятать хлеб за спиной, уверяя, что съест позже.

Однажды ночью он попросил помолиться.

— Сам не можешь? — спросил Фавий.

— Слова путаю. Начну — не знаю, дальше что.

Молодой солдат приподнялся на локте. В коридоре горела оставленная лампа, её света хватало, чтобы видеть лицо бородатого. Губы стали сухими, потрескавшимися. Он пытался улыбаться, чтобы не напугать остальных, и от этого выглядел ещё хуже.

Фавий подсел ближе. Взял его руку обеими ладонями, насколько позволяли цепи. Заговорил тихо, сначала сбиваясь, потом ровнее. Молился Двоим, как молились дома и перед строем, когда никто ещё не знал, кого принесут с поля. Просил облегчить боль, дать силы дождаться утра. Молодой повторял последние слова.

Бородатый некоторое время слушал. Потом поправил Фавия: тот пропустил строку, которую у них произносили иначе. Они поспорили вполголоса, и на мгновение камера стала похожа на ночлег, где трое упрямых людей никак не договорятся, кому пора спать.

До утра он не дожил.

Фавий понял это по руке. Она перестала отвечать на его осторожное пожатие. Он ещё долго держал её, прислушиваясь к дыханию, пока молодой не поднёс к лицу умершего собственную ладонь и не отнял обратно.

Утром за телом пришли двое. Не спрашивали молитв, не читали имён. Молодой солдат потребовал позволить вынести самим. Ему приказали отойти. Фавий удержал его за пояс, пока стража поднимала мёртвого.

— Запомни лицо, — сказал он, когда дверь закрылась. — До возвращения запомни.

— Я имя знаю.

— И я знаю. Всё равно запомни.

Нагрудник Фавия лежал у стены. После ухода охраны он подтянул его к себе, прислонил к сухому месту и сел рядом. Сил говорить больше не было. Молодой солдат собрал рассыпавшуюся солому, занял освободившийся угол, потом передвинулся обратно. Там лежать не захотел.

* * *

Гость поднялся за водой. Кувшин стоял у двери, в тёмном углу; пришлось взять лампу, чтобы не зацепить ногой скамью. Вернувшись, он не сразу сел.

— Тогда его ещё не называли Первым Падшим, — сказал Орк. — Для соседей по камере он оставался центурионом.

— Ты назвал его первым. А те, что приходили с севера при Владисе?

Орк принял кружку, подержал между ладонями.

— Первым из Третьего. Другие были раньше него.

— Значит, в тюрьме уже знали, что случится?

— Лекарь лечил ногу. Стража закрывала дверь. Что знали те, кого Фавий не видел, я за него сказать не могу.

Гость поставил лампу на стол. Свет лёг на закрытый Кодекс, на потемневший край переплёта.

— А он?

— Он ждал обмена. После первой смерти ещё ждал.

— Ты рассказываешь, будто надежда была глупостью.

Орк поднял голову.

— Нет. У ворот Драевиля его люди действительно требовали ответа. Трост писал снова. Аврел добивался встречи. Это происходило в то же время, когда Фавий лежал под землёй. Только ему ни одного письма не принесли.

Он придвинул лампу дальше от обложки. Гость сел, оставив кувшин возле своей ноги. Кружку держал обеими руками, но так и не отпил.

Глава XI. Долгая война

К первой зиме после Иллы Трост перестал узнавать людей со спины. Прежде хватало походки, способа держать щит, ругани у костра. Теперь старые плащи переходили к новым владельцам. Человек оборачивался на знакомый окрик, и легат видел чужое лицо.

На дороге к занятым имперцами землям Третий держал каменный постоялый двор. Стены у него были крепкие, зато крыша над конюшней протекала, а ворота открывались наружу. Пока шли обозы, это никому не мешало. Когда паладины появились на дальнем склоне, Трост велел снять одну створку и поставить внутри. Плотники не успели закончить до темноты.

— На ночь подопрём, — сказал центурион, принявший часть людей Фавия. — К утру подвезут железо.

Новый центурион был узколицым, с короткими тёмными усами; истёртый ворот доспеха белел над загорелой шеей.

— Если до утра оставят.

Трост поднял лампу. В щели между досками тянуло мокрым ветром. Он провёл ладонью по грубо обтёсанному брусу и сам помог втиснуть его под створку. Трое солдат прижали дерево плечами, четвёртый забил клин. Теперь ворота хотя бы нельзя было распахнуть одним рывком.

За стеной начиналась дорога, уходившая к следующему имперскому гарнизону. Отдать её означало оставить людей без хлеба и смены. Удержать двор Трост мог. Удержать одновременно дорогу до самого гарнизона — уже нет. Каждый день приходилось выводить сопровождение и ждать, откуда оно вернётся.

Последний обоз опаздывал.

Трост стоял над картой, когда с крыши позвали. Он поднялся по приставной лестнице; верхняя ступень качнулась, пришлось вцепиться в край стены. Внизу к воротам приближались огни. Передняя телега шла без правой лошади. Вместо неё оглоблю поддерживал человек, шагавший почти под колесом.

— Открыть! — приказал Трост.

Клин внизу не поддавался. Его только что вбили, и солдат, хватавшийся за дерево голыми руками, ободрал ладонь. Принесли топор, ударили обухом. Створка дрогнула, открывая узкую щель.

Огни на дороге остановились.

С верхнего склона пронзительно закричали. Одна из телег повернула поперёк, за ней побежали люди. Трост понял, почему обоз не атаковали раньше: его подогнали к месту, где гарнизон должен был открыть ворота.

— Лучников на крышу! Щиты к створке! За ворота всем сразу не выходить!

Он спрыгнул с последних ступеней, едва не сбив человека с копьём. Ворота удалось открыть наполовину. В щель уже протискивалась лошадь, за ней тянулась повреждённая телега. Возчик бил по борту, требуя пропустить, а снаружи в дерево ударила стрела.

— Лошадь отпряги! — крикнул Трост. — Не влезет с этой оглоблей!

Возчик не слышал. Смотрел только на свет внутри, тянул вожжи обеими руками. Трост выбрался к нему, схватил под уздцы, развернул лошадь вдоль стены. Солдат с ножом разрезал постромки. Передок телеги рухнул, и мешки покатились к воротам.

Паладины уже бежали от склона. В темноте их щиты казались чёрными; только иногда лампа выхватывала светлое железо. Трост поставил копейщиков поперёк

прохода, велел пропускать своих между двумя крайними. Обозные не могли понять, куда бежать. Видели направленные им навстречу острия и пытались обойти стену, где выхода не было.

— Ко мне! Здесь проход! Сюда, не за телегу!

Он встал у крайнего щита и хватал бегущих за рукава, поворачивал внутрь. Один вцепился в него так, что обоих едва не сбили. Трост ударил человека ладонью по лицу, заставил отпустить и вытолкнул во двор. Только потом заметил, что это женщина в мужском дорожном плаще.

Снаружи ударили копья. Передний паладин налетел на выставленные древки, остановился; следующие разошлись, стараясь подступить с боков. Там им мешали брошенные телеги. Имперские лучники стреляли сверху, и паладинам пришлось закрыть головы щитами. Проход ещё держался.

За воротами взвыло пламя. Загорелась крыша конюшни.

Трост обернулся. Возле сена стояла брошенная лампа; её опрокинули, когда пытались освободить место для въезжавших. Теперь огонь шёл вверх по сухой подстилке, добирался до низких балок. Лошади метались в стойлах, били задними ногами в перегородки.

— Из конюшни выводить! Не гасить, сначала лошадей!

Центурион послал туда людей. У ворот сразу стало меньше щитов. Трост встал в освободившееся место и принял удар, едва успев поднять руку. Чужое острие скользнуло под краем, прорезало плащ у серебряного орла. Он дёрнул ткань на себя, освобождая, и рубанул по древку.

Из двора выскочила лошадь без узды. Налетела на людей у прохода, заставляя расступиться. Паладины немедленно рванулись в образовавшийся промежуток. Трост ударил ближайшего щитом в грудь, но другой уже протиснулся у стены. Центурион встретил его копьём, оттеснил обратно и закричал, чтобы закрывали.

— Ещё наши!

На дороге оставались огни. Кто-то полз возле опрокинутой телеги. Трост различал руки на светлых мешках, но не мог понять, кто это — возчик или паладин, скрывшийся за грузом.

— Закрывать! — повторил центурион.

Трост отступил внутрь. Створку навалили всем строем, втиснули под неё брус. Снаружи ударили раз, другой. Затем шум отошёл к телегам.

Конюшню тушили до рассвета. Крыша провалилась, и дождь наконец начал попадать туда, куда прежде не проникал через солому. Под одной из балок нашли солдата, вернувшегося за привязанной лошадью. Он лежал лицом к выходу. Уздечка осталась зажата в ладони.

Трост помог поднять балку. Спина под латами сводила от усталости, на порванный плащ было больно смотреть: серебряного орла рассекло пополам. Женщина, которую он ударил у ворот, подошла, когда тело уже вынесли.

— Там муж остался, — сказала она. — На дороге.

Трост снял перчатку.

— На какой телеге?

Она объяснила. Он повёл людей туда сам. Паладины ушли ещё ночью, забрав тех, кого сумели поднять. У телег остались разорванные мешки, обломки колёс, несколько тел. Мужа женщины среди них не было.

Это не позволило назвать его живым. Но и сказать «погиб» Трост не смог. Он вернулся во двор, выслушал её вопросы и дал тот же ответ, который месяцами получал о Фавии: пока не знаем.

* * *

Весной Третий сменили на дороге. Трост передал двор, показал новому командиру обгоревшие балки и полосу на стене, до которой поднимался дым. Затем отправился в Драевиль. Путь занял дольше, чем прежде: на двух участках пришлось объезжать разбитую дорогу, у переправы ждали очередь из подвод с ранеными. В столице он появился после начала сева.

Октавия застал в конюшенном дворе. Император снял плащ и пытался удержать лошадь, пока конюх осматривал повреждённую подпругу. Животное шарахалось от любого движения возле живота. Один из помощников предложил связать ноги, и Октавий резко запретил.

— Держать умеешь — держи. Не умеешь — отойди.

Он говорил почти так же, как в детстве, когда Трост впервые посадил его на слишком высокого коня. Только теперь никто не мог приказать ему слезть и дать взрослым разобраться. Император сам выбрал, когда повернуть животное к свету, где встать и кого подпустить.

Увидев брата, улыбнулся.

— Вернулся. А мне сказали, завтра.

— Дорога высохла.

— Хоть где-то.

Подпругу сняли. Лошадь сразу перестала пятиться. Октавий погладил её по шее, отдал повод и забрал плащ у ожидавшего слуги. Трост заметил, что алое сукно теперь скрывает не худые плечи мальчишки. Брат окреп. Лицо стало суше, привычка щуриться появилась даже там, где не мешало солнце.

— Ты опять без смены приехал? — спросил Октавий, оглядев дорожную одежду.

— Людей отпустил спать.

— Я об одежде.

Трост посмотрел на рукав. На нём ещё держалась застарелая сажа.

— Эту можно выстирать.

— Тебя вместе с ней бы.

Они прошли во дворец через боковую дверь. Октавий велел принести брату еду и сам сел напротив, отодвинув бумаги. Несколько минут говорили о дороге, о конюшнях, о том, кто из старых слуг всё ещё сердится на ночные возвращения. Трост ел быстро, не замечая, что брат почти не притрагивается к своей тарелке.

Потом вошёл Терен.

Землемер положил на стол не карту войны, а список деревень. Рядом развернул лист с размеченными пашнями. Носил его сложенным столько раз, что по сгибам бумага протёрлась.

— Здесь брать нельзя, — сказал он. — Вообще. Не меньше взять. Не сейчас взять. Нельзя.

Октавий отставил тарелку.

— Я просил проверить остаток.

— Проверил. Остаток в мешках на посев. Изымешь — следующим летом пойдёшь за хлебом дальше.

Трост вытер руки, приблизил лист. Некоторые названия знал по дороге. Там уже отдавали лошадей для обозов и лес для ремонта переправ. Ему самому выдавали эти припасы, и ни разу не пришлось видеть людей, у которых их забрали.

— Складские запасы? — спросил Октавий.

— Ушли зимой. Ты видел ведомости.

— Видел. Ведомости не кормят гарнизоны.

Терен ткнул пальцем в размеченное поле.

— Вот это кормит. Когда посеяно.

Октавий встал. Прошёл к другому столу, достал распоряжение о поставках. За дверью ждали Аврел и

Кассий; Император велел пропустить обоих. Трост узнал по их лицам, что разговор начался ещё до его возвращения.

Аврел принёс условия, действовавшие со времён Владиславия. Изъятие сверх оговорённой доли требовало решения Сената и возмещения. Военная власть не могла одна назначить деревне новый сбор только потому, что мимо проходил голодный легион.

— На войну эти запасы тоже рассчитывали, — сказал Октавий.

— На оборонную, — ответил Аврел. — Не на гарнизоны за каждым новым холмом.

Кассий положил ладонь на край стола, не давая свернуть карту.

— Моим людям приказали взять лошадей. В одной деревне их осталось четыре. Сняли бы последнюю упряжку — люди не вывезли бы даже то зерно, которое отдают нам. Я остановил.

— До следующей поставки, — сказал Император.

— До решения. Не заменяй одно другим.

Трост перестал есть. Октавий всё ещё держал в руке распоряжение. Нижний край помялся, там, где пальцы сжимали бумагу.

— Я могу вывести часть гарнизонов, — произнёс Трост. — Стянуть к дороге. Не держать каждую заставу.

— А потом снова брать их?

— Или не брать.

Октавий посмотрел на брата дольше, чем требовал ответ.

— На дороге паладины. Ты сам пришёл оттуда. Оставишь места, откуда они выходят, — получишь новый обоз под стеной.

Трост вспомнил руки на мешках перед закрывшимися воротами. Он не хотел, чтобы брат пользовался этим

воспоминанием, но запретить не мог. Сам написал в донесении, что дорогу в одиночку не удержать.

— Тогда вести переговоры.

— Об обмене ведём.

— О войне, Октавий.

В комнате стало тихо. Терен отнял руку от карты. Аврел ждал, не помогая ни одному из братьев.

— Я не могу каждый раз предлагать мир после того, как убили наших, — сказал Император. — Сначала они должны перестать ждать, что следующий удар даст им больше.

— Они так же говорят.

— Пусть. У них ещё есть столица и армия. У нас есть обязанность не оставить людей, которых мы туда послали.

Он положил распоряжение рядом со списком деревень. Велел исключить посевное зерно из немедленного сбора, но разрешить военным брать остальное с выдачей обязательств о будущем возмещении. Лошадей — по отдельному решению командиров. Отказ Сената рассмотреть срочные заявки не должен был останавливать поставку.

— Это прежний запрет другими словами снимает, — сказал Аврел.

— Это даёт мне время до нового урожая.

— Урожай не обязан покрыть то, что ты сейчас обещаешь.

— А легионы не обязаны голодать, пока мы добьёмся, чтобы всё совпало.

Октавий подписал. Терен забрал карту, оставив список. Кассий ещё хотел что-то сказать, но Аврел остановил его коротким движением: спор продолжат в Сенате. Пока продолжить было где.

Когда они ушли, братья остались напротив друг друга.

— Ты мог сказать это мне одному, — произнёс Октавий.

— Ты решал при них.

Император провёл пальцем по краю тарелки, отодвинул её дальше.

— Я рад, что ты вернулся.

Трост не сразу ответил. В этих словах не было уловки. Оттого всё остальное становилось труднее.

— Я тоже.

Через несколько дней он снова уехал к Третьему. Вместе с ним шёл приказ, по которому следовало принимать новые обозы, не задерживая их из-за отсутствия прежних разрешений. У людей появилась еда. На пустых полях по дороге Трост задерживаться не велел.

* * *

Вторую зиму Фавий узнал по одежде стражи. Под плащами появились толстые воротники. Люди, приходившие сверху, растирали руки у лампы, жаловались на ветер. В камере стало только чуть холоднее. Камень хранил свой холод круглый год.

Нога зажила криво. Ходить Фавий мог, если сначала постоит, давая мышце отпустить. Молодой солдат больше не был безусым. За месяцы на лице выросла неровная борода; он раздражался, когда Фавий по старой привычке велел ему не подходить к решётке. После смерти первого соседа в камеру приводили других. Одни задерживались на несколько дней, других уносили. Имена приходилось повторять по ночам, чтобы не перепутать.

Борода Фавия отросла и поседела ещё сильнее. Прежде широкое лицо впало у висков; сильные руки стали сухими, с резко выступившими костяшками.

Однажды за Фавием пришли и велели надеть броню.

Ремни давно разошлись. Молодой связал их полосками ткани, помог поднять нагрудник на грудь. Доспех стал велик. Между телом и железом оставалось столько места, что край бил по рёбрам при каждом шаге.

— Нас меняют? — спросил он.

Стражник не ответил. Фавий сам поднял цепь, чтобы не волочилась по полу, и пошёл к лестнице.

Наверху горел дневной свет. Впервые за долгие месяцы центурион увидел не двор, в котором его заставляли смотреть на солнце, а небольшую комнату с открытым окном. Вдали шумел город. Кто-то продавал еду, несколько раз выкрикнув цену. Фавий не сразу понял слова: обычный человеческий крик звучал здесь неуместно.

У стола сидел имперец.

Не в военной одежде. Потёртый дорожный плащ, запылённая сумка, перо за ухом. Рядом стоял паладин, следивший за каждым движением. Имперец поднялся, когда пленного подвели ближе.

— Фавий? Центурион Третьего?

— Да.

— Скажи, кто командовал у Иллы.

Фавий назвал Троста, указал свой участок, вспомнил последний приказ до боя. Имперец быстро записывал. На середине центурион остановился.

— Вы от него?

— Послан по делу обмена. Нужно подтвердить, кого держат.

— Он знает, что я здесь?

Имперец поднял глаза. Фавий увидел в них осторожность и сразу возненавидел её. Ему хотелось получить простой ответ, без паузы, в которой уже можно было угадать всё плохое.

— Запрашивал тебя по имени. Несколько раз.

Фавий опустился на предложенный стул прежде, чем успел попросить разрешения. Паладин у стола недовольно шевельнулся, но имперец положил перед собой новый лист и продолжил спрашивать. Кто ещё из Третьего попал в плен? Кого видел сам? Кто умер? Центурион перечислял, иногда возвращался к имени, уточняя, когда человека увели. Он не знал судьбы тех, кто исчез за дверью. Знал только, кто не вернулся в его камеру.

— Последнего запишите отдельно, — сказал он. — У него брат во Втором. Не сообщайте, что погиб, пока не проверите. Его на другую лестницу повели.

Имперец дописал. Показал лист Фавию, и тот долго смотрел на ровные строки. За время плена почерк сделался чем-то почти неправдоподобным. Кто-то мог взять перо и сообщить о человеке тому, кто находился далеко. Для этого не требовалось кричать в камень.

— Меня когда поведут? — спросил он.

Посланец вытер кончик пера.

— Пока дня нет.

— Тогда зачем броня?

Паладин у стола заговорил раньше:

— Чтобы не сказали, будто показали другого. Твои знаки. Твоё лицо. Жив.

Фавий поднялся так резко, что стул отъехал назад.

— Живой я и без железа!

Стражник схватил цепь. Имперец тоже встал, удерживая листы на столе.

— Я передам, что видел тебя. Слышишь? Теперь передам точно.

Фавий смотрел на него, пока дыхание не выровнялось. Потом попросил сказать Тросту, что не сдавал проход, пока мог держать оружие. Посланец начал писать, но центурион остановил.

— Нет. Это он и так знает. Скажи, что здесь остальные. Их заберите тоже.

Его увели. На лестнице Фавий впервые не боялся оступиться: ноги двигались сами, слишком быстро для зажившей раны. В камере молодой солдат сразу вскочил, схватил за плечи.

— Когда?

— Ещё не сказали.

— Но видел наших?

— Видел.

Они долго говорили в ту ночь. Солдат вспоминал дорогу домой, спорил, какой путь короче. Фавий объяснял, что их сперва повезут к легиону, что лекарь должен осмотреть, что не отпустят без записи. Это были приятные возражения. В каждом уже существовало возвращение.

Через несколько дней посланец уехал. Пленных не вывели.

Стражник, приносивший воду, сказал, что стороны не согласились. Империя не отдаёт тех, кого требуют, Дуократия не принимает предложенного. Он говорил, пожимая плечами, будто обсуждал цену на корм для лошадей. Молодой солдат начал ругаться. Фавий не остановил.

Ночью тот спросил, что написали о них в Империи.

— Теперь знают, — ответил центурион.

— Раньше не знали — не приходили. Теперь знают. Что изменилось?

Фавий лёг лицом к стене. Ответить было нечего. Он всё ещё надеялся на следующий обмен, но больше не мог велеть другому ждать с той уверенностью, с какой отдавал приказ держать строй.

* * *

За второй зимой прошло лето. Из города доносились другие звуки: чаще открывали верхние окна, дольше работали во дворе, стражники приносили на одежде запах пыли. В камере меняли солому, выводили и возвращали людей. Молодого солдата забрали после ссоры у выдачи. Фавий потребовал сказать, куда. Ему ответили, что в другое помещение. Увидеть его больше не позволили.

Оставшись без знакомого голоса, центурион сначала продолжал разговаривать с новыми пленными. Объяснял, где сухо, как доставать кувшин, когда лучше обращаться к охране. Потом заметил, что всё время повторяет одно и то же. Люди менялись быстрее, чем успевали поверить.

Того, кто лежал у стены, мучил кашель. Он просил Фавия помолиться, и центурион садился рядом, брал за руку. Слова ещё помнил. Только теперь перед каждой молитвой приходилось заставлять себя начать. Он знал, как умирающий будет ждать последней строки, и не мог обещать, что после неё станет легче.

Однажды не начал.

Человек позвал дважды. Фавий сидел, упершись затылком в камень, и смотрел на решётку. В коридоре сменялась охрана. Один стражник передавал другому ключи, объясняя, какой замок заедает. Они смеялись над чем-то, говорили о дороге домой. Звук ключей повторился, короткий и ясный.

Фавий встал.

Подошёл к решётке, так близко, что холодное железо коснулось лба. Пальцы сами обхватили прутья. Ему хотелось раздвинуть их, выйти в коридор, взять человека с ключами за горло и заставить дослушать хоть одну молитву до конца. Не убежать. Не просить воды. Заставить остаться

здесь, у стены, пока тот, кто зовёт сзади, не перестанет дышать.

Стражник обернулся.

— Назад.

Фавий не шевельнулся. По пальцам ударили древком. Он отпустил решётку, опустился на пол. Боль дошла не сразу; сперва увидел, как кровь капает на колено.

Кашляющий за спиной затих.

Ночью Фавий проснулся от шёпота. Не от слов — слов он не различил. Казалось, за камнем, к которому прислонена голова, кто-то повернулся и выдохнул. Центурион отнял ухо от стены, прислушался. В коридоре никого. Пленный у дальней решётки спал, укрыв лицо руками.

Фавий снова прижался к камню.

Шёпот вернулся.

Он вспомнил, как рассказывал товарищам, что Трост обязательно спросит о них, как заставлял повторять имена умерших, как ждал человека с пером. Всё это находилось где-то наверху, за дверями, которые открывались для других. Здесь оставались руки, разбитые о решётку, и чужое дыхание из стены.

— Кто там? — спросил Фавий.

Ответа не было. Только ощущение, будто его наконец услышали.

Утром он не смог подняться за водой. Стражник посмотрел внутрь, увидел неподвижного центуриона возле частей чёрного доспеха и велел соседу взять его долю. Фавий слышал. Повернуть голову не сумел.

Глава XII. Первый Падший

Кувшин стоял возле колена. Фавий видел его каждый раз, когда открывал глаза, но не мог протянуть руку достаточно далеко. Пленный у решётки несколько раз подносил воду к его губам. Большая часть вытекала обратно. Потом человек устал ждать, поставил кувшин и лёг.

Редкие пряди седины лежали на лбу Фавия. Щёки провалились под скулами; в прежних серых глазах почти не осталось движения.

В камере стало тихо. Даже капли, прежде падавшие с верхнего камня, теперь слышались редко. Фавий пытался считать их, терял счёт, начинал снова. Между двумя ударами воды проходило слишком много времени. В этот промежуток помещались шаги за дверью, боль в груди, чей-то негромкий голос, которого не могло быть поблизости.

Он хотел перевернуться. Под боком лежал край нагрудника, давно продавивший одежду до кожи. Когда-то Фавий сам подвинул железо, чтобы не оставлять в луже. Теперь оно мешало дышать, и на исправление этого не хватало сил.

Снаружи прошли двое. Один остановился у камеры.

— Этот ещё жив?

Фавий услышал, как сосед поднялся, подошёл ближе. К нему прикоснулись — сначала к плечу, потом к шее. Он хотел отдёрнуться. Хотел сказать, чтобы не трогали, пока сами не принесут врача. Губы не слушались.

— Дышит, — ответил пленный.

— Утром посмотрим.

Шаги ушли.

Утро уже было однажды. И другое. Он помнил свет из арки, руку в волосах, железо, от которого нельзя отнять кожу. Помнил человека за столом, обещавшего сообщить Тросту. Не мог больше расставить всё по порядку. Встреча с посланцем казалась то вчерашней, то такой далёкой, что на ней присутствовал другой Фавий, ещё способный подняться со стула и сердиться в полный голос.

Рядом кто-то снова просил помолиться.

Нет. Никто не просил. Тот человек умер. Фавий знал это, но просьба продолжала звучать, и он снова искал начало молитвы. Нашёл только последнее слово. Повторил про себя, не понимая, к кому теперь обращается.

Из стены ответили.

Не словом, не именем. Шёпот приблизился так, будто тот, кто находился по другую сторону камня, лёг рядом. Фавий ненавидел эту близость. Ненавидел решётку, за которой смеялись, дверь, перед которой остановились лишь спросить, жив ли он, собственную руку, не способную дотянуться до воды. Хотел подняться и пройти к лестнице. Не просить разрешения. Не ждать, пока чужой человек решит, достаточно ли дорого за него заплатят.

Вдох оборвался. Он попытался сделать ещё один и не смог.

Сердце ударило редко, тяжело. Фавий почувствовал этот удар всем телом, словно кто-то стукнул в дверь изнутри. Потом ещё один — слабее.

Больше не было.

Пленный у решётки проснулся позже. Подошёл, позвал центуриона, потряс за плечо. Фавий не ответил. Человек приложил ладонь к его рту, долго держал и наконец отступил.

Стража опять не пришла сразу. Мёртвый мог подождать до смены.

* * *

Первым вернулся звук железа.

Он находился совсем близко — под рукой, возле груди, на запястье. Фавий повернул голову. Камень не давил в висок. Пол оставался холодным, но холод больше не проходил внутрь. Там, где прежде при каждом движении поднималась боль, было пусто.

Он сел.

Неровная тёмная борода лежала на впалых щеках соседа. Тонкая шея выступала из свободного ворота; у решётки он стоял сутулясь.

Сосед прижался к решётке. Открыл рот, не издав ни звука, затем зашептал знакомые слова. Молитву. Фавий смотрел на него и не мог вспомнить, почему раньше садился рядом, когда её произносили.

Воздуха не хватало. Он раздвинул губы, попытался вдохнуть. Грудь не поднялась. При этом голова не кружилась, перед глазами не темнело. Фавий ждал обычного удушья, но ничего не произошло.

Пальцы наткнулись на край рта. Кожа была натянута, губы не сходились. Он провёл рукой по щеке, задел выступ скулы. Лицо ощущалось чужим, неподатливым, словно ему надели тесную маску и забыли прорезать достаточно места для движения.

В неподвижных чертах ещё угадывалось прежнее широкое лицо. Но глаза под нависшими бровями теперь были тёмными, как угли; седеющая борода лишь подчёркивала, насколько чужой стала кожа вокруг рта.

Пленный вскрикнул.

Фавий обернулся к двери. Звук разорвал тишину камеры; из коридора сразу ответили шаги. Он знал их. Медленные у лестницы, быстрее на ровном, остановка

возле лампы. Человек, который бил его по пальцам, всегда задевал оружием стену на повороте.

Железо зазвенело именно там.

Фавий поднялся. Раненая нога не подломилась. Он поставил её вперёд, перенёс вес, задержался, ожидая знакомого спазма. Ничего. На полу лежал нагрудник. Центурион нагнулся и поднял его, как поднимал каждое утро перед построением. Ремни распались под пальцами. Он протянул кусок ткани через пряжку, затянул, не замечая, как острый край разрезает кожу ладони.

Чёрное железо висело криво. Одного наплечника не хватало, под нижним краем торчала рассохшаяся подкладка. Фавий попытался поправить её и бросил. Из стены больше не шептали. Зов находился уже не снаружи.

— Ты чего орёшь? — спросил стражник у решётки.

Пленный показал на центуриона, не в силах объяснить. Лампу подняли выше.

Фавий увидел собственное отражение в выпуклом стекле. Оно было маленьким, искажённым огнём, но глаза различались ясно. Две тёмные точки, внутри которых тлел уголь.

Стражник отступил.

— Лечь! Сейчас же!

Прежде достаточно было этого голоса. Даже если не подчинялся, Фавий заранее знал, что последует: удар, поворот головы, рука перед лицом. Теперь он не стал закрываться.

Древко вошло между прутьями и ударило в нагрудник. Фавий поймал его обеими руками.

* * *

Стражник попытался выдернуть оружие. Не сумел. Упёрся ногой в нижнюю перекладину, потянул сильнее. Центурион шагнул назад, увлекая его за собой. Лицо паладина ударилось о решётку. Ключи на поясе звякнули, лампа качнулась и упала.

В коридоре стало темнее. Фавий видел достаточно.

Он тянул, пока дерево не треснуло. Обломок остался в руках. Стражник отшатнулся, зажимая разбитый рот. Хотел закричать, но удар сквозь решётку пришёлся ему в горло. Звук оборвался.

Фавий протянул руку к поясу упавшего. Пальцы не доставали. Прут застрял между локтем и плечом, удерживая его внутри. Он навалился всем телом, нажал ещё. Металл не поддался. Тогда центурион повернулся боком, как на узкой тропе у Иллы, и просунул руку ниже. Зацепил край одежды, подтянул мёртвого ближе.

— Не надо, — шептал пленный за спиной. — Не надо, Фавий...

Имя задержало его на мгновение. Он почти повернулся. Затем кольцо с ключами попало в ладонь, и центурион снова увидел только замок.

Первый ключ не вошёл. Второй провернулся наполовину. Фавий дёрнул дверь, ломая его внутри, и бросил кольцо на пол. В груди поднялось что-то, похожее на прежний крик, но изо рта вышел сухой скрежет.

Он взялся за дверь обеими руками.

Замок удерживал. Верхняя петля давно отходила от кладки; Фавий видел это годами, когда стража распахивала створку, бросая её на камень. Живому человеку было не выдрать крепление. Теперь он рванул вверх, не заботясь о руках. Из стены посыпалась крошка. Дверь скрипнула.

У лестницы закричали. Приближались ещё люди.

Фавий рванул снова. Верхнее крепление вышло вместе с куском камня; створка наклонилась, продолжая держаться внизу. Между нею и косяком открылся промежуток. Центурион повернулся, протиснулся наружу. Нагрудник зацепился за прут, тканевая завязка лопнула. Железо ударило о пол. Он поднял его, прижал к груди одной рукой, затем нащупал оставшийся боковой ремень и затянул поперёк тела. Пластина держалась криво, но руки освободились.

Двое стражников остановились у поворота. Первый держал щит, второй — короткое копьё. Увидев лежавшего товарища, они не бросились вперёд. Отступили к лестнице, поднимая оружие так, чтобы закрыть проход.

— Назад! — крикнул один.

Фавий продолжал идти. Копьё ударило в грудь, соскользнуло с прижатого железа и вошло ниже. Он остановился, глядя на древко. Паладин нажал, стараясь оттолкнуть. Фавий шагнул ближе. Наконечник прошёл глубже, но ноги не перестали двигаться.

На лице стражника появилось выражение, которое центурион помнил по молодым солдатам перед первым боем. Следующий удар уже не получился. Паладин выпустил копьё, потянулся за палашом. Фавий успел раньше: прижал его к стене собственным оружием, выдернул из ножен клинок и ударил под край щита второго.

Схватка заняла несколько мгновений. В тесном коридоре двое мешали друг другу. Щит развернулся, прижав паладину локоть; тот пытался высвободиться, когда Фавий ударил снова. Кровь прошла по светлой кладке длинной полосой.

Оставшийся стражник опустился на колени. Руки у него были пусты. Он что-то говорил — центурион не различал, хотя слова звучали знакомо. Наверное, просил остановиться.

Фавий не остановился.

Когда всё стихло, он стоял над телами и держал палаш остриём к полу. По лезвию стекала кровь. В камерах начали кричать. Кто-то звал охрану, кто-то требовал открыть, кто-то молился так громко, словно надеялся перекрыть остальные голоса.

Фавий повернул к лестнице.

* * *

Он помнил, сколько здесь ступеней. Считал их каждый раз, когда выводили наверх, чтобы не упасть. Теперь ноги проходили сами, но на последнем повороте центурион остановился: сверху доносились команды.

Не бегущая стража. Строй.

Паладины успели закрыть верхний пролёт щитами. За передними горели две лампы, и свет уходил вниз, прямо ему в лицо. Один из защитников шагнул на ступень, подставив край щита под копьё товарища. Они знали, что противник один, и не собирались спускаться к нему по очереди.

Фавий прижался к стене. Удар прошёл возле головы, выбив крошку из камня. Он отступил на ступень, ещё на одну. Длинное копьё потянулось следом. Центурион ударил по древку сбоку, заставил его уйти к противоположной стене и рванулся вверх.

Первый щит встретил его грудь. Кость под ним хрустнула. Фавий слышал звук, но не остановился. Ухватился за окованный край, потянул вниз. Паладин,

стоявший выше, упёрся ногами, удержался. Тогда Фавий перестал тянуть на себя и толкнул обратно, резко, всем телом. Противник потерял равновесие на ступени.

Он не упал. Задние подхватили. Но между щитами открылось место для лезвия.

Фавий вошёл туда палашом, затем плечом. Его ударили по голове рукоятью, выбили клинок из пальцев. Он вцепился в руку, которая ударила, и стиснул так, что металл перчатки прогнулся. Паладин закричал. Строй дрогнул, передние начали пятиться в помещение наверху.

Центурион выбрался следом.

Это была комната стражи. Он видел её прежде только через чужие ноги, когда выводили на допрос. Стол, скамьи, стойка у стены. Дверь во двор находилась справа. Слева начинался другой коридор, и оттуда уже бежали люди. Фавий не пошёл за отступившими: повернул к двери, где ощущалось движение воздуха.

Один из стражников бросился наперерез с алебардой. Лезвие надрубило стянутый боковой ремень, скользнуло по железу и ударило в плечо. Рука Фавия повисла. На мгновение он остановился, рассматривая её, будто чужую вещь, которая отказалась служить.

Паладин замахнулся снова. Центурион шагнул внутрь замаха, прижал древко к столу здоровой рукой и ударил головой в лицо. Раздался короткий хруст. Противник отшатнулся, но оружие не выпустил. Фавий вывернул древко, заставляя его пальцы разжаться, и сбил человека под скамью.

Из бокового коридора выбежал ещё один. Остановился у двери, увидев случившееся, и крикнул тем, кто шёл сзади, не входить. Фавий повернул к нему голову. Человек попятился. Центурион сделал шаг следом.

— Фавий!

Из лестничного проёма вышел пленный. Тот, что лежал у дальней решётки. Поднял руки, показывая, что в них ничего нет. Одно запястье ещё охватывало железо, цепь волочилась по ступеням.

— Там выход, — сказал он, указывая вправо. — Ты туда шёл. Во двор.

Фавий смотрел на него. За плечом человека открывалась лестница в темноту. Оттуда доносился звон ключей, чьи-то торопливые шаги. Пленные выбирались из открытых камер, боясь не меньше, чем стражники наверху.

Центурион повернулся к правой двери.

Пленный отступил, освобождая дорогу. Не коснулся его, не попытался помочь с повисшей рукой. Фавий прошёл мимо и ударил плечом в створку.

* * *

Солнце не ослепило.

Оно лежало на том же дворе, на светлом камне, на ступенях под галереей. Фавий поднял лицо и посмотрел прямо. Глаза не заболели. Не пришлось зажмуриться или отвернуться. То, чего когда-то требовали от него силой, теперь получилось без всякого усилия.

Во дворе было пусто только первые мгновения. Затем закричали у ворот. Стража увидела фигуру в обломках чёрной брони и побежала навстречу. За ними люди из галереи бросились внутрь, толкая друг друга у дверей.

Фавий вышел на середину. Прежняя цепь ударила по ноге; он наступил на неё, дёрнул руку и вырвал уже надломленное звено. Железный браслет остался на запястье. Снять его он не попытался.

Первый стражник поднял щит. Центурион обошёл слева, заставляя повернуться, и ударил отнятой алебардой

в незащищённый бок. Древко было слишком длинным для одной руки. Следующий замах вышел неловким; лезвие стукнуло о камень. Паладин напротив успел ударить мечом по его плечу.

Фавий упал на колено.

На мгновение двор стал таким, каким он помнил: свет сверху, чужой человек перед лицом, собственная нога на горячем камне. Он попытался вдохнуть, хотя уже не нуждался в воздухе. Из горла вышел тот же сухой звук.

Центурион поднялся под следующим ударом. Оттолкнул меч остатком нагрудника, выпустил алебарду и вцепился в противника здоровой рукой. Щит закрыл их обоих от остальных. За ним Фавий бил, пока паладин не перестал сопротивляться. Затем выпрямился, оставив тело на камне, и поднял оружие за древко.

К воротам больше никто не бежал. Оставшиеся стражники отступали туда, стараясь держаться вместе. Один тянул раненого товарища, другой прикрывал. Фавий пошёл следом. Не торопился, но расстояние сокращалось. У самого выхода паладины попытались сомкнуть створки. Он вклинил алебарду, удержал, пока древко не треснуло, и протиснулся между дверями.

За стеной начиналась улица Мор-Цоре.

Люди расступались, ещё не понимая, кого видят. Кто-то решил, что ведут нового пленного, и оглянулся в поисках охраны. Потом заметили кровь, неподвижное лицо, руку, висевшую под разрубленным плечом. Крик прошёл по улице раньше него.

Фавий остановился возле стены. За ней слышалось множество голосов — испуганных, сердитых, незнакомых. Из камня больше не звали. Он провёл здоровой ладонью по шершавой поверхности и отнял руку.

Дорога открывалась в обе стороны. Центурион повернул туда, где между домами было больше света, и пошёл, не оглядываясь на темницу. Никто из выбравшихся следом пленных не решился его догнать.

* * *

Первый рассказ пришёл в Третий вместе с купеческим обозом. У Мор-Цоре якобы обрушилась тюрьма. Потом оказалось, что не обрушилась: умерший имперец убил стражу и вышел через стены. Через неделю стены снова появились целыми, а мертвец уже командовал сотней поднятых из могил солдат.

Трост велел прекратить пересказывать это перед строем.

Не помогло. Люди говорили у котлов, в карауле, во время починки оружия. В каждом отряде находился тот, кто слышал от человека, действительно видевшего. И в каждом рассказе чёрная броня принадлежала Третьему.

— Кто назвал имя? — спросил легат у возчика.

— Так все знают. Фавий. Ваш же центурион.

— Все — это кто?

Возчик замялся. Рассказ слышал на стоянке, там говорил человек из другого обоза. Своими глазами видел только дорогу и цены, выросшие после новых стычек. Трост отпустил его, запретив приписывать легиону то, чего никто не проверил.

В тот же вечер один из молодых солдат спросил, можно ли теперь не бояться смерти.

Трост подошёл к нему так быстро, что сосед отступил.

— Сними наруч.

— Зачем, легат?

— Сними.

Под кожей виднелся свежий порез. Небольшой, полученный во время работы. Трост взял солдата за руку, повернул к свету.

— Кровь идёт?

— Шла.

— Ещё пойдёт, если откроешь. И умереть можешь так же, как вчера. Повтори.

Солдат повторил. Трост отпустил его, сразу пожалев, что сделал это при всех. Но извиняться за сам ответ не собирался. Завтра этому человеку предстояло стоять в карауле. Слух не должен был заставить его подставиться под стрелу.

Настоящий свидетель пришёл позже, когда легион уже сменил место. Его привели двое из караула. Человек шёл медленно, придерживая пояс обеими руками; на запястьях оставались широкие рубцы. Сказал, что выбрался из Мор-Цоре и ищет Третий.

Трост выслушал его без других офицеров. Спросил, где содержали, как выглядела лестница, кого видел у Фавия. Пленный описал камеру, сломанное крепление двери, стражника на полу. Потом замолчал, глядя на чистую стену шатра.

— Он умер, — сказал человек. — Я трогал. Не дышал.

— Сколько времени?

— Не знаю. Там времени не видно.

— Лекарь смотрел?

— Лекаря не привели. Я сказал страже. Они велели ждать смены.

Трост сжал край стола.

— Потом он встал?

Человек кивнул. На этот раз легат не потребовал слов. Свидетель всё ещё смотрел на стену, словно ждал, что за тонкой тканью появится тот же камень.

— Говорил с тобой?

— Нет. Я его звал. У лестницы… Он слышал, наверное. Повернулся к выходу.

— Узнал тебя?

— Не знаю.

Трост хотел спросить, как лицо, голос, походка. Человек начал отвечать сам. Говорил об оскале, который не менялся, о глазах, о копье в теле. На середине его вырвало в принесённую миску. Легат позвал лекаря и отодвинул все остальные вопросы.

Позже свидетель попросил отпустить домой. Сказал, что не хочет оставаться у оружия. Трост выписал ему пропуск, велел дать еду и место на попутной телеге. Ни присяги, ни обещания вернуться не потребовал.

— Куда он ушёл? — спросил напоследок.

— По улице. Я в другую сторону побежал.

* * *

В книге возле имени Фавия стояло: «Не вернулся с верхнего берега». Ниже, другими чернилами: «Плен подтверждён».

Трост нашёл запись после ужина. Свет лампы падал на старые строки отца, затем на его собственные, более тесные. Теперь предстояло добавить, что спустя годы человек вышел из Мор-Цоре. Это мог засвидетельствовать только измученный пленный, которому показалось, что рядом умерший поднялся на ноги.

Трост держал перо над страницей.

Он видел достаточно мёртвых. Проверял дыхание, держал руку на шее, ждал движения век, потому что иногда человек ещё возвращался. Но копьё в груди, разрубленное

плечо, неподвижный оскал — это было не возвращение к жизни, которую помнил Фавий.

Из-за полога донёсся спор. Кто-то назвал центуриона Восставшим. Другой ответил, что так весь их легион звали ещё при Владиславии, только тогда имели в виду совсем другое. Третий потребовал говорить тише: раненый спит.

Трост положил перо.

Прогнать надежду оказалось труднее, чем опровергнуть возчика. Она не требовала верить каждой подробности. Достаточно было допустить одно: человек, которого уже не ждали, сумел встать и уйти. В тот же миг в памяти появились другие лица, и легат закрыл книгу прежде, чем успел назвать их все.

Наутро он велел передавать ему любые проверяемые вести о Фавии. Ни одного человека не разрешил отправлять к Мор-Цоре на поиски. Сам остался у карты, выслушал донесения и отдал обычные приказы живому Третьему.

Глава XIII. Толленград

Из-под полога закричали уже за воротами.

Возчик остановил лошадей. Лежавший с краю раненый пытался удержать соседа, у которого открылось кровотечение, и сам съехал к борту. Трост спрыгнул на мостовую, велел снять заднюю доску. Двое солдат полезли внутрь. Лекарь прижал сложенную ткань к чужому боку, не давая больше двигаться.

У лекаря были короткие каштановые волосы и широкие кисти; рукава он подвернул выше запястий.

Улица была узкой. За обозом остановились повозки с овощами; впереди, возле стены, торговали рыбой. Женщина с корзиной принялась ругаться, требуя дать пройти. Никто не понимал, сколько ещё телег осталось за воротами и куда они собираются ехать.

Из-под её платка выбивались русые пряди; пальцы, обветренные до красноты, крепко держали ручку корзины.

Трост поднял руку своему переднему всаднику.

— Не веди следующих сюда. Останови у развилки.

Городской стражник попытался оттеснить торговку. Та ударила его корзиной по руке.

Стражник был гладко выбрит, коротко острижен; загорелые уши покраснели сильнее щёк.

— Мне до вечера стоять? Я здесь с рассвета!

— Тогда знаешь, где можно объехать, — сказал Трост. — Покажи.

— Через нижнюю площадь. Только там сегодня торг.

Стражник начал объяснять, что по нижней площади военным обозам ходить запрещено. Его перебили с другой стороны телеги.

— И не пойдут. Раненых перенесём здесь. Пустые повернут обратно.

Говорила женщина в дорожном плаще, без охраны и без палки распорядителя. На рукаве виднелось пятно извести. Она отодвинула рыбный прилавок ровно настолько, чтобы между ним и стеной поместились носилки, затем обернулась к стоявшему за ней человеку:

Волнистые тёмно-каштановые волосы она собрала, чтобы не падали на лицо. Карие глаза быстро переходили с носилок на проход; в смугловатом лице и крепкой подвижной фигуре не было придворной неподвижности.

— Откройте боковые двери. И перестаньте нести всё через кухню. Там сейчас обед.

— Там примут наших? — спросил Трост.

Она посмотрела на руки лекаря, уже красные от крови.

— Для того и открываем. Я разрешила занять лечебный двор. Тринити Мелиан, мэр Толленграда.

* * *

— Повтори.

Орк замолчал. Гость сидел прямо, уперев ладони в колени. От прежней усталой позы не осталось ничего.

— Тринити Мелиан, — произнёс хозяин.

Несколько мгновений было слышно, как ветер скребёт веткой по наружной стене.

— Моя мать.

Орк не стал возражать.

Гость поднялся так резко, что задел стол. Вода плеснула через край чашки. Он не заметил.

— Ты знал?

— Да.

— С самого начала?

— Ещё до того, как мы открыли Кодекс.

— И решил рассказать мне про неё между обозом и лечебным двором?

— Там они встретились.

Гость отошёл к двери. Положил ладонь на засов, но не сдвинул. Орк остался на месте. Не пытался удерживать, не подбирал слов, которые сделали бы случившееся случайностью.

— Она говорила о войне, — сказал Гость. — О городе. О бабушке. Никогда — об этом легате.

— У неё были причины.

— Ты и их знаешь?

— Не все.

Ответ разозлил сильнее, чем уверенное объяснение. Гость обернулся.

— Тогда не говори за неё.

Орк медленно убрал руку с закрытой книги.

— Хорошо. Я расскажу, что произошло. Что она решила оставить себе, у неё и останется.

Гость не вернулся к стулу сразу. Постоял у двери, слушая дождь. Потом взял тряпку, лежавшую возле очага, вытер со стола воду и сел.

— Продолжай. Только больше не жди, пока я сам узнаю имя.

* * *

Трост знал, кто управляет Толленградом. В письмах имя выглядело иначе: под ним стояли условия, отказ в размещении вооружённой охраны и длинное перечисление расходов, которые Империя должна была оплатить прежде следующего обоза. Он представлял человека старше.

Тринити тем временем придерживала дверь плечом. Мимо пронесли первого раненого. Голова на носилках качнулась; она остановила носильщика, велела укоротить шаг и только после этого вернулась к разговору.

— Вас ждали вчера.

— Вчера пришлось остановиться. Этот уже не выдерживал дороги.

— Тогда хорошо, что не повели дальше. Здесь его сразу уложат.

Он не понял, шутит ли она. По лицу — вполне могла сердиться.

Лечебный двор прежде принадлежал большому постоялому дому. Нижние комнаты отвели под больных, на втором этаже оставались постояльцы. Хозяин стоял у лестницы с таким выражением, будто каждый новый человек лично отнимал у него год жизни. Тринити прошла мимо, не притворяясь, что не видит.

— Комнаты оплачены. Сено тоже. О дровах поговорим вечером.

— Моим людям негде спать!

— На верхнем этаже. Как договорились.

— У меня гости.

— Тогда не сдавайте одно место дважды.

Трост вошёл следом. В комнате пахло вываренной тканью, горячей водой и старым пивом, которое не удалось выскоблить из досок. Его лекарь уже спорил с местной женщиной из-за расположения лежанок. Та требовала оставить проход к окну, он хотел поставить ещё две.

Тринити молча протащила между ними ведро. Лекарь был вынужден отойти.

— Вот столько места нужно человеку с водой, — сказала она. — С раненым понадобится больше.

Трост приказал вынести лишние лежанки во вторую комнату. Лекарь подчинился, но после тихо спросил, долго ли здесь собираются указывать военным.

— Пока мы у них в доме, — ответил легат.

За это согласие пришлось заплатить уже через час.

Два городских склада, на которые рассчитывал обозный начальник, оказались заняты. Он показал Тросту письмо с императорской печатью. В письме требовалось предоставить место для припасов, следующих к действующей армии. Начальник полагал, что этого достаточно.

Тринити прочла бумагу стоя у открытой двери склада. За её спиной люди перекатывали бочки. Один из грузчиков, заметив военных, остановился.

— Работайте, — сказала она. — До дождя осталось меньше, чем до конца нашего разговора.

Начальник обоза побагровел.

— Вы понимаете, чья это печать?

— Понимаю. Потому и отвечаю сама. Толленград не принадлежит вашему императору.

— Речь о помощи союзнику.

— Тогда попросите её.

Трост взял письмо из её рук. Прочитал ещё раз, хотя знал содержание. Формулировки, годившиеся для имперского города, здесь оставили без изменения. Приказ выглядел так, словно граница уже исчезла и оставалось только поставить подпись внизу.

— Нам нужны сухие помещения на три недели, — сказал он. — Обоз уйдёт, когда вернутся порожние телеги. За хранение заплатим.

— Эти склады заняты до конца месяца.

— Можно сдвинуть товар.

— Можно. Только он принадлежит людям, которым я обещала место. Вы предлагаете нарушить обещание из-за того, что приехали позже них?

Начальник снова открыл рот. Трост остановил его движением руки.

— Какие помещения свободны?

Тринити указала вверх по улице.

Свободным оказался старый двор с протекавшей крышей. До него пришлось идти пешком: мостовую вскрыли для починки водостока. В одном из сараев гнездились птицы, в другом хранили сломанные лотки. Начальник обоза выразил сомнение, пригодно ли это место для императорского зерна.

— Для любого зерна пока непригодно, — ответила Тринити. — Крышу можно исправить. Вы привезли плотников?

— Это солдаты.

— Они не умеют держать молоток?

Трост вышел во двор. Взглянул на стропила, на широкие ворота, через которые свободно пройдёт телега. В дальнем углу оставался колодец. Место было неудобным, зато здесь не пришлось бы выгонять хозяев.

— Сколько стоит аренда?

Тринити назвала сумму. Начальник застонал.

— С починкой, — добавил Трост.

— Без.

Он впервые улыбнулся.

Договорились к вечеру. Имперцы платили меньше за первые недели и оставляли исправную крышу. Стража в городе подчинялась мэру; у самого склада Трост мог выставить своих людей, но проводить вооружённые патрули по улицам — только вместе с городскими. Письмо с печатью он убрал в сумку. Оно ничего здесь не решило.

* * *

Трост остался дольше, чем собирался.

Третий отвели от передовой для пополнения и смены снаряжения. Основной лагерь находился за городскими землями; оттуда ежедневно приходили люди с донесениями и возвращались с распоряжениями. Раненых следовало отправить дальше, когда освободятся места на дороге к Империи. Некоторые уже не могли ехать. Других везти сейчас означало убить тряской.

Он жил при складе, в низкой комнате над воротами. Первые ночи просыпался от скрипа колёс и тянулся к мечу раньше, чем вспоминал, где находится. Возчики ворочали бочки, ругались на темноту; внизу не было врага. К утру приходил писарь и обнаруживал легата уже одетым.

Тринити приезжала не каждый день. Когда её ждали для утверждения новых мест в лечебном дворе, она не появилась вовсе. Прислала человека с ключами, а сама до ночи разбирала обвал у соседнего дома. Трост увидел её только на следующий вечер, возле разбитой стены. На площади лежали доски, мокрая глина и чьи-то домашние вещи.

Она стояла на перевёрнутой бочке и говорила одновременно с каменщиком и двумя женщинами. Один требовал убрать всех подальше; женщины хотели вернуться за сундуком. Трост подождал, пока разговор закончится.

— Я могу прислать людей.

— Пять человек, умеющих ставить подпорки. Остальных здесь достаточно.

— Пришлю десять.

— Тогда пятеро будут мешать.

Он засмеялся. Тринити спустилась с бочки, оступилась на скользкой доске и сама удержалась, прежде чем он успел протянуть руку.

— Вы всегда торгуетесь за лишнюю половину? — спросила она.

— Обычно мне предлагают меньше, чем нужно.

— Привыкайте говорить сразу, сколько нужно. Здесь помогает.

Он прислал пятерых. Сам вернулся после обхода больных и провёл часть вечера, удерживая балку вместе с солдатом, который месяц назад держал перед ним щит. Каменщик ругался на обоих одинаково. Когда подпорка встала, из дома наконец вынесли сундук. Он оказался маленьким; две женщины прижали его к себе так, что никто больше не предложил помочь.

Тринити принесла хлеб и кувшин. Села на камень у края площади. Трост опустился рядом, сняв перчатки. На ладонях остались занозы.

— Теперь ваши солдаты решат, что я беру с Империи плату ещё и работой, — сказала она.

— Они уже считают, что вы грабите нас за крышу.

— Плотник сказал, после ремонта простоит лет десять.

— Наш плотник?

— Мой. Ваш обещал двадцать. Я ему не поверила.

Он отломил хлеб. Впервые за день ел сидя, а не над чьим-то плечом, пока диктовали письмо.

— Давно вы мэр?

— Достаточно, чтобы перестали спрашивать, где мать. Недостаточно, чтобы перестали ходить к ней после моего отказа.

— Она отвечает?

— Иногда. Потом присылает их обратно и спрашивает меня, зачем мы обе тратим время.

Татия Мелиан нашла время для него через несколько дней.

Тёмные волнистые волосы старшей Мелиан уже густо тронула проседь. Карие глаза оставались ясными, а уверенная линия рта напоминала дочь; над синей одеждой поблёскивало неброское золотое украшение.

Приёмом это назвать было трудно. Трост пришёл к Тринити обсудить отправку выздоровевших и обнаружил старшую Мелиан в комнате, заставленной корзинами с сушёными травами. Она перебирала связки, откладывая отсыревшие. Тринити стояла у окна и спорила с нею о месте для нового навеса.

— Здесь всё равно темно, — говорила дочь.

— Поэтому не надо делать ещё темнее.

Увидев гостя, Татия не стала прятать корзины. Предложила сесть туда, где оставалось место, и сама пододвинула к нему стул.

— Похож, — сказала она, рассматривая его лицо. — Только уставший раньше времени.

Трост знал, кого она имеет в виду.

— Отец тоже уставал.

— Умел скрывать. Иногда так хорошо, что мы сердились на него за спокойствие.

Она спросила об Октавии. Не об указах — о самом Октавии, которого помнила мальчиком. Трост ответил сначала привычно: работает, принимает донесения, редко отдыхает. Татия отложила сухую ветку.

— Это я и из писем знаю. С братом-то разговаривает?

— Разговаривает.

— Ну, уже хорошо.

Тринити повернулась от окна. На лице её ничего не изменилось, однако спор о навесе больше не продолжился.

Она села рядом со столом, выслушала, сколько телег понадобится, и распорядилась передать ответ утром.

Когда вышли, Трост сказал:

— Она не собиралась спрашивать меня о дороге.

— Нет. Ей хотелось увидеть вас. Если бы сказала прямо, вы пришли бы в полном доспехе и всё испортили.

Он взглянул на собственную куртку, испачканную у манжет.

— А так я ничего не испортил?

— Пока нет.

* * *

Через неделю они поспорили всерьёз.

Причиной стали трое выздоровевших солдат. Лекарь считал их годными к дороге, обозный начальник собирался включить в сопровождение. Один не мог поднять руку выше плеча, второй ходил с палкой, третий при звуке упавшего железа закрывал голову. Трост увидел список уже подписанным и утвердил, не зайдя в комнату.

Тринити пришла к нему во двор без приветствия.

— Снимите их с охраны.

Он продолжал надевать перевязь.

— Кто их осматривал?

— Не знаю. Я видела, как одному помогали застегнуть одежду.

— Они будут ехать, не идти.

— И сторожить ночью. Вы это тоже видели?

Трост затянул пряжку сильнее, чем следовало.

— Мне нужны люди на дороге. Я не могу отправить обоз совсем без охраны.

— Найдите других.

— Вы думаете, они лежат у меня в запасном сундуке?

Она отступила на шаг. Не испугалась; просто перестала стоять настолько близко.

— Нет. В комнатах они лежат. В вашем списке — уже стоят.

Трост хотел ответить, но из ворот выехала телега, заставив их разойтись. Колёса громыхнули на камнях. Пока она проходила между ними, он увидел женщину, державшую за руку выздоровевшего: поправляла рукав, прикрывавший пустое место ниже локтя.

— Покажите, — сказал он.

Они пошли вместе. Лекарь разозлился, когда Трост потребовал повторного осмотра, затем признал, что годность к перевозке и годность к службе в списке оказались в одной графе. Никто не собирался обманывать легата. Всем требовалось быстрее освободить помещение.

Трост отменил своё распоряжение. Для охраны взял людей из лагеря, задержав отправку на день. Начальник обоза явился жаловаться на потерянное время и получил достаточно резкий ответ, чтобы уйти раньше окончания разговора.

Тринити ждала за дверью.

— Вы сердитесь не на него, — сказала она.

— На него тоже.

— Тогда не говорите со мной его голосом.

Он снял перевязь, которую всё утро без нужды поправлял.

— Я не посмотрел.

— Теперь посмотрели.

— Этого мало?

— Для этих троих хватило. Завтра принесут другой список.

Она ушла, не оставив удобного примирения. Трост отправился к раненым снова — уже без мэра, без лекаря у

плеча. Человек с палкой попросил не задерживать его надолго: дома ждали. Тот, что закрывал голову от звона, уверял, что умеет стоять в карауле. Легат выслушал обоих и оставил прежнее решение. На этот раз мог объяснить, почему.

Вечером он сам нашёл Тринити. Она сидела у открытого окна, зажав между зубами конец нитки, и пыталась пришить оторванную пуговицу.

— У вас нет человека для этого? — спросил он.

— Есть. Сейчас скажет, что надо было отдать раньше, а не перед выходом.

— Куда собираетесь?

Тринити вынула нитку изо рта.

— Гулять. Без списка больных.

* * *

Она повела его к воде.

На улицах уже зажигали огни. Где-то жарили лук; из открытой двери слышался смех, затем громкий спор о счёте. Трост шёл без плаща, оставив серебряного орла в комнате. От этого не перестал быть заметным. Несколько человек узнали, уступили дорогу, но никто не встал по стойке и не потребовал немедленного решения.

Тринити купила у лотка две горячие лепёшки. Одну протянула ему, не спросив, голоден ли. Он обжёг пальцы.

— Держите за край.

— Я знаю.

— Вижу.

Они остановились у невысокого ограждения. Внизу двигалась тёмная вода; свет из окон распадался в ней на длинные полосы. Трост некоторое время смотрел на

течение. Тринити не спросила, о чём он думает. Только отодвинулась, освобождая ему место у перил.

Он первым заговорил о пустяке. Рассказал, как в детстве пытался научить Октавия держаться на слишком большой лошади и получил за это от обоих: брат сердился, что его придерживают, конь — что тянут поводья в разные стороны.

Тринити засмеялась полным голосом. Спросила, кто в итоге победил.

— Конь. Просто ушёл к кормушке.

— Разумнее вас.

— Значительно.

Она рассказала, как однажды спряталась от Татии в пустом ящике и просидела там до вечера, потому что грузчики поставили сверху ещё три. Мать потом сердилась меньше, чем мастер, которому пришлось разбирать собственную укладку.

— Вы могли крикнуть.

— Тогда пришлось бы признать, что я там. Мне казалось, стоит подождать — и всё устроится.

Трост доел лепёшку, облизал обожжённый палец.

— Иногда и сейчас кажется.

— Мне тоже. Обычно недолго.

Над водой стало прохладнее. Тринити спрятала руки под плащ, но уходить не предложила. Они вернулись через площадь, где уже разобрали торговые ряды. На мостовой оставались листья, верёвки, следы разлитого молока. Мальчик с метлой сердито отгонял собаку от объедков; та обходила его по кругу и снова возвращалась.

У двери Тринити остановилась.

— Завтра вы опять уедете в лагерь?

— До вечера.

— Тогда не присылайте ответ о дровах с солдатом. Зайдите сами.

— Ради дров?

Она открыла дверь.

— Если вам так легче прийти.

Трост задержался на пороге. Давно не оказывался в положении, когда не нужно было сразу решать — войти, приказать, отказаться. Тринити ждала, уже не скрывая улыбки.

Он коснулся её руки. Она повернула ладонь и сжала его пальцы.

Поцелуй вышел коротким. Трост успел почувствовать тепло её щеки, запах хлеба и уличного ветра, прежде чем она отстранилась.

— До завтра, — сказала Тринити.

В комнату над складом он вернулся поздно. На столе лежало письмо из Драевиля. Октавий требовал сведений о готовности Третьего к переходу на другой рубеж и о запасах, которые можно получить через Толленград. Рилнморск пока упоминался как предмет переговоров. Но для переговоров почему-то уже следовало приготовить весь легион.

Трост прочёл письмо дважды, затем убрал под чистый лист. Ответ написал утром, до отъезда в лагерь. О возможностях города сообщил точно. Обещаний от имени Тринити не дал.

Вечером вернулся.

Глава XIV. Перед дорогой

На второй неделе их встреч Трост впервые опоздал.

Тринити ждала его к ужину. К тому времени, когда он поднялся на крыльцо, блюда уже убрали, а она сидела внизу с двумя городскими мастерами. На столе лежали куски дерева; один был тёмным от сырости, другой недавно обтёсан. Мужчины спорили о балках для лечебного двора. Тринити увидела легата и указала на свободный стул, не прерывая разговора.

Один мастер был широколицым, с короткой каштановой бородой; второй — худым и гладко выбритым. На пальцах обоих белела древесная пыль.

Он сел. В лагере весь день распределяли пополнение. Пришли люди, до этого служившие далеко от Дуократии, и несколько десятков таких, кто вообще не держал строй под обстрелом. Последние были уверены, что чёрное знамя делает их лучше подготовленных соседей. Трост потратил несколько часов, убеждая в обратном. Теперь сил на собственный рассказ не осталось.

Мастера ушли не сразу. Один успел спросить у легата, правда ли военные платят за лес дороже. Тринити засмеялась и предложила посмотреть на починенную крышу имперского склада.

Когда дверь закрылась, Трост начал извиняться.

— Я собирался послать человека.

— Собирались.

— Потом пришлось ехать к дальним палаткам. Там подрались.

— А по дороге назад никто не встретился?

Он умолк. Она собрала деревянные образцы в корзину и отнесла к стене.

— Я не требую бросать легион. Только не заставляйте меня ждать там, где могли бы сказать, что не придёте.

— Я хотел прийти.

— Поэтому оставила вам еду.

Он посмотрел на неё. Тринити уже шла к кухне, и по движению плеч было видно, что сердится всё ещё. Трост поднялся следом, взял у неё тарелку. Есть пришлось холодное, сидя у маленького стола рядом с дверью. Она устроилась напротив и подложила под локти сложенную ткань.

— Из-за чего дрались?

— Из-за места у костра.

— Стоило вашего дня?

— Не моего. Один потерял зуб.

Тринити перестала улыбаться. Он рассказал остальное: старые солдаты не хотели пускать новых, новые требовали равного места, затем кто-то вспомнил Иллу и тех, кто её не видел. Ничего, чего нельзя было остановить раньше. Центурион решил, что сами разберутся.

— А вы?

— Я велел разбить костёр заново. Посередине.

— И всё?

— Нет. Того, кто ударил, отстранил от караула. Завтра поговорим ещё раз. Сегодня он слышал только себя.

Она протянула хлеб. Трост взял и вдруг заметил, что стол слишком мал: их колени соприкасались под ним. Тринити тоже заметила, но не отодвинулась.

В следующий раз он предупредил заранее. Приехать смог лишь через два дня. Она встретила его без упрёка, зато заставила помочь переставить тяжёлую полку, которую мастера установили слишком близко к окну. Потом долго смеялась, когда легат, привыкший командовать десятками

людей, никак не мог провести один угол мимо дверного косяка.

— Левее!

— Здесь стена.

— С моей стороны левее.

— Тогда правее.

— Трост, просто поверните.

Они справились без солдат. Полка оказалась на новом месте, с одной свежей царапиной, которую Тринити накрыла вазой. Он остался до темноты. В тот вечер впервые перестал вслушиваться в каждый звук со двора.

* * *

В Драевиле уже готовили другое распоряжение.

Кассий пришёл к Октавию с картой старых пограничных застав. Принёс сам, не передав через писаря. На бумаге были отмечены дороги, где имперские и феодальные отряды прежде сменяли друг друга по соглашению. Несколько отметок пересекали новые линии снабжения.

— Они не откроют крепости для наших гарнизонов, — сказал Кассий.

Октавий стоял у окна. За его спиной слуга держал раскрытую верхнюю одежду; Император никак не мог закончить разговор и одеться. Он наконец просунул руки в рукава, поблагодарил коротким движением головы и отпустил человека.

— Если не откроют, южная армия останется зависеть от каждой ссоры между лордами.

— Она зависела и раньше. Договаривались.

— Раньше не приходилось кормить столько людей за пределами Империи.

Кассий расправил край карты, загнувшийся от долгого хранения.

— Тогда верни часть людей.

— Чтобы через год снова идти за ними? Чтобы каждый сосед знал: достаточно перерезать дорогу и подождать?

— Рилнборт её не перерезал.

— Но может.

Кассий не сразу ответил. Октавий сам придвинул к нему письмо, лежавшее у края стола. Король соглашался обсуждать движение обозов, сопровождение и совместную охрану. Постоянные имперские гарнизоны отвергал. Своих воинов под чужое командование не отдавал.

— Он предлагает прежний союз, — сказал Кассий.

— Прежний союз оставляет решение за ним. Каждый раз.

— Именно поэтому это союз.

Октавий провёл ладонью по лицу. На подбородке виднелся маленький порез, оставшийся после утреннего бритья. Он потянул ворот, мешавший дышать, и сел.

— Ты думаешь, я не понимаю разницы? Понимаю. И вижу, сколько она стоит. Мы удерживаем рубежи, платим, хороним людей. Я отвечаю за них, а разрешения на дорогу должен просить отдельно у каждого. Отец мог себе это позволить.

— Отец добился, чтобы мог.

— Не заставляй меня спорить с ним через тебя.

Кассий убрал руку с карты.

Октавий некоторое время молчал. Затем заговорил тише, уже без раздражения:

— Мне нужен один порядок. Чтобы обоз знал, где его примут. Чтобы командир не ждал месяц, пока два правителя обменяются любезностями. Рилнборт сохранит свои земли. Я не требую от него отказаться от имени.

— Только от права решить, чья армия стоит у него дома.

— Если он примет условия, войны не будет.

Кассий свернул карту. Не резко, не в знак оскорбления. Просто разговор больше не менял ни одной черты на ней.

— А если не примет?

— Тогда закончим быстро. До того, как к нему присоединятся остальные.

Сенатор задержался у двери.

— Быстро уже обещали.

Октавий не окликнул его. Вызвал писаря и продиктовал приказ о сборе войск. Имя Троста поставил первым среди тех, кому следовало направить отдельное письмо.

* * *

Письмо застало Троста в лагере.

Он читал его возле строившихся рядов, пока центурион проверял новые щиты. Потом отошёл в палатку и перечитал без шума. Требовалось привести Третий к сборному месту, пополнить обозы и быть готовым к походу на земли Феодалов. Переговоры ещё шли. Срок выхода уже определили.

Ниже официального распоряжения Октавий написал несколько строк собственноручно. Просил приехать, когда позволит дорога. Уверял, что не хочет бессмысленной крови. Рассчитывал на брата.

Трост положил лист на стол. Перед ним висела карта, которую ещё недавно собирались снять: легион отдыхал, раненые уходили домой, на освободившихся местах появлялись люди с чистыми ремнями. Он смотрел на путь к Рилнморску и вспоминал двор отца. Рилнборт приезжал туда без вооружённой свиты в каждом дверном проёме.

Говорил громко, смеялся, спорил с Владиславием так, как теперь не позволяли говорить никому.

Трост написал ответ. Перечислил, что Третий может дать к назначенному сроку, затем добавил просьбу не закрывать переговоры, пока он не поговорит с королём сам. Не отказался от похода. Долго смотрел на две последние строки, словно ещё можно было заставить одну отменить другую.

К вечеру отправил письмо и приказал готовить переход.

В Толленград вернулся через день. Тринити ждала в городском дворе, где разгружали прибывшие ткани. Увидела его лицо, закончила счёт и передала связку дощечек помощнику.

— Когда?

Он не стал спрашивать, откуда она знает.

— Скоро. Мне нужно собрать легион.

— И куда?

— К Рилнморску.

Тринити отошла от телеги. Люди продолжали работать, стараясь не слушать. Она повела Троста под навес, где можно было говорить тише.

— Мать получила письмо оттуда, — сказала она. — Король предлагает оставить дороги открытыми. Этого мало?

— Октавий хочет гарантий.

— Каких?

Он назвал. Тринити слушала, не перебивая, затем прислонилась спиной к столбу.

— Через наши ворота ты тоже хотел войти с его приказом.

Она впервые сказала ему «ты» так, что это не приблизило, а остановило. Трост ответил не сразу.

— Я не вошёл.

— Здесь — нет.

Под навесом было прохладно. За его краем рабочий вытряхнул пустой мешок, и пыль на мгновение закрыла двор. Трост дождался, пока человек отойдёт.

— Я попробую договориться с Рилнбортом.

— О чём? Ты можешь снять эти условия?

— Могу убедить брата изменить их.

— Уже пытался?

— Написал.

Она отвернулась, сжав край собственного рукава.

— Я знаю, сколько идёт письмо.

Трост хотел сказать, что не он начал войну. Слова были готовы, привычны, почти убедительны. Он не произнёс их. В лагере уже складывали палатки по его распоряжению.

— Если меня там не будет, легион поведёт другой.

— Возможно.

— Ты знаешь, что это значит?

— Знаю, что ты боишься за своих. Не знаю, почему это обязывает тебя идти на чужих.

Он ударил ладонью по столбу. Не сильно; дерево сухо отозвалось. Тринити выпрямилась.

— Не делай так.

— Прости.

— Я не твой противник на совете.

— Я знаю.

— Тогда не заставляй меня уступать, чтобы остаться рядом.

Трост опустил руку. Они долго стояли под навесом, пока из двора не уехала последняя телега. Потом Тринити вернулась к помощнику, проверила, что всё убрали от дождя, и велела запереть склад. Трост ждал у ворот. Она вышла к нему уже без бумаг.

— Проводишь?

Он пошёл рядом.

* * *

Оставшиеся дни не стали непрерывным прощанием.

Тринити ездила по городу, принимала жалобы, однажды до позднего вечера спорила с торговцами о плате за место. Трост дважды ночевал в лагере. Грузили зерно, принимали подковы, заменяли ослабевших лошадей. Плотник у склада потребовал обещанный остаток денег. Трост расплатился прежде, чем отправить последние ящики.

Он старался оставить город так, чтобы за его людьми не пришлось убирать чужим. Получилось не всё. У стены осталась куча испорченной соломы, за аренду двух телег обозный начальник посчитал меньше, чем ожидали хозяева. Тринити разобралась с ним без Троста, а потом отказалась принимать благодарность.

— Он спорил со мной как с мэром. Так и закончили.

На третий вечер они встретились у воды. Там же, где прежде ели горячие лепёшки. Теперь лоток закрыли; хозяин отвязал навес, и ткань хлопала на ветру. Трост хотел купить что-нибудь по дороге, но Тринити остановила его.

— Не надо каждый раз повторять тот вечер.

— Он мне понравился.

— Мне тоже. Поэтому пусть останется.

Они прошли дальше. За городскими огнями темнели крыши, на одной сушилось бельё, забытое до ночи. Тринити рассказала о новом месте для больных: постоялый двор нужно освобождать, а тем, кто пока не может ехать, найдут комнаты ближе к лекарям. Трост предложил оставить часть денег из дорожного запаса.

— От легиона? — спросила она.

— От меня.

— Тогда оставь. Только без условия, что я должна ждать следующего обоза.

Он остановился.

— Ты думаешь, я покупаю это?

— Нет. Боюсь, что потом ты сам захочешь так думать: здесь помог, значит, там сделал меньше плохого.

Трост долго смотрел на воду. Она взяла его под руку и заставила продолжить шаг.

— Я не хочу всё время говорить о войне, — сказала Тринити. — Но если совсем перестану, ты решишь, что я согласилась.

— Не решу.

Он сказал это твёрдо. Она поверила достаточно, чтобы сменить разговор. Начала жаловаться на вазу, которой закрыла царапину: та протекала, и теперь на полке появились два новых пятна. Трост предложил починить.

— Полку или вазу?

— Сначала посмотрю, что проще.

— Осторожный ответ.

Они вернулись поздно. Вазу он действительно осмотрел, обнаружил трещину и предложил убрать из неё воду. Тринити долго смеялась над полезностью совета. Потом поставила сосуд на нижнюю полку и обернулась к нему.

Трост уже не улыбался.

— Завтра последний вечер, — сказал он.

— Знаю.

— Я могу не успеть из лагеря до темноты.

— Тогда приедешь после.

* * *

Он приехал после темноты.

Коня оставил у ворот, велев сопровождавшему солдату возвращаться. В доме горел один огонь. Тринити открыла сама, пропустила его внутрь и заперла дверь. На столе стояли хлеб, сыр и две чашки. Ничего торжественного. Он был благодарен ей за это так сильно, что не сумел сразу заговорить.

— Поешь, — сказала она. — Потом будешь смотреть на меня весь вечер.

Трост снял плащ. Серебряный орёл задел край скамьи, звякнул. Он поправил застёжку, чтобы не упала, и сел.

Ели медленно. Он рассказал, что один из новичков пытается носить щит, не испачкав подкладку, и каждый вечер стирает её так старательно, словно перед ним ещё смотр. Тринити рассказала о человеке, который трижды пришёл жаловаться на шум мастерской, а потом сам нанял там двух работников. Они смеялись, умолкали, снова находили слова. Ни один не произнёс обещания, которое сделало бы утро менее определённым.

Когда чашки опустели, Трост встал убрать со стола. Тринити взяла его за рукав.

— Оставь.

Он повернулся. Она подошла ближе, расстегнула оставшийся у горла ремень и положила ладонь ему на грудь. Под тканью сердце билось быстро. Трост накрыл её руку своей.

— Ты уверена?

— В тебе сейчас — да.

Она поцеловала его первой. Он ответил, придерживая её за плечи, затем отпустил слишком осторожный хват. Тринити потянула его за собой, и они прошли в комнату, где свет из передней ложился на пол узкой полосой.

Плащ остался на скамье. Меч Трост снял сам и положил возле стены, прежде чем вернуться к ней. Впервые за долгое время до оружия нельзя было дотянуться, не встав.

Позже Тринити лежала рядом, водя пальцем по старому рубцу на его руке. Он хотел спросить, о чём она думает, но боялся снова услышать дорогу, сроки, названия городов. Она сама повернула к нему лицо.

— Не обещай вернуться другим.

— Я хотел обещать просто вернуться.

— Тогда возвращайся. Обещание оставь себе.

Он поцеловал её волосы. За стеной прошёл ночной караул; шаги удалились, и дом снова стих. Трост не спал ещё долго. Держал её за руку и впервые боялся утра по причине, которая не имела отношения к предстоящему бою.

Проснулся раньше неё.

Свет только начинал проходить сквозь ставни. Он осторожно высвободил руку, сел на край постели. Тринити открыла глаза прежде, чем он успел встать.

— Уже?

— Скоро.

Она приподнялась, протянула ему рубаху. Потом оба долго искали ремень, оказавшийся под скамьёй в другой комнате. Это простое дело отняло у прощания несколько минут, и ни один не торопился закончить.

У двери Тринити поправила серебряного орла на его плаще.

— Не присылай мне победу вместо письма.

— Не пришлю.

Он обнял её. Она прижалась крепко, затем сама разжала руки. Трост вышел на улицу, где ещё пахло ночной сыростью. Конь нетерпеливо переступил у привязи. Легат сел в седло и оглянулся.

Тринити стояла на пороге. Не махала вслед, просто смотрела. Он поднял руку и тронул коня.

Больше они не встретились.

* * *

Гость долго молчал.

Орк подвинул чашку ближе к краю стола, но тот не взял. Смотрел на закрытую книгу, будто в ней можно было прочесть то, что хозяин ещё не сказал.

— Трост, — произнёс он наконец. — Мой отец?

— Да.

Слово прозвучало негромко. Гость откинулся назад, затем снова наклонился к столу.

— Он знал?

— Нет. Твоя мать поняла позже. До него это не дошло.

— Она пыталась сказать?

— Я не стану придумывать за неё письма, которых не видел. Трост не знал о сыне. С нею после того утра не встречался.

Гость стиснул ладони. На пальцах побелели суставы.

— Значит, всё это время ты рассказывал мне о моём отце. О том, как он оставлял людей, шёл на чужие города, слушал брата. А я сидел и судил.

— Ты слышал, что он делал.

— Ты мог сказать раньше!

Орк выдержал его взгляд.

— Мог.

— Почему не сказал?

— Хотел, чтобы ты сперва увидел человека, которым он был. Но решать за тебя, когда узнать, не должен был.

Это признание не успокоило. Гость поднялся, прошёл к очагу и остановился так близко, что жар ударил в лицо.

Мать не стала дальше от произнесённого имени. Наоборот: он вдруг вспомнил её обычное движение — поправлять застёжку на чужом плаще, прежде чем человек уйдёт из дома. Всю жизнь видел это, не спрашивая, откуда взялась привычка.

— Ты думаешь, теперь я буду его оправдывать?

— Не знаю.

— Не буду.

Орк не ответил. Гость повернулся обратно.

— И ненавидеть по твоему рассказу тоже не стану. Я ещё не слышал конца.

Он вернулся к стулу. Сел, упёрся локтями в стол и придвинул к себе чашку. Вода давно остыла.

— Что было у Рилнморска?

Глава XV. Столетний мир

Первый пограничный столб никто не повалил.

Люди прошли мимо него, огибая выбоину на дороге. Возчик придержал вожжи, чтобы не зацепить колесом камень. Следующий, не увидев причину остановки, выругался. Чёрное знамя качнулось над передними рядами и ушло дальше, за поворот.

Трост остановился у столба. На старой грани ещё различался знак, который должен был говорить путнику, чья власть начинается за ним. В мирное время здесь проверяли груз. Теперь будка была пуста, дверь оставалась открытой, на столе лежала недоеденная краюха. Человек ушёл недавно. Возможно, увидел пыль над дорогой и не стал ждать, пока ему объяснят новые правила.

— Снести? — спросил сопровождавший центурион.

— Зачем?

— Обозу тесно.

Трост посмотрел на дорогу. Места хватало.

— Проведите по одному.

Он поехал вперёд. Позади замедлились телеги, затем снова послышался ровный скрип. Столб остался стоять. От этого переход через границу не стал иным.

К сборному месту Третий пришёл после многих дней пути. Там уже стояли имперские части, подчинённые общему приказу Октавия. Красные знамёна виднелись над палатками, над штабным двором, у дороги, по которой отправляли раненых из первых стычек. Трост узнал людей, с которыми прежде встречался на юге. Они обрадовались ему, спрашивали о пополнении, о лошадях, о Толленграде. Почти никто не спросил, удалось ли договориться с Рилнбортом.

Ответ из Драевиля пришёл ещё в дороге. Октавий разрешал брату говорить с королём в пределах уже переданных условий. Открыть пути, принять имперские гарнизоны, согласовать подчинение войск в общем походе. Слово «союз» сохранили. Всё, ради чего король мог считать себя союзником, пришлось бы отдать заранее.

Трост не спрятал письмо от центурионов. Прочёл главные требования вслух, затем объявил, что до окончания переговоров запрещает самовольное движение к селениям. Заготовку продовольствия вести только по его распоряжению.

— А если у соседей заберут раньше? — спросили из второго ряда.

— Тогда доложите мне.

Это прозвучало убедительнее, чем было на деле. Он не командовал всей армией и не мог запретить каждому человеку под красным знаменем брать чужое. Уже на следующий день к лагерю привели местного старика с разбитым лицом. Тот искал лошадь. На клеймо, описанное им, нашлись сразу два похожих ответа; сам старик ничего разобрать не мог, потому что один глаз заплыл.

Трост приказал показать ему обоз. Потеряли полдня. Лошадь нашли в другой части лагеря, запряжённой между незнакомыми животными. Возчик предъявил расписку: получил для службы, не крал. Старик бумагу оттолкнул.

— Я с нею поле не вспашу.

Трост выкупил лошадь из упряжи и велел вернуть. Вечером узнал, что на другом конце лагеря взяли ещё шесть. За ними никто не пришёл.

* * *

Переговоры назначили у заброшенного дорожного двора. Между ним и ближайшими передовыми постами оставалось достаточно открытой земли, чтобы ни одна сторона не могла спрятать за стеной отряд. Трост приехал с небольшой охраной. Меч оставил на поясе, шлем передал солдату.

Рилнборт уже ждал.

Старый король сидел на скамье у колодца. Рядом стояли двое рыцарей; один придерживал его коня, другой рассматривал имперскую дорогу с таким видом, будто заранее выбирал место для удара. Личный зелёный лев виднелся на королевском снаряжении. Дальше, у сопровождавших его людей, колыхалось знамя с горящим грифоном.

Трост спешился. На мгновение захотелось обратиться по-детски, как прежде во дворце отца. Но за спиной ждали солдаты, а перед ним сидел правитель земли, в которую они вошли без разрешения.

— Государь.

Рилнборт поднялся не сразу. Упёрся ладонью в колено, выпрямился, расправил плечи. Возраст не сделал его маленьким. Только движения требовали теперь больше времени.

— Хорошо, что приехал сам.

Они вошли во двор. Один из рыцарей хотел следовать за королём; Рилнборт остановил его, указав место возле двери. Охрана Троста осталась снаружи. Стол внутри был кривым, у стены лежала пустая бочка. Сесть удалось лишь после того, как убрали сломанную лавку.

— Вино я не привёз, — сказал король. — Решил, не тот случай.

— Воды хватит.

Рилнборт усмехнулся. Прежний смех ещё узнавался, но заканчивался слишком быстро.

Трост передал письмо. Король просмотрел, вернул, не дочитав до конца.

— Это уже присылали.

— Я надеялся обсудить то, что можно изменить.

— Тебе позволено менять?

Трост положил письмо на стол.

— Я могу передать брату ваше предложение.

— Моё предложение — вернуться к тому, что он нарушил, когда перевёл войска через границу.

Ветер толкнул незапертую дверь. Рыцарь снаружи придержал её и отошёл. Трост подождал, пока шаги удалятся.

— Обозы должны проходить без задержек. У южной армии нет другого безопасного пути для части припасов.

— Я не запирал дорогу. Предложил сопровождение. Ваши люди пошли мимо постов, будто здесь уже никого не надо спрашивать.

— Октавий опасается, что в следующий раз один из лордов откажет.

— А я опасаюсь, что твой брат поставит гарнизоны, а потом забудет их вывести. Чьи опасения важнее?

Трост развернул карту, привезённую с собой. Показал места, где можно было разделить охрану, оставив местных у проходов, а имперцев — при собственных складах. Рилнборт выслушал. Спросил о сроке пребывания, о праве судить солдат за грабёж, о том, кто разрешит спор между двумя начальниками. На первый вопрос Трост не мог ответить. На второй — лишь повторить, что разберётся лично. Третий уже был решён императорским письмом.

Король медленно свернул край карты.

— Ты хороший воин. Возможно, сумеешь удержать своих. Но договор заключают не на срок твоей жизни и не на меру твоего терпения.

— Дайте мне время.

— Пока ваши люди подходят к городу?

— Я остановлю Третий.

— Остальные остановятся?

Трост промолчал.

Рилнборт встал, прошёл к двери, затем вернулся. На столе оставалась карта, и он задержал на ней руку.

— Я не хочу воевать с сыновьями Владиславия. Ни с одним. Но вы пришли за тем, что он считал моим правом. Что мне теперь делать? Отдать, чтобы вы не почувствовали себя убийцами старого друга?

— Я не за этим здесь.

— Знаю, зачем ты приехал к этому двору. Не знаю, зачем привёл армию.

Разговор продолжался до полудня. Они находили слова для отдельных дорог, для обмена задержанными, для снабжения больных. В главном всякий раз возвращались на прежнее место. Рилнборт не отдавал власть над своими крепостями. Трост не имел права отменить требование Октавия и не решался отказаться исполнять его сам.

Под конец король попросил безопасно пропустить людей, выходивших из ближних селений. Трост согласился, назначил дорогу и знак для сопровождающего. Это было единственное, что они могли выполнить сразу.

Снаружи рыцарь подал Рилнборту повод. Старый король сел в седло медленно, не позволив помочь. Трост стоял возле своего коня, держа шлем под мышкой.

— Передай брату, — сказал Рилнборт, — что дверь ещё не закрыта. Но входить в неё с копьём я ему не позволю.

Он уехал. Трост смотрел вслед, пока зелёный лев не скрылся за дорожной насыпью.

* * *

Письмо с итогом переговоров отправили в тот же день. Ответа нельзя было ждать на месте: общий приказ требовал продвижения. Трост передвинул свой легион вместе с армией, оставив открытой условленную дорогу для мирных. Сам сказал себе, что близость к городу ещё не означает штурма.

Первый бой случился у разветвления дорог.

Впереди лежала широкая полоса земли между оградами садов. Справа поднимался пологий холм, слева тянулась канава, заросшая высокой травой. Разведчики видели всадников, но не могли определить число: те уходили за деревья прежде, чем удавалось приблизиться. Трост велел не растягивать передние ряды, обоз задержать за поворотом.

Соседний отряд пошёл быстрее. Его командир хотел занять перекрёсток до того, как защитники успеют поставить заграждения. Первые имперцы достигли развилки, оттеснили пеших стрелков и начали разбирать брошенную телегу, закрывавшую путь.

Рыцари вышли из-за правого холма.

Сначала показались копья, затем шлемы. Конница не неслась беспорядочной массой. Всадники держали интервалы, давали коням набирать ход, и от этого Трост успел понять, куда придётся удар, раньше тех, кто стоял на перекрёстке.

— Правые ряды — ко мне! Копья вперёд!

Он бросил повод солдату, спрыгнул. Центурионы уже разворачивали людей. Щиты сталкивались краями; один

новичок повернул слишком рано и ударил соседа по колену. Трост толкнул его на место, сам встал у края строя.

Конница ударила в передовой отряд.

Раздался треск. Длинное копьё сломалось над толпой; всадник отбросил обломок и выхватил оружие, даже не взглянув на того, кого сбил. Имперцы на развилке успели сомкнуть только часть щитов. Остальных прижали к телеге. Лошади не прошли сквозь людей без потерь: одна рухнула, другая встала на дыбы, сбросив седока под ноги своим. Но строй уже разорвали.

Бегущие понеслись к Третьему.

— Между рядами! — крикнул Трост. — Не ломать копья! Пропускай по двое!

Человек с залитым лицом налетел на щит переднего солдата. Тот попытался оттолкнуть; Трост схватил бегущего за ворот, втянул в узкий проход. Следующий упал сам, закрывая голову. Через него едва не перепрыгнул товарищ. Легат ударил щитом по земле рядом с ними.

— Вставай! Здесь затопчут!

Центурион подхватил упавшего. Впереди уже разворачивалась вторая часть конницы.

Она не ударила в выставленные наконечники. Рыцари прошли вдоль строя, заставляя людей поворачивать головы, и направили коней к левому краю — туда, где канава казалась защитой. Трост понял замысел поздно: чуть дальше её перекрывала широкая каменная труба. Через неё всадники могли выйти за фланг.

— Влево! Два ряда назад, к канаве! Лучников на дорогу!

Приказ повторили. Люди отступали боком, удерживая щиты к противнику. Один слишком быстро повернулся спиной; старый солдат схватил его за ремень и поставил рядом. Стрелки побежали между рядами, выбирая место, где их не закроют собственные копья.

Трост добрался до трубы, когда первые кони уже выходили на неё. Схватил длинное копьё у заднего солдата и упёр конец в землю. Рыцарь перед ним взял левее, не желая бросать животное на железо; за ним замедлились остальные. Этого хватило стрелкам.

Несколько стрел ударили почти одновременно. По латам прошёл сухой стук. Один всадник качнулся, другой выдернул из предплечья древко и продолжил поворот. Конь впереди заржал, встал поперёк трубы. Рыцарю пришлось спешиться, чтобы вывести его. За ним путь оказался закрыт.

— Теперь вперёд! Только до края!

Третий сдвинулся. Не побежал. Люди шли тяжело, наступая на траву и брошенные вещи. Щиты толкнули пеших рыцарей обратно на трубу. Трост отбил удар, пришедшийся в древко его копья, и потерял наконечник: сталь застряла под чужим щитом, обломилась при повороте. Он бросил древко, вынул меч.

Перед ним оказался высокий рыцарь с раскрытым забралом. Тот видел, что коня не вывести через напиравших людей, и отпустил повод. Животное шарахнулось к канаве. Рыцарь остался пешим, прикрывая двух товарищей, которые ещё пытались пройти обратно.

Он бил коротко, без красивых замахов. Щит Троста дрогнул, рука онемела до локтя. Легат отступил на полшага, дал соседу выставить копьё. Противник подставил под удар пластину, ударил по древку и едва не добрался до лица солдата.

Из-за плеча Троста ударили ещё раз. Наконечник вошёл сбоку под руку рыцаря. Тот развернулся, словно хотел увидеть, кто достал его, затем сел на камень. Меч остался в ладони. Трост наступил на клинок и оттолкнул его ногой, прежде чем человек сумел поднять.

Остальные всадники отходили. Они забрали тех, до кого могли добраться, и ушли за холм, оставив имперцам перекрёсток, телегу и множество раненых. Погони не было. Передовой отряд перестал существовать как строй; люди собирались по голосам, искали своих начальников, спрашивали, где стоять.

Трост вернулся к рыцарю на трубе. Тот был жив. Зажимал рану, глядя на лежавший рядом меч.

— Не трогай, — сказал легат.

— Забирай. Вы за этим и пришли.

Трост велел перевязать его вместе с остальными. Только после этого заметил, что сам всё ещё сжимает рукоять. Пальцы разжались не сразу.

* * *

К вечеру перекрёсток заняли. На бумаге продвижение составило немного. Обоз прошёл вперёд, лагерь перенесли, конница Рилнборта отступила за следующую линию оград. Имперский командир, потерявший людей в первом ударе, объяснял неудачу тем, что Третий слишком долго разворачивался.

Трост слушал его возле носилок. На них лежал солдат из передового отряда, которому ещё утром обещали лёгкий проход. Человек был в сознании и слышал каждое слово.

— Ты видел конницу? — спросил легат.

— Разведка доложила о нескольких всадниках.

— Значит, видел. Я велел ждать развёртывания.

— Я не подчиняюсь твоим центурионам.

— Моему сигналу ты тоже не подчиняешься?

Командир замолчал. Трост сделал шаг к нему и остановился. Раненый на носилках пытался приподнять голову, чтобы лучше слышать.

— Спор продолжим при общем командовании. Сейчас найди своих людей. Их перевязывают по всему двору.

Тот ушёл, бросив взгляд на носилки. Трост остался, помог лекарю приподнять плечи больного. Вспомнил Фавия: как тот прежде отодвигал разговоры о виноватых, пока рука держала чужую кровь. Вспомнил и рассказ пленного, сухой оскал над убитой стражей. От этого привычное движение — придержать затылок — получилось неловким. Раненый поморщился.

— Ниже, легат.

Трост поправил руку.

Ночью он написал Октавию ещё раз. О силах конницы, о цене продвижения, о том, что король не готов складывать оружие. Не назвал бой победой, хотя перекрёсток остался за Империей. Ответ пришёл спустя положенное дороге время, когда лагерь уже стоял ближе к городу. Брат требовал не давать защитникам укрепиться. Предлагал после взятия Рилнморска устроить порядок, который избавит всех от новых стычек на каждой дороге.

Трост сложил лист. На этот раз перед ним не было Тринити, которая спросила бы, кого включает это «всех». Он сам знал ответ и всё равно пошёл к карте.

* * *

Подступы к Рилнморску заняли не за один день.

Рыцари били по крайним отрядам, исчезали за каменными стенами усадеб, возвращались с другой дороги. Имперцам приходилось выдвигать копейщиков перед каждым обозом и оставлять прикрытие у колодцев. Там, где вчера стояла повозка с хлебом, утром находили только следы волочения. За запасами шли всё дальше.

Через две недели Трост знал больше местных садовых оград, чем улиц города, который собирался взять. Камень здесь складывали крепко. Удобные для мирной жизни проходы превращались в ловушки: войдёшь один — увидишь следующий поворот; войдёшь всем отрядом — не развернёшь щиты под выстрелом из окна.

У одного двора бой остановили из-за детей.

Сначала никто их не видел. Стрелки прикрывали дом, где засели защитники, солдаты подносили к воротам тяжёлое бревно. Потом из подвального окна показалась рука с белой тканью. За нею — лицо женщины. Она кричала, но из-за ударов по створкам невозможно было разобрать слова.

У женщины были каштановые волосы, кое-как собранные у затылка; пыль лежала на лице светлыми полосами.

Трост поднял щит над головой и подошёл ближе.

— Что там?

Женщина показала внутрь. В темноте двигались маленькие фигуры. Из верхнего окна ударили по имперцам, и Тросту пришлось присесть за простенком.

— Прекратить! — крикнул он своим. — На нижний этаж не стрелять!

Ответили не сразу. Один солдат пустил стрелу уже после команды; другой вырвал у него лук. Трост повернулся к воротам, потребовал позвать старшего защитников. Ему ответили копьём, брошенным сверху. Оно ударило в щит, застряло, и легат едва удержал руку.

— Дети внизу! — закричал он. — Выпустите их!

За стеной начался спор. Имперцы ждали под прикрытием. Бревно лежало на земле, рядом сидел солдат, державшийся за разбитую кисть. Соседний офицер

подошёл к Тросту и потребовал продолжать: задержка давала противнику время отойти через заднюю дверь.

У офицера был загорелый лоб и короткие тёмные усы; ремень глубоко вдавился в щёки.

— Пусть отходит.

— Там вооружённые!

— А внизу дети. Ждать.

Створку открыли лишь настолько, чтобы прошёл один человек. Первой вышла женщина, потом девочка, державшая мальчика за ворот. Остальные двигались следом. Один ребёнок не хотел оставлять деревянную игрушку, уроненную у порога; женщина потянула его сильнее, и он закричал. Трост поднял игрушку сам, передал последнему солдату в цепи.

У девочки выбились русые пряди, мальчик был темноволосым; на обоих висели рубахи, испачканные подвальной пылью.

Выход продолжался мучительно долго. В доме снова застучали, теперь у задней стены. Кто-то перелезал через ограду. Офицер посмотрел на Троста, не скрывая злости. Тот не изменил приказа.

Когда нижний этаж опустел, сопротивление прекратилось. Несколько защитников остались с ранеными, остальные действительно ушли. Во дворе нашли брошенные перевязи и тёплую еду. На столе стояло столько мисок, что стало ясно: здесь скрывались не только хозяева.

Женщина с детьми отказалась назвать соседей. Трост и не спросил второй раз. Велел проводить их к дороге, которую оставили открытой после встречи с королём. Там уже собирались люди из других домов, неся на себе всё, что сумели вынести.

Пока солдаты выводили последних, за соседней стеной поднялся огонь.

Трост побежал туда. Горел сарай, подожжённый, чтобы выбить стрелков с верхнего настила. Ветер нёс искры к дому, где только что лежали раненые. Легат приказал сломать навес между строениями. Люди сбивали доски, таскали воду из бочки, но пламя уже перешло на сухой край кровли.

Дом не удалось сохранить. Больных вынесли; зерно в дальней комнате сгорело. Под вечер женщина вернулась к дороге и долго смотрела на дым. Трост стоял неподалёку, слышал, как девочка спрашивает, куда они пойдут ночевать. Не подошёл с обещанием, что всё возместят. Он мог дать место возле обоза на одну ночь. Его армия собиралась идти дальше.

* * *

Стены Рилнморска показались во весь рост на исходе следующей недели.

Часть предместий защитники оставили сами. Часть пришлось брать. На открытых местах всё ещё появлялась конница; её стало меньше, однако никто не решался посылать туда людей без прикрытия. Трост видел за зубцами городской стены знамёна разных лордов. Они пришли к королю не для того, чтобы покорно дождаться конца.

Условия передали ещё раз. Ответ был прежним.

Тогда началась работа осадных отрядов. К дороге подтягивали дерево, камень, верёвки. Под щитами рыли подходы. Ночью у стены гремели удары, днём оттуда выносили людей с раздробленными плечами. Империя понемногу приближала место, с которого можно было

ударить всем строем. Каждый такой шаг занимал больше времени, чем линия на карте.

Трост ходил к передним укреплениям без серебряного орла поверх брони: светлая застёжка слишком хорошо различалась со стены. Плащ оставался в палатке рядом с Кодексом. Книгу он доставал после донесений, когда приходили новые имена. Иногда до письма Тринити дело уже не доходило.

Одно он всё же отправил. Написал, что добрался, что переговоры не закончились согласием, что её деньги и припасы для оставшихся больных переданы. Потом зачеркнул последнее: эти деньги оставил он, а не она. Рука выводила привычный отчёт, в котором человек за столом мог исчезнуть совсем.

Трост взял другой лист. Рассказал о дороге, о том, что всё ещё помнит царапину на полке и треснувшую вазу. Не обещал скорого возвращения. Лист получился коротким. Он запечатал его прежде, чем сумел превратить обратно в донесение.

Наутро сообщили, что наружная кладка у выбранного участка осела. Штурм назначили после подготовки прохода. Третий должен был войти одним из первых.

Трост вышел к своим. Люди сидели вдоль земляной насыпи, чистили оружие, сушили отсыревшие ремни. Один чинил подкладку щита — уже не ради чистоты, а чтобы край не раздирал запястье. Тот самый новичок, о котором легат рассказывал Тринити.

— Помнишь, что делать, если собьют с ног? — спросил Трост.

Солдат повторил. Слова знал хорошо.

Легат велел не затягивать ремень слишком туго. Потом прошёл дальше, к людям, которые завтра должны были

нести лестницы. Из города долетел звук трубы. Ему ответили у другого участка стены.

Рилнморск готовился держаться.

Глава XVI. Последний шаг короля

Камень рухнул до рассвета.

Трост услышал грохот из палатки. Земля под ногами отозвалась короткой дрожью; затем над лагерем поднялись голоса. Он вышел уже с мечом в руке, хотя до стены было далеко. В темноте различалась пыль — светлее неба, медленно расходившаяся над выбранным участком.

Посланный к осадным работам солдат вернулся бегом. Кладка осела внутрь. Проход был, но завал закрывал его почти до половины, а защитники уже тащили за камни доски и щиты. Ждать до полудня значило дать им возвести вторую стену.

Трост приказал поднимать передние отряды.

Люди вставали тяжело. Кто-то спал в броне и теперь разминал затёкшие плечи; кто-то искал ремень, оставленный под свёрнутым плащом. Ничего похожего на единый вдох армии не было. Легион собирался из множества сонных, сердитых людей, которым предстояло войти туда, где уже ждали бодрствующие враги.

Легат вернулся в палатку. Кодекс лежал закрытым возле сумки. Он убрал его внутрь, затянул ремни, передал сопровождавшему обоз солдату. Серебряного орла оставил вместе с плащом. Надел шлем и вышел к строю без светлого пятна на груди.

Передовые шли под прикрытием больших щитов. За ними несли короткие лестницы, предназначенные не для целой стены, а для завала и внутреннего уступа. Трост держался рядом со второй группой: отсюда видел начало прохода и мог послать помощь туда, где она понадобится. Слева готовились войти другие имперские части. Связь с

ними держали посыльные — через грохот труб не всякий сигнал долетал правильно.

Первый отряд достиг камней.

Стрелы ударили сверху, почти отвесно. Щиты подняли, и под ними сразу стало тесно. Человек, шедший с лестницей, споткнулся; сосед перехватил дерево, но задний конец ударил по ногам следующего. Трост увидел, как у завала остановились сразу три ряда.

— Лестницу вправо! Не стойте под стеной!

Его голос подхватили. Люди разошлись настолько, насколько позволял проход. Сверху сбросили камень. Он пробил край щита, вдавил его человеку в плечо. Солдат упал, и через мгновение на его месте оказался другой, подняв чужую защиту обеими руками.

Лестницу положили на осыпь. Передние пошли по ней, цепляясь за верхние перекладины. Она выгнулась под весом, но выдержала. На той стороне уже сверкали наконечники. Первый имперец успел поставить ногу на внутренний уступ и исчез вниз. Второй ударил щитом перед собой, заставив противника отступить.

Трост поднялся следом за очередной группой.

Под ногами шевелился щебень. Камни, казавшиеся прочными снизу, скатывались при малейшем толчке. Перед лицом висела пыль, пахло разбитой известью. Он разглядел щит с чужим знаком, ударил в него плечом и почувствовал, как строй за спиной толкнул ещё сильнее. Защитник устоял. Между ними вошло короткое копьё.

Трост отвёл его краем щита, не пытаясь рубить. Справа кричали: человек зажал ногу между камнями и не мог сдвинуться. Легат крикнул задним, чтобы перестали давить. Никто не услышал. Пришлось повернуть голову, схватить ближайшего солдата за подбородник шлема и заставить посмотреть на себя.

— Передай: шаг назад! Здесь завал!

Солдат закричал в чужие лица. Давление ослабло. Трост пригнулся, пропустил над плечом удар, затем толкнул щит вверх, открывая соседу место для копья. Защитник отшатнулся. В ту же щель протиснулся имперский щит, потом ещё один.

Они не прорвались сразу. Несколько мгновений обе стороны стояли, упираясь друг в друга на осыпи. Люди снизу подносили новые копья, вытаскивали раненых, передавали воду. Трост слышал, как за стеной собирают ещё один ряд. Если он встанет вплотную, проход станет могилой для тех, кто уже поднялся.

Левее раздался крик. Имперцы соседнего отряда закрепили лестницу у края пролома и вышли на сохранившийся участок стены. Их было мало, однако защитникам пришлось повернуться. Щит перед Тростом дрогнул в сторону.

— Сейчас! Вперёд!

Он ударил ногой по нижнему краю, навалился плечом. Человек напротив сорвался с камня, увлекая соседа. Третий пошёл за ними. Завал закончился резким спуском, и несколько солдат упали уже внутри города, не удержавшись на ногах.

Трост приземлился на колено. Боль ударила под чашечку; он поднялся прежде, чем нога успела подломиться. Перед ним лежал имперец, зажатый собственным щитом. Вражеское копьё входило ему под руку. Легат отбил следующий удар, встал над телом, позволив своим пройти мимо.

Потом проход расширили. Камни потащили в стороны, лестницу закрепили заново, начали выносить тех, кого прежде не могли достать. Над проломом появилось

красное знамя. Чёрное ещё оставалось ниже, среди входивших рядов.

Город от этого не стал взятым.

* * *

За стеной лежала улица, перегороженная повозками. От неё вправо уходил узкий проход к внутренним дворам, влево — подъём, где уже собирались рыцари. Здесь лошадям было тесно; часть защитников сражалась пешей. Тяжёлые щиты закрывали промежутки между телегами, сверху били стрелки из окон.

Трост велел передним удержать место и пропустить лучников к стене. Те поднялись на лестницу, заняли уступ, откуда можно было видеть окна. Легат сам пошёл вправо с небольшим отрядом. Нужно было обойти повозки, прежде чем за ними соберут весь резерв.

В проходе пришлось идти по одному. У стены валялись разбитые горшки, из двери тянуло дымом. Передний солдат остановился у поворота и показал назад ладонь: слышал движение. Трост придвинулся, выглянул над его плечом.

По двору бежали люди с водой. Не воины — хозяева, пытавшиеся залить кровлю, задетую огнём. С другой стороны ограды стоял рыцарь, указывая им дорогу к выходу. Увидел имперцев, опустил забрало и поднял оружие.

Под опущенным забралом лицо исчезло; на плече темнел истёртый край доспеха.

— Пропустите людей! — крикнул Трост.

Рыцарь не ответил. Встал между ним и бегущими. Имперский солдат выставил копьё, но легат прижал древко к стене.

— Я сказал: пропустите.

Двое последних протащили через двор женщину, кашлявшую так сильно, что не могла идти сама. За ними рыцарь отступил к арке. Там появились ещё защитники. Мирный проход закончился, снова начался бой.

Трост не стал гнать людей прямо под арку. Велел занять двор, выбить внутреннюю дверь соседнего пустого дома. Солдаты ударили плечами, затем ломом; замок держался, зато доска возле него раскололась. Через дом они вышли на другую сторону улицы, почти за повозками.

Защитники заметили слишком поздно, чтобы оставить заграждение целым. Одни повернулись к новому врагу, другие продолжали держать Третий у пролома. Строй разделился. Имперцы у стены услышали крик своего легата и двинулись вперёд.

Бой у телег был коротким и тесным. Копья застревали в колёсах, мечи били о борта. Человек в тяжёлом шлеме попытался перелезть через повозку и получил удар в спину; его стащили вниз, но уже не смогли поставить. Трост оттеснил двоих к стене. Один бросил оружие, второй продолжал рубить, пока соседний солдат не пробил ему бедро.

— Сдавшихся — назад! Не оставлять здесь!

Команду повторили. Пленных повели вдоль стены к пролому. На их месте уже проходили новые имперские ряды. Трост увидел чёрное знамя над головами и только тогда позволил себе отойти к камню, проверить ногу. Колено распухало под поножем. Ходить ещё можно было.

Прибежавший посыльный сообщил: слева тоже вошли. Ворота у другого участка открывают изнутри. Защитники отходят к середине города, часть конницы уходит по западной дороге.

Трост велел преследовать строем, не разбегаться за отдельными людьми. Сам понимал, как быстро приказ растеряется в незнакомых улицах. Уже через два поворота отряды начали терять друг друга.

* * *

Солнце поднялось над крышами, когда они вышли к широкой площади.

В центре стоял каменный колодец, справа тянулась стена большого двора, слева горели два дома. Дальше, у прохода между строениями, виднелись щиты с горящим грифоном. Возле них собирались последние защитники этого участка. Кто-то держал повод раненого коня, кто-то пытался поправить сорванный наплечник. Они не бежали. Ждали, пока через площадь пройдут остальные.

Трост остановил передние ряды у выхода с улицы. С другого края уже двигались имперцы, не принадлежавшие Третьему. Их офицер указывал вперёд, к отступавшим. Там видели возможность закончить всё одним нажимом.

Король появился из-за колодца.

Трост узнал зелёного льва раньше лица. Рилнборт шёл пешком. Шлема на голове не было; седые волосы слиплись у виска. В правой руке он держал меч, левой отталкивал человека, пытавшегося увести его к арке.

— Назад! — кричал король своим. — Дайте им выйти!

Речь шла о людях за его спиной: через проход тянулись раненые и несколько последних всадников. Имперцы с другого конца площади ускорили шаг. Кто-то закричал, что перед ними король. Копья опустились.

Трост побежал.

Боль в колене пронзила ногу на втором шаге. Он едва не упал, но удержался, толкнув щитом своего солдата. Тот не

понял, отскочил. Легат бросил щит, мешавший двигаться, и закричал, чтобы остановили наступление.

Его голос утонул в общем шуме.

Рилнборт отбил первое копьё. Рядом рыцарь ударил по второму, но сам получил в плечо и отступил. Между ними открылся промежуток. Имперский солдат, почти не видевший перед собой из-за чужих спин, толкнул оружие вперёд.

Наконечник вошёл королю под край нагрудника.

Рилнборт качнулся. Меч ещё поднялся, ударил по древку. Солдат попытался отступить, не сумел выдернуть копьё и выпустил его. Король сделал один шаг, другой. Его поддержали за локоть, но ноги уже не держали.

Трост добрался до них, когда он опустился на камень.

— Всем отступить!

На этот раз крик услышали ближайшие. Один имперец остановился, другой продолжал идти, глядя мимо легата на рыцарей у арки. Трост ударил его по древку мечом и встал поперёк пути.

— Всем отступить! Передать по рядам!

Сзади ответил центурион Третьего. Закричал сам, послал двоих к соседним улицам. Знаменосец поднял чёрное полотнище выше, чтобы свои увидели, где остановиться. Приказ пошёл от человека к человеку. Далеко у горящих домов ещё рубились; там ничего не изменилось. Но возле колодца копья начали подниматься.

Рыцарь над королём держал меч перед грудью Троста.

— Назад!

— Дай мне подойти.

— Ты уже подошёл!

Трост опустил собственный клинок. Рыцарь увидел лицо, узнал, но оружия не убрал. Рилнборт поднял руку и коснулся его ноги.

— Пусти.

Только тогда острие отодвинулось.

Трост опустился рядом, положив меч на камень. Шлем давил на голову; он сорвал его, бросил у колодца. Кровь вытекала из-под брони короля, заполняя складки ткани. Древко торчало наискось. Легат схватился за него, собираясь вытащить, и Рилнборт перехватил его кисть.

— Не трогай.

— Лекаря! — Трост обернулся к своим. — Сюда!

Посыльный побежал обратно. Рыцарь разрезал ремень на боку короля, позволяя нагруднику подняться. Легат прижал ткань возле раны, стараясь не сдвинуть оружие. Пальцы сразу стали скользкими.

— Дядя Рилн...

Рилнборт посмотрел на него. Во взгляде осталось узнавание, почти удивление: это обращение всё-таки дошло до него через столько приказов и камня.

— Теперь вспомнил.

— Не говори. Сейчас принесут носилки.

— Ты всё ещё думаешь, что если крикнуть погромче, успеют.

Трост прижал сильнее. Король поморщился, но не отстранил руку.

За их спиной офицер чужого отряда требовал продолжать преследование. Рыцари уходили через дальнюю арку; имперцы видели, как уходит возможность взять их в плен. Центурион Третьего встал у колодца, повторяя распоряжение легата. Трост слышал спор, но не мог сейчас повернуться к нему всем лицом.

— Я не хотел этого, — сказал он.

Рилнборт попытался вдохнуть глубже. Не смог. Подождал и произнёс на коротком выдохе:

— Знаю.

От этого стало хуже.

— Я писал Октавию. После встречи. Ещё раз, когда начались бои.

— А потом пришёл.

Трост опустил голову. На камне возле его колена лежала оторванная застёжка, чужая, маленькая. Он никак не мог перестать смотреть на неё, хотя перед ним умирал человек.

Рилнборт сжал его запястье. Слабо, но достаточно, чтобы заставить поднять глаза.

— Я держал тебя… вот таким.

Он не смог показать размер: рука не поднялась. Трост понял.

— Отец рассказывал.

— Кричал. На весь дом. Владис думал, что я испугался младенца.

На губах старика появилось подобие улыбки. Трост захотел ответить тем же и не сумел. Король сделал ещё один вдох, задержал его, пережидая боль.

— Потом ты научился говорить. Стало ненамного тише.

— Дядя Рилн, пожалуйста…

— Слушай.

Трост замолчал.

— Не сожги всё дотла. Найди милость. Хоть где-нибудь… остановись сам, пока не остановили других.

— Я остановил. Слышишь? Они стоят.

Рилнборт повернул голову к площади. На ближайшем участке имперцы действительно отступили. Но над крышами шёл дым, из боковой улицы вынесли человека без сапога, где-то треснула балка. Король снова посмотрел на легата.

— Не только здесь.

Трост не ответил сразу. Раньше он мог бы пообещать распоряжение, охрану, письмо. Сейчас старик требовал

больше, чем позволяла власть над одним легионом. Требовал поступить против человека, которому Трост сам отдал престол и которого всё ещё любил.

— Обещай, — сказал Рилнборт.

— Обещаю. Не сжечь всё дотла. Найти милость.

Король закрыл глаза. Трост решил, что потерял его, наклонился, позвал. Веки снова поднялись.

— Ты всё ещё похож на отца.

Легат схватился за эти слова раньше, чем понял, зачем. Ему хотелось услышать, что сходство ещё может что-нибудь исправить.

Рилнборт не дал.

— Но ты командуешь армией, которая его убила.

Трост отшатнулся на несколько пальцев. Знал, от чьей руки погиб Владиславий. Знал обстоятельства, о которых король не забыл. И всё же не стал спорить. Вокруг горел город старого союзника, над его стеной поднимали имперский красный цвет, а он держал руку на ране, нанесённой собственным наступлением.

Лекарь пришёл с двумя солдатами. Опустился с другой стороны, осмотрел лицо, осторожно коснулся шеи. Попросил Троста убрать ладонь на мгновение. Тот подчинился, сразу увидел, как быстро возвращается кровь, и прижал снова.

— Можно перенести? — спросил он.

Лекарь был худощавым, с короткими каштановыми волосами; из засученных рукавов выступали тонкие жилистые руки.

Лекарь не ответил при короле. Посмотрел на носилки, на древко, на положение тела. Потом велел подложить свёрнутую ткань под плечо, чтобы старик мог немного повернуться.

Рыцарь был широколицым, со щетиной на тяжёлой челюсти; край доспеха у горла истёрся до светлой полосы.

Рилнборт перестал смотреть на Троста. Следил за аркой, через которую уходили его люди. Рыцарь рядом наклонился к нему и сказал, что последние прошли. Король услышал. Пальцы на запястье легата разжались.

Трост позвал его ещё раз.

Ответа не было.

* * *

Легат оставался на коленях, пока лекарь не отвёл его руку от раны.

— Уже не надо.

Трост посмотрел на кровь между пальцами. Потом поднялся. Колено почти не сгибалось; пришлось опереться о край колодца. Шлем лежал там, куда он его бросил. Меч — возле правой ноги. Он поднял оружие, вытер о разрезанную перевязь и убрал в ножны.

Офицер соседнего отряда подошёл сразу.

— Они уходят. Через западный проход. Ты приказал стоять, пока они выходят!

— Здесь бой окончен.

— Для тебя? Город ещё сопротивляется!

— У колодца больше не сопротивляется. Сложивших оружие не трогать. Раненых вынести.

— Ты не командуешь всеми частями.

Трост посмотрел на его щит, на знакомый имперский знак. Ещё утром этого было достаточно, чтобы считать человека стоящим с ним на одной стороне.

— Своими командую. Они займут выходы с площади. Если собираешься рубить безоружных, сперва отведи моих людей силой.

Офицер отступил на шаг.

— Я доложу.

— Доложи точно.

Трост отвернулся и приказал центуриону выставить заслоны. Не против всего города — на ближайших улицах, где можно было удержать проход. Пропускать раненых, людей без оружия, тех, кто вёл детей. Воинов разоружать, но не бить. Там, где ещё сражались, не входить по одному и не поджигать дома, чтобы ускорить дело.

Выполнять оказалось труднее, чем произнести.

На первой улице солдаты остановили группу местных с узлами. Один нёс под плащом короткий клинок и отказался отдать. Вокруг сразу поднялись копья. Трост добрался туда, когда мужчина уже прижал к себе мальчика, словно хотел закрыться им.

— Убери ребёнка, — сказал легат.

— Вы нас убьёте.

— Тогда зачем держишь его перед собой?

Человек разжал руку. Мальчик не отошёл, вцепился в одежду. Трост велел своим опустить острия, дождался, пока клинок положат на камень, и пропустил обоих. Сзади солдат сердито спросил, почему вооружённого отпускают. Легат ответил, что теперь тот не вооружён.

На второй улице было поздно.

Двух защитников убили после того, как они вышли из дома. Третий ещё лежал у порога, удерживая рукой распоротый бок. Имперцы объясняли, что те пытались бежать. Оружие валялось отдельно, у стены. Трост велел лекарю забрать живого, а солдатам — остаться на месте, назвать начальника и сложить копья до разбирательства.

Они не подчинились.

Один сказал, что слушает только своего офицера. Другой молча отступил к стене. Трост подозвал людей Третьего; те

встали напротив, уже понимая, против кого сейчас поднимут щиты, если спор продолжится.

Несколько мгновений никто не двигался. Потом пришёл чужой центурион. Выслушал, выругался и сам отнял у своих оружие. Обещал разобраться. Трост не знал, сдержит ли тот обещание. Но кровь между имперцами в этот момент не пролилась.

К вечеру сопротивление на занятых улицах стихло. Далёкие отряды ещё преследовали уходивших, некоторые лорды пробились с людьми за городские пределы. Трост не выслал за ними Третий. Его солдаты занимались колодцами, пожарами и теми, кого утром сами сбили с ног.

Рилнборт лежал в каменном помещении возле площади. Тело перенесли туда его рыцарь и имперские солдаты вместе. Лекарь укоротил древко, чтобы можно было поднять; остальное сделали уже за закрытой дверью. Трост не позволил выставить короля у знамени и объявить взятой добычей. Возле входа поставил охрану, пропускавшую тех, кто пришёл проститься без оружия.

Один из рыцарей задержался после остальных.

— Ты отпустишь нас с ним?

— Когда можно будет пройти безопасно.

— Для него уже безопасно везде.

Трост принял удар молча. Велел принести чистую ткань, потому что прежняя слишком промокла. Рыцарь не поблагодарил. Они вместе расправили полотно над телом.

На площади его ждали собственные люди.

Центурион отвёл легата к стене, где сидели свободные от караула. Перед ними остывал котёл. Есть ещё не начинали: один из солдат лежал на плаще, и товарищи пытались разрезать одежду вокруг пробитого плеча. Лекаря позвали, но тот всё ещё работал в другом доме.

— Что случилось?

— У дальнего выхода, — ответил центурион. — Пошли снимать раненых. Из окна ударили.

Трост присел. Солдат открыл глаза, узнал и отвернулся. Его товарищ резко отрезал ещё кусок ткани.

— Осторожнее, — сказал легат.

— Знаю.

В голосе прозвучало то, за что утром его остановили бы одним взглядом. Трост не остановил.

— Стрелка нашли?

— Дом пустой. Мы пошли за теми, кого вы велели вынести. Копья оставили, чтобы носилки держать.

— Без прикрытия?

Центурион ответил раньше солдата:

— Прикрытие стояло на перекрёстке. Я поставил. Оттуда окна не видно.

Трост выпрямился. Собственные распоряжения начали раскрываться перед ним с другой стороны. «Вынести раненых» прозвучало достаточно ясно, чтобы люди пошли. Окно никто не проверил. Улица за поворотом продолжала воевать, хотя у колодца уже приказали остановиться.

— Следующие группы идут со щитами. По двое впереди и сзади. Сначала занимаете проход, потом несёте.

— Людей не хватает, — сказал центурион.

— Снять часть у склада. Припасы подождут.

Солдат, резавший одежду, бросил нож на камень.

У солдата были короткие тёмные волосы и гладкие, обветренные щёки; нож лежал у его широких кистей.

— А эти? — Он показал на помещение, куда унесли Рилнборта. — Из-за них мы утром лезли на стену. Теперь ещё охранять, пока нас добивают?

Трост посмотрел на его руки. Пальцы дрожали. На одной ладони лопнула мозоль, грязь вошла глубоко в разрыв.

— Того, кто стрелял, нужно искать. Кто сдался, стрелять уже не может.

— Может взять другое оружие.

— Поэтому стоит охрана.

— Мой брат там остался, у лестницы. Я его ещё не забрал. А королю ткань нашли.

Трост молчал несколько мгновений. Солдат не опустил глаз.

— Где твой брат?

Тот показал в сторону пролома.

— Слева. Мы вместе шли. Меня дальше протолкнули.

— Когда сменят заслон, пойдёшь с двумя людьми. Сейчас туда отправлю лекарского помощника.

— Он мёртвый. Помощник ему не нужен.

— Нужен тем, кого найдут рядом.

Трост поднял нож и вернул рукоятью вперёд. Солдат взял, но к раненому сразу не повернулся.

— Вы его знали? Короля?

— Да.

— Потому и остановили?

Ответа, который оставил бы всё чистым, не было. Трост мог сказать про людей у арки, про приказ против бессмысленной расправы. Всё это стало правдой уже после того, как он увидел знакомого старика среди чужих щитов.

— К нему побежал потому, что знал. Остановиться велел всем.

Солдат поморщился, словно услышал подтверждение худшего. Потом снова наклонился над товарищем.

— Если бы не знали, до вечера гнали бы нас дальше.

Центурион шагнул к нему. Трост удержал за локоть.

— Оставь.

Лекарь подошёл наконец, принёс чистую перевязку. Легат уступил место. Раненого приподняли, боль заставила

его закричать, и разговор сразу кончился. Трост придерживал фонарь, пока работали, затем послал людей к пролому.

Он не обещал солдату, что вернёт брата. Приказал найти и принести, если смогут добраться. Через час двое вернулись с телом. Трост видел издали, как его положили на расстеленный плащ. Не подошёл, чтобы получить прощение за выполненное распоряжение.

На ночь возле каждой группы носильщиков оставили вооружённое прикрытие. Работали медленнее. Кого-то успели вынести, кто-то до утра не дождался. Легат принимал донесения у стены, пока не погасли дальние пожары, и уже не произносил слово «остановили» так, словно оно означало законченный труд.

* * *

Утром город оказался тише, чем ожидал легат.

Люди не вышли встречать новый порядок. Сидели в домах, разбирали завалы, искали воду. У колодца, возле которого умер король, стояла очередь с вёдрами. Солдаты Третьего держали проход открытым; уставшие настолько, что некоторые опирались на копья двумя руками. Их пришлось сменять раньше срока.

Трост прошёл к пролому. Там ещё выносили погибших. Завал расчистили, и место, за которое утром заплатили столькими жизнями, теперь легко проходили вдвоём. На камне лежала сломанная перекладина лестницы. Рядом сидел человек, чью ногу зажало в первые минуты штурма. Он узнал легата, хотел встать, не смог.

— Сиди.

— Мы взяли?

Трост обернулся к красному знамени над стеной.

— Взяли.

Солдат выдохнул. Для него это означало хотя бы то, что снова подниматься на камни не придётся. Легат не стал отнимать у него единственную хорошую весть.

У собственной палатки он нашёл присланное требование явиться к командованию. Объяснить остановку преследования, освобождение части выходивших из города и вмешательство в действия чужих подразделений. Трост переоделся, насколько позволяла вода, дал лекарю стянуть распухшее колено. Потом достал чистый лист.

Донесение написал сам.

Рилнморск пал. Рилнборт смертельно ранен имперским копьём и умер после прекращения боя на площади. Приказ остановить наступление на этом участке отдан им, Тростом. Преследование ушедших лордов силами Третьего не производилось. Захват безоружных и вынос раненых продолжались под его надзором.

Он не вычеркнул ни одной строки, которая могла послужить против него.

Затем открыл Кодекс. Имя короля требовало больше места, чем краткая запись о потерях. Трост помнил, как старик смеялся у отца за столом, как не позволил помочь себе сесть в седло, как смотрел на арку в последние мгновения. Записал только то, в чём не было оправдания: где погиб, от чьего оружия, какой приказ запоздал.

Закрыв книгу, он долго держал ладонь на обложке.

Письма Тринити в тот день не было. И сам он не написал ей о победе.

Глава XVII. Когда пал Сенат

В Драевиле уже успели отпраздновать победу.

Трост понял это на последней дороге к столице. На постоялом дворе висело полотно с имперским знаком, у ворот его встретили вопросом, скоро ли приведут пленных. Хозяин достал кувшин получше и велел сыну принести чистую чашку. Легат выпил воды. О вине не попросил.

От Рилнморска он ехал не сразу. Нужно было передать участки гарнизону, вывести Третий, собрать тех, кто мог идти, оставить охрану при ещё не отправленных раненых. На вынос тела короля его людям дали пройти; дальше имперцы не сопровождали. Последнее, что Трост видел из оставляемого города, — телегу, вокруг которой шли молча, не поднимая знамени.

Вызов Октавия настиг легион уже после перехода. Прибыть лично, доложить об исполнении приказов и оставленном состоянии города. Трост назначил старших, отправил Третий к месту стоянки за столичными дорогами и поехал впереди. Колено зажило достаточно, чтобы держаться в седле; после долгого дня он всё ещё сходил осторожно, перенося вес на другую ногу.

Чем ближе была столица, тем реже спрашивали о погибших. Здесь знали, что Рилнморск взят, дорога теперь открыта, упрямый король больше не мешает общему порядку. Не все радовались. У некоторых у ворот стояли женщины, смотревшие на каждый отряд так, словно могли заставить появиться нужное лицо. Но в официальных известиях война уже начала приносить пользу.

В самом Драевиле Троста узнали прежде, чем он снял дорожный плащ.

К нему подошёл человек с письмом, просил узнать судьбу сына. Затем ещё один. Караульный попытался отвести их, объясняя, что легат только приехал. Трост взял оба листа, спросил части, велел передать ответы через обычный двор для обращений. Не обещал, что вспомнит каждого.

Первый проситель был узколицым, с редеющими русыми волосами и огрубевшими рабочими руками.

У дворца его встретил знакомый гвардеец. Посмотрел на посеревшее лицо, на походку и спросил, нужен ли лекарь.

— Уже смотрел.

— Когда?

— Перед дорогой.

Гвардеец только вздохнул и проводил внутрь.

Октавий принимал донесения. Тросту предложили подождать в соседней комнате. На столе лежала еда, к которой кто-то почти не прикоснулся. Он сел, вытянув больную ногу, и понял, что не знает, с чего начнёт разговор. Все заготовленные слова оставались похожими на оправдание.

Брат вошёл без короны.

— Почему сразу не сказали, что приехал?

— Тебе доложили.

— Сказали: легат Третьего. Я думал, очередной посыльный с твоей бумагой.

Он подошёл и обнял Троста. Быстро, крепко, прежде чем тот успел подняться. Запах знакомой ткани, тепло руки на спине — всё было таким обычным, что легат на мгновение закрыл глаза.

Октавий отступил первым. Увидел колено.

— Серьёзно?

— Ходить могу.

— Ты и ползком можешь. Я не об этом.

Трост не улыбнулся. Брат заметил, перестал пытаться облегчить начало.

— О Рилнборте знаю, — сказал он.

— Из моего донесения?

— Из нескольких.

— Тогда прочти ещё раз моё. Я был рядом.

Октавий сел напротив. Некоторое время ждал, не собираясь торопить. Трост рассказал о площади. Не повторил всю битву — только последние минуты, положение войск, копьё, приказ отступить. О словах короля заговорил не сразу.

— Он просил милости.

— К своим людям?

— Ко всем, кто останется после него.

Октавий провёл пальцем по краю чашки.

— Я не приказывал убивать короля.

— Ты приказал взять его город.

— Город сопротивлялся.

— Да.

В этом согласии не было уступки. Октавий поднял глаза.

— Ты остановил преследование. Несколько лордов ушли с вооружёнными людьми. Они не перестанут воевать из благодарности.

— Знаю.

— И всё же отпустил.

— Не послал своих добивать толпу у выхода. Там шли раненые.

— А вместе с ними — те, кто снова соберёт войска.

Трост сжал подлокотник. Разговор возвращался в знакомое место: всякая возможность будущей угрозы требовала немедленной крови, а всякий отказ выглядел не милостью, а плохим расчётом.

— Они уже собирали войска, Октавий. Против нас. Потому что мы пришли.

Брат отодвинул чашку.

— Сегодня ты устал. Отдохни. Завтра поговорим при тех, кто видел остальные участки.

— Я не забуду за ночь.

— Я не прошу забыть. Прошу выспаться, прежде чем обвинять меня во всём, что произошло у каждой стены.

Трост хотел продолжить, но увидел, как дрожат пальцы брата, когда тот берёт чашку обратно. Октавий тоже спал мало. Это не делало его правым и всё же мешало видеть перед собой только человека, отдавшего приказ.

— Завтра, — согласился легат.

* * *

Утром его позвал Аврел.

Не в главный зал Сената, а в боковую комнату, где обычно разбирали присланные просьбы. Столы стояли близко друг к другу. Писари передавали листы через головы посетителей; у окна спорили двое командиров обозов. Один утверждал, что получил всё необходимое, другой показывал пустые строки напротив лошадей.

Чернила темнели на тонких пальцах ближайшего писаря; короткие приглаженные волосы к полудню растрепались над лбом.

Аврел отвёл Троста к стене. Постарел заметнее, чем во время последней встречи. Не согнулся, не утратил резкости; просто теперь прежде, чем прочесть мелкую строчку, отодвигал лист дальше.

— Я видел твоё донесение.

— Октавий тоже.

— Он видел и другие. Там ты едва не предал армию из жалости к старому знакомому.

Трост промолчал.

— Нужны свидетели, — продолжил Аврел. — Не чтобы оправдать всё, что ты сделал. Чтобы в записи осталось, что именно ты приказал и кому. Через месяц слово «отступить» начнут читать так, будто ты бросил пролом до входа в город.

— Центурион Третьего слышал. Рыцарь Рилнборта. Люди у колодца.

— Имена тех, кого можно найти, оставь писарю.

Из соседней комнаты вышел Терен с двумя дощечками, на которых прежде вели учёт. Бросил их на стол перед обозными командирами.

— Оба правы. Вот здесь лошади выданы. А здесь этих же лошадей уже забрали для другого обоза. С одной конюшни вы получили две полные ведомости и половину упряжи.

Начальники заговорили одновременно. Терен поднял руку.

— Не орите на писаря. Он записал, что велели. Приведите того, кто велел второй раз.

Заметив Троста, он кивнул и вернулся к столу. На встречу со старым другом не осталось свободного часа. Всё, о чём спорили наверху как о великих решениях, здесь превращалось в одну недостающую лошадь, в семью, от которой потребовали ещё мешок, в солдата, которому нечем заплатить за хлеб.

Трост помог перенести тяжёлую связку свитков, освободив проход. Аврел открыл дверь в зал заседаний.

Пятое место оставалось пустым.

Трост остановился возле него. При Фавии здесь нередко лежали не только бумаги: перевязка, которую надо было

передать, пометка о больном, чей случай не помещался в общую просьбу. Теперь стол очистили, но кресло не убрали.

Аврел проследил за его взглядом.

— Кто-то предлагал поставить другое имя. Потом дошли вести из Мор-Цоре. Решили ждать, пока узнаем больше.

— Я не знаю, где он.

— Ты написал.

Трост провёл пальцами по спинке кресла. В детстве Фавий казался человеком, у которого всегда найдётся свободная рука для чужой раны. Он помнил, как тот лечил отца, как сердился на тех, кто пытался говорить о делах над больным. У Иллы легат поручил ему держать высоту. В Мор-Цоре тот прожил годы, пока здесь заседали без него.

— Мы требовали обмена, — сказал Аврел, не оправдываясь. — Требуем до сих пор. Для остальных тоже.

Трост убрал руку.

Вошёл Кенши. Положил на стол два письма, снял дорожную пыль с края рукава. Кассий уже ждал у окна и смотрел на двор, где менялся караул.

Когда Терен освободился, дверь закрыли. Писарь остался у края стола. Четверо сенаторов заняли места. Трост сел сбоку, как приглашённый для показаний, и впервые ясно увидел, насколько мало людей осталось между новой волей Императора и её исполнением.

* * *

Начали не с Рилнморска.

Терен потребовал остановить новые изъятия до проверки запасов. Не всю поставку армии — только те распоряжения, по которым местные власти могли брать сверх прежнего, ссылаясь на срочную нужду. Изъятое несколько раз попадало в разные списки; недостачу

закрывали ещё одним сбором. Теперь забирали даже то, что ранее обещали не трогать.

— Я сам видел пустые амбары, — сказал он. — На бумаге там достаточно и на людей, и на семена. Внутри — мыши. Если опять подпишем, весной принесут новые листы. Спросим, почему не посеяли. Нам ответят: нечем.

Кассий возразил: запрет без распоряжения для армейских начальников не дойдёт до обозов. Те будут ссылаться на последнюю печать из дворца. Нужна общая запись, обязательная и для военных.

— Император должен её утвердить, — сказал Аврел.

— Потому и сидим, — ответил Кассий. — Если достаточно наших подписей, я уже взял бы коня.

Кенши развернул письма. Одно пришло от людей, с которыми ещё сохранялась переписка за пределами Империи. После Рилнморска прежние обещания безопасности перестали принимать на слово. Теперь любой временный гарнизон представлялся первым шагом к захвату.

— Я могу послать ответ, — сказал он. — Но они спросят, кто вправе остановить следующее требование. Что написать?

Никто не предложил назвать волю Владиславия, будто мёртвый Император всё ещё мог поставить печать. Трост был благодарен за это. В последние месяцы имя отца слишком часто служило заменой действиям живых.

Аврел прочёл подготовленное решение: новые походы не начинать до общего обсуждения расходов и целей, прежние обязательства перед городами сохранить, распоряжения о чрезвычайных изъятиях пересмотреть. Войска на действующих рубежах снабжать, раненых и возвращающихся не оставлять без денег. Император

должен явиться и ответить перед Сенатом, каким образом собирается закончить уже начатое.

— Он услышит в этом запрет править, — сказал Трост.

Аврел положил лист.

— А ты что слышишь?

— Попытку заставить его остановиться.

— Значит, прочёл верно.

Потом говорили о Рилнморске. Трост отвечал на вопросы, пока голоса у него не осталось. Кассий заставил уточнить, какие улицы слышали приказ, сколько отрядов в тот момент ещё сражалось, мог ли легат удержать уходивших лордов отдельно от раненых. Ответы не превращали его ни в спасителя, ни в предателя. Они делали решение трудным и видимым.

— Почему не отдал тот же приказ раньше? — спросил Кенши.

Трост хотел сказать, что раньше шёл бой. Но бой шёл и у колодца, когда он увидел короля.

— Потому что до этого продолжал штурм.

Писарь записал.

* * *

Октавий пришёл во второй половине дня.

В обычной короне, в алом, с двумя сопровождающими, которых оставил за дверью. Занял своё место и потребовал прочесть решение целиком. Аврел прочёл. Никто не прерывал.

Император выслушал до конца, затем попросил Троста остаться. Тот и не собирался уходить.

— Армия стоит за границами, — начал Октавий. — Противник не согласится ждать, пока мы проверим все амбары. Если командир не получит припасов, он оставит

рубеж. Следом придёт враг. Кто из вас подпишет ответственность за это?

Терен подвинул к нему отдельный лист.

— Вот поставки действующим частям. Их не отменяют. Вот новые сборы для расширения войны. Их предлагают остановить. Это разные строки.

— Люди одни и те же.

— Потому мы и считаем.

Октавий пробежал глазами запись. На этот раз не отодвинул сразу.

— Ты предлагаешь мне держать армию без возможности действовать.

— Предлагаю знать, что она съест после действия.

Кассий вмешался прежде, чем спор перешёл на громкость. Рассказал о частях, которым уже приходили противоречащие распоряжения: выдать людей на новую охрану и одновременно сохранить прежние посты. Если начальник спрашивал, какой приказ важнее, ответом становилось обвинение в промедлении.

— Мы теряем послушание не от того, что спрашиваем, — сказал он. — От того, что требуем невозможного и велим молчать об этом.

Октавий повернулся к нему.

— Ты разговаривал с этими начальниками?

— Да.

— Без меня?

— Они прислали просьбы Сенату. Я исполнял обязанность.

За столом стало тихо. Император понял в ответе не то, что хотел Кассий. Перед ним выстраивалась другая власть: к ней обращались командиры, она собирала недовольство, предлагала запреты и теперь собиралась сделать их обязательными.

— Если каждый начальник начнёт выбирать, чьё слово ему удобнее, Империя распадётся, — сказал он.

Аврел ответил спокойно:

— Тогда не ставь их перед таким выбором. Подпиши общее решение.

Октавий поднялся.

— Нет.

Трост встал следом, но брат остановил его взглядом.

— Я услышал всё. Вы считаете, что спасаете Империю от моих распоряжений. Я вижу, как вы учите её обходиться без Императора. Завтра пришлите по каждому требованию отдельные расчёты. Общего запрета не будет.

— Решение принято, — сказал Аврел.

— Мною — нет.

Он вышел. Дверь закрылась без удара. От этого случившееся казалось окончательнее, чем если бы Император накричал на всех и ушёл в гневе.

Трост догнал его в коридоре.

— Они не отнимают престол.

Октавий продолжал идти.

— Ты слышал Кассия. Командиры уже ищут у них разрешения не выполнять приказ.

— Они просят выполнить его так, чтобы не потерять людей.

— А ты? Тоже просил? У Рилнморска?

Трост остановился. Брат прошёл ещё несколько шагов и обернулся.

— Ты решил сам. Теперь они хотят решить за всю армию. Я должен оставить это как есть?

— Ты должен понять, почему мы дошли до этого.

— Я понимаю. Все устали. Все хотят, чтобы последний тяжёлый шаг сделал кто-нибудь другой.

Он ушёл прежде, чем Трост ответил.

* * *

Ночью Тросту не спалось.

В комнате было тепло, постель мягче, чем в походе, за дверью стояла охрана дворца. Он лежал, слушая шаги, и вспоминал не битву, а тишину после заседания. Четыре человека остались за столом, положили рядом свои подписи. Пятое место пустовало. Никто не сказал: подождём, пока Император забудет раздражение. Старые друзья его отца понимали, что именно сделали.

Утром к Сенату пришли солдаты.

Трост увидел их из бокового двора. Не гвардейцев у личных покоев — обычный столичный отряд, которому велели занять входы и не допускать собрания. Командир держал запечатанное распоряжение. У двери уже стоял Аврел, рядом писарь с ключом.

У командира были гладко выбритые щёки и короткие тёмные волосы; подбородок едва выступал над ремнём шлема.

— Откройте, — сказал сенатор.

Писарь сделал шаг, но солдат перекрыл замок ладонью.

Щёки солдата были гладкими и загорелыми; ворот доспеха велик ему в шее.

— Запрещено.

— Кем?

Командир прочёл приказ.

Полномочия Сената прекращались. Все распоряжения о войсках и сборах переходили к назначенным Императором исполнителям. Печати и служебные записи надлежало передать. Прежние сенаторы не имели права созывать заседания или обращаться к частям от имени государственного собрания.

Аврел выслушал, затем спросил:

— Противник уже у двери? Почему военный отряд решает, кому войти в собственную комнату?

Командир покраснел.

— Мне приказано занять вход. Спорить о причине не приказано.

Трост подошёл. Солдаты расступились ровно настолько, чтобы пропустить его к Аврелу. За спиной появились Терен и Кенши. Кассий пришёл позже, увидел копья у двери и остановился в нескольких шагах.

— Не поднимайте оружия, — сказал он своим обычным командным голосом.

Никто ещё не поднял. Но несколько рук сразу изменили хват.

Терен потребовал вернуть записи о запасах. Командир ответил, что бумаги должны остаться внутри. Тогда сенатор назвал конкретный ящик, где лежали обращения семей, не имевшие отношения к государственным решениям. Люди ждали ответов сегодня. Можно ли хотя бы забрать их?

Командир не знал. Послал за уточнением. Они стояли во дворе, пока солнце переходило по стене, а за дверью оставалась вся работа, которую никто не отменил вместе с Сенатом.

Октавий вышел на верхнюю галерею, когда собрались служащие и представители городских властей. Красные знамёна уже вывесили над двором. Он был в короне; свет касался рыжих волос возле её края.

Император говорил о единстве распоряжений, о защите дорог, о необходимости закончить войны. Не называл старых сенаторов врагами народа и не приказывал казнить их перед собравшимися. Объявил, что прежний порядок больше не способен действовать быстро, а его долг — не позволить государству развалиться между разными решениями.

Трост слушал снизу. Возле него стоял человек, которому утром должны были выдать ответ о пропавшем сыне. Тот держал шапку в руках и пытался понять, к кому теперь идти с той же просьбой.

Когда речь закончилась, Аврел повернулся к командиру.

— Мы можем уйти?

— Да. Вас проводят.

— Чтобы помочь с дорогой?

Командир ничего не ответил.

Терен всё-таки добился своего ящика. Вынес его вместе с писарем, не позволив солдату взять за ручку. Кенши забрал личные письма после того, как их просмотрели. Кассий ушёл последним. На лестнице задержался, посмотрел на молодого караульного и велел не стоять под открытым окном: сверху могли сбросить что-нибудь из раздражения.

Тот машинально отступил, затем растерялся, поняв, чей приказ только что выполнил.

Сенат перестал существовать. Люди из него разошлись по городу. Ни одного из них Трост не увидел мёртвым.

* * *

Брата он нашёл в комнате с картами.

Октавий стоял у стола и раздавал указания двум писарям. Трост подождал, пока они запишут, затем попросил оставить их одних. Император разрешил. Дверь закрылась; за ней остались обычные шаги охраны.

— Открой Сенат, — сказал Трост.

— Нет.

— Они служили отцу. Служили тебе. Фавий годами сидел в камне, пока его место оставалось пустым. Ты сегодня запер и это место.

Октавий резко поднял голову.

— Не говори так, будто я отправил его в плен.

— Я оставил его у Иллы. Ты не смог вернуть. Теперь мы оба будем выбирать слова, от которых это выглядит лучше?

— Я посылал людей! Ты видел письма. Дуократия требовала того, что я не мог отдать без новых потерь.

— Знаю. Все причины знаю. Только он умер там.

Октавий отвёл взгляд. На мгновение Трост увидел в нём мальчика, которого старый лекарь мог заставить сидеть спокойно одним сердитым словом. Потом брат снова выпрямился.

— И теперь слух о том, что он встал, должен заменить нам государство?

— Я не об этом.

— А люди уже об этом. Говорят, смерть больше не удержит твоих солдат. Говорят, Третий сам решает, кого щадить, кому подчиняться. Ты понимаешь, что слышат остальные?

Трост подошёл к столу.

— Мои люди умирают. Я привёз имена. Хочешь, прочту?

— Не надо бить меня каждым погибшим, будто только ты их теряешь.

— Тогда перестань посылать туда, где они не нужны!

Голос сорвался. Октавий вздрогнул, но не отступил. Они стояли друг против друга через край карты — два взрослых человека, слишком давно говоривших письмами и чужими донесениями.

Трост первым опустил руки.

— Рилнборт просил оставить дорогу открытой. Толленград принимал раненых без гарнизона в своих воротах. Это работало. Не всё, не всегда. Но работало.

— Пока каждый хотел помочь. А когда перестанет?

— Тогда разговаривать снова.

— Снова просить. Снова ждать. Отец оставил мне Империю, а не право надеяться на чужое расположение.

— Он оставил и тех, с кем можно было говорить.

Октавий отвернулся к окну. Долго стоял, сжимая край подоконника. Потом заговорил уже тише:

— Ты отказался от престола. Я принял. Не украл у тебя, не вырвал у отца. Ты сам сказал, что будешь рядом.

— Я рядом.

— Нет. Ты стоишь против каждого решения, которое трудно исполнить, и всё ещё хочешь остаться братом, которого любят за это.

Трост побледнел.

— Меня сегодня ненавидят люди, которым я приказал идти на стену. И те, чей город мы взяли. Думаешь, я пришёл за любовью?

— Тогда за чем?

— Чтобы не пришлось однажды остановить тебя оружием.

Слова остались между ними. Октавий не позвал охрану. Медленно повернулся, словно проверяя, действительно ли произнёс это брат.

— Ты угрожаешь?

— Прошу услышать сейчас.

Император подошёл к столу. Взял приготовленное распоряжение, подержал в руках и положил перед Тростом.

— Возвращайся к легиону. Вот что нужно сделать. Без похода на чужую столицу. Без старого короля перед копьями. Вернуть повиновение нашим.

Трост прочёл.

Следовало отстранить и взять под стражу тех, кто укрывает смещённых сенаторов от требований императорских исполнителей, принимает их

распоряжения или помогает собирать сторонников. Части, отказавшиеся признать новый порядок и передать оружие по требованию, надлежало разоружить силой. Сопротивление объявлялось нарушением присяги.

Он прочёл ещё раз строку об укрывших. Под ней мог оказаться хозяин дома, где остановится Аврел, караульный, пустивший Кассия к больному солдату, командир, которому Терен привезёт сведения о пустом амбаре. Для каждого нашлась бы причина. Теперь эти причины получил бы отряд с оружием.

— Они ещё ничего не сделали, — сказал Трост.

— Некоторые уже предлагают собираться в другом месте. Я не позволю создать второй дворец посреди моего города.

— Для разговора им не нужен дворец.

— Для приказов — нужна ответственность. Её не будет ни у кого, кроме меня.

Трост сложил лист, но не убрал сразу.

— Если откажутся сдать оружие наши солдаты?

— Ты воин. Знаешь, что делают с вооружённым неповиновением.

— Знаю, как быстро оно начинается, когда приходят отнимать.

Октавий устало сел. Провёл ладонью по рыжим волосам, коснулся короны и снял её. Поставил на стол рядом с картой. Обычный венец не сделал его ни старше, ни увереннее; без него брат выглядел таким же измученным.

— Я не хочу воевать с тобой, — сказал он.

— Я тоже.

— Тогда помоги закончить это, пока ещё можно.

Трост убрал приказ в сумку.

Не пообещал исполнить. Октавий заметил, однако не потребовал слов присяги заново. Может быть, надеялся,

что дорога остудит брата. Может быть, сам не хотел услышать ответ в этой комнате.

У двери Трост остановился.

— Ты можешь позвать их обратно сегодня.

Октавий смотрел на карту.

— Нет.

* * *

Из столицы легат выехал до вечера.

Задержался только у комнаты, где оставил дорожные вещи. Кодекс лежал в застёгнутой сумке, привезённой вместе с ним из лагеря. Трост проверил ремень, положил императорский приказ отдельно, чтобы не смять. Между старой книгой и новым листом оставалось совсем немного места.

Во дворе слуга спросил, ждать ли его к следующему дню. Трост ответил, что не знает. Это было точнее любого успокоения.

У ворот стояли те же люди с просьбами. Для них закрытие Сената ещё не успело стать историческим событием. Просто исчезла дверь, в которую собирались постучать. Один мужчина узнал легата и хотел подойти; затем увидел, что тот уже садится в седло, остановился. Трост спешился снова, выслушал адрес и имя. Передал запись своему сопровождающему, велел найти ответ через военную канцелярию. Сделал то малое, на что хватало прежнего порядка, и поехал дальше.

Красные знамёна над улицами шевелились на ветру. Люди расходились перед всадниками. За спиной оставался дворец с живым братом; впереди — Третий, ещё живой, ещё способный выбирать.

Приказ лежал у него в сумке.

Трост знал, что не поведёт легион исполнять его.

Глава XVIII. Брат против брата

Коня подвели прямо к огню. Трост снял ногу со стремени, но несколько мгновений оставался в седле, глядя на людей возле котла. Один придерживал крышку рукавицей, другой пытался зачерпнуть со дна и сердился, что ему мешают. Увидев легата, оба выпрямились. Крышка упала обратно, обдав повара паром.

— Продолжайте, — сказал Трост.

Он спешился, отдал повод и пошёл между палатками. В столице уже закрывали ворота; сюда шум улиц доходил едва различимым гулом. Третий стоял за городом, там, где хватало места для вернувшихся частей и обозов. Солдаты ещё не успели разобрать всё снаряжение после дороги. У палаток сушились подбитые дождём плащи, возле мастеровой повозки лежали щиты, пробитые под Рилнморском. На некоторых оставалась кровь.

Старший центурион ожидал его у входа. Снятый шлем держал под мышкой; поперёк перебитого носа светлел свежий след от ремня. Трост знал, что этот человек умеет ждать до утра, если дело может подождать, и потому остановился сразу.

В коротких каштановых волосах центуриона было много седины. Под карими глазами лежали складки; узкий рот оставался сжатым, пока он ждал ответа.

— Приходили из города?

— Дважды. Велели готовиться к выступлению. Без обозов, с запасом на короткий переход. Кого брать, не сказали.

— Всех, кто может идти.

Центурион перевёл взгляд на дорожный футляр у него в руке.

— Так и подумал. Направление?

Трост откинул полог. Внутри было тесно от принесённых вещей. Кодекс лежал на свёрнутом плаще рядом с ларём; сюда его убрали перед поездкой во дворец. На столе оставили хлеб, холодное мясо и чашку, накрытую дощечкой от пыли. Трост положил футляр, отодвинул еду и вынул приказ.

— Прочти.

Центурион поставил шлем на землю. Свет падал сбоку, приходилось наклонять лист. Он прочёл начало быстро, затем вернулся к середине. Там, где говорилось о домах, предоставивших укрытие людям распущенного Сената, его брови сошлись.

— Арестовывать кого именно?

— Тех, кого назовут сопровождающие. Нам передадут людей, которые знают, где искать.

— А если не знают?

Трост не ответил. Центурион дочитал до приказа разоружать части, отказавшиеся признать новый порядок, и положил лист перед собой.

— Здесь можно половину столицы обойти. Государь понимает, что это не на день?

— Понимает, что я должен выйти с легионом и сделать всё, что мне укажут.

Центурион опёрся ладонями о стол. Снаружи засмеялись: кто-то рассказывал повару о запечённом мясе, которое видел во дворце. Трост дождался, пока голос удалится, и придвинул лист к свече.

— Этого приказа мы не исполним.

— Ты говорил ему?

— Говорил.

Центурион сел на ларь. Трост видел, как тот собирается задать следующий вопрос, и не стал помогать. В

Рилнморске они уже послушались запрета продолжать бой. Тогда можно было объяснять соседям, что легат остановил собственных людей, чтобы восстановить порядок. Здесь стояли печать императора и приказ идти против тех, кто отказался подчиниться ему. Не выполнить его незаметно было невозможно.

— Всех спросишь? — произнёс центурион.

— Сначала командиров. Потом людей.

— Они ответят при тебе. А когда тебя не будет рядом?

— Поэтому спросишь ещё раз без меня.

— Это уже не про поход, Трост.

— Знаю.

Центурион поднял шлем, но остался сидеть.

— У меня брат служит у южной дороги. Если придёт приказ закрыть её перед нами, он закроет. У него люди, он за них отвечает.

— Я не прошу тебя забыть брата.

— Забыть не выйдет. Я спрашиваю, что делать, если увидим его щиты.

Трост посмотрел на приказ. Несколько часов назад он стоял напротив Октавия и пытался добиться хотя бы отсрочки. Теперь тот же вопрос задавали ему самому, только на столе не было короны, а за пологом находились солдаты, которые рассчитывали услышать ответ до утра.

— Сперва говорить, — сказал он. — Пропустить тех, кто захочет уйти. Если ударят, защищаться.

— Ты это скажешь всем?

— Да.

Центурион поднялся.

— Тогда еду оставь. Холодную тоже едят. Я позову остальных.

Он вышел, и Трост потянулся за хлебом. Откусил, не почувствовав вкуса. На сгибе приказа темнело пятно: пока разговаривали, с его рукава капнула вода.

* * *

К утру новость прошла по лагерю прежде, чем объявили сбор. Люди смотрели на город, спорили у повозок, ходили к знакомым из других подразделений. Один пытался привязать свой свёрток к седлу; сосед стоял рядом и не помогал. Трост увидел их, направляясь к знамени, но сворачивать не стал.

Третий построили перед палатками. Ряды были уже прежних. Из Рилнморска вернулись не все, некоторые ещё не могли стоять долго и уселись возле своих, положив оружие на колени. Трост вышел туда, откуда его слышали передние, и велел центурионам передать каждое слово дальше.

Он прочёл приказ до конца. Не опустил ни требования об арестах, ни разрешения разоружать другие имперские части. Когда свернул лист, на правой стороне заговорили. Старший центурион поднял руку, требуя дослушать.

— Я отказался, — сказал Трост. — Легион не пойдёт вытаскивать людей из домов за то, что они пустили к себе сенатора. Не станет нападать на солдат, которые спрашивают, куда их ведут. Император получит мой ответ сегодня.

Из задних рядов крикнули:

— А жалованье от кого получим?

Несколько человек рассмеялись, но смех быстро прекратился.

— Не знаю, — ответил Трост. — Из государственной казны нам могут больше ничего не дать.

Центурионы повторяли его слова. Кто-то спросил, остаётся ли он легатом. Другой перебил: раз отказался, с него уже сняли должность. Трост позволил им договорить.

— Назначал меня Октавий. Он же может назначить другого. Кто считает, что обязан служить только тому, кого пришлют из дворца, может уйти сейчас. С оружием, с вещами. Ему не будут мешать.

— А кто останется? — спросил седой солдат из первого ряда.

— Останется со мной. И должен понимать, что я иду против приказа законного императора.

— Корону брать пойдём?

Трост нашёл глазами спросившего. Это был молодой легионер, пришедший после Иллы. Он не усмехался, спрашивал так же прямо, как о запасе стрел перед боем.

— Нет. Я от неё отказался. Снова разыгрывать, кому сидеть на отцовском месте, не собираюсь.

— Тогда чего требуешь?

— Остановить походы. Вернуть людям право возражать, не ожидая солдат у двери. Октавий должен услышать это прежде, чем прикажет нам добить оставшееся.

Молодой опустил глаза на щит. За ним кто-то произнёс имя Рилнборта. По строю прошёл шорох: переставляли ноги, подтягивали ремни, поворачивались к тем, кто хотел добавить своё.

Трост спустился с невысокого камня, на который встал для чтения. Теперь передние видели его близко. На тёмном доспехе не было позолоты, серебряный орёл на плаще потускнел от дороги. Один раненый поднялся, опираясь на древко, и снова сел: нога не держала.

— До полудня решите, — сказал Трост. — Командиры никого не удерживают. Кто уйдёт, получит свою часть еды. Пропавшими их не записывать.

Центурион с перебитым носом развернул строй по частям. Сразу заговорили громче. Несколько солдат направились к палаткам; другие остались, окружив младших командиров. Трост отошёл к повозкам и встретил того, кто привязывал свёрток к седлу.

— Легат.

Человек держал повод и старался не смотреть ему в лицо.

Короткие русые волосы спутались у висков; на загорелом лице лежала тёмная щетина.

— Уезжаешь?

— В город. Там жена. Дочь у неё. Они не... Я не могу, чтобы из-за меня.

— Понимаю.

Солдат поднял глаза. Казалось, он ждал, что Трост потребует оправдываться дальше, вспомнить походы, раненых, долг перед теми, кто остаётся. Легат только отступил, освобождая дорогу.

— Ты против своих не станешь? — вырвалось у солдата.

Трост посмотрел на людей у знамени. Они слышали вопрос.

— Я постараюсь не доводить до этого. Больше не обещаю.

Человек постоял ещё немного, затем вывел коня из лагеря. Сосед так и не подошёл помочь ему с плохо затянутым свёртком.

До полудня ушли другие. Одни прощались, одни забирали вещи молча. Двое подрались возле оружейной повозки: остающийся назвал уходившего трусом. Трост сам разнял их, заставил первого вернуть отнятый щит и дождался, пока второй пройдёт через караул. На выходе никто не кричал вслед. Это оказалось тяжелее, чем он ожидал.

* * *

Из дворца приехали после полудня. Впереди шёл всадник с футляром для бумаг, за ним — люди под красным государственным знаменем. До боевого построения они не развернулись, но держали копья в руках. У входа в лагерь их остановили.

Трост вышел навстречу со старшим центурионом. Всадник спешился и потребовал отвести его к командующим подразделениями. Разговаривал быстро, словно мог закончить дело прежде, чем окружающие поймут, зачем он приехал.

Это был узколицый офицер с короткими усами; дорожная пыль осела на аккуратно застёгнутом вороте.

— Назовите, кто остаётся в распоряжении государя. Остальным приказано сдать оружие до выяснения.

— Выясняй здесь, — сказал Трост.

— Я обращаюсь к центурионам, легат.

— Они слышат.

Посланный посмотрел через его плечо. Возле палаток уже собирались люди. Чёрное знамя Третьего стояло на прежнем месте, его никто не опускал.

— Вам поручено сопровождать задержание, — продолжил он. — Не обсуждать основания. Из столицы выходят люди, укрывавшие тех, кого государь приказал найти. На дороге их нужно остановить.

— С оружием идут?

— С вещами. Служители, родственники. Это не меняет приказа.

Трост обернулся к центуриону:

— Дорогу для них оставить.

— Вы услышали не всё! — Посланный шагнул ближе. — Я привёз полномочия передать исполнение старшему после вас.

Центурион протянул руку. Прочёл письмо стоя, вернул, не складывая.

— Отказываюсь.

— Вы даже не дослушали, что вам предлагается.

— Прочёл. Там всё написано.

Посланный покраснел. Несколько сопровождавших начали обходить его, пытаясь стать шире. У лагерного входа поднялись щиты. Трост увидел наконечник копья между двумя головами и резко поднял ладонь.

— Опустить! Обеим сторонам!

Его люди послушались. Приехавшие задержались, глядя на своего командира. Тот приказал им стоять. Теперь между рядами оставалось не больше нескольких шагов.

— Государь ещё позволяет вам ответить без стражи, — сказал посланный тише. — Вы понимаете, что будет следующим?

— Понимаю. Возвращайтесь и передайте: на людей, которых вы описали, Третий не пойдёт.

— А на государя?

Трост выдержал его взгляд.

— Пусть не посылает к нам армию.

Посланный убрал лист в футляр и попятился к коню. На этот раз садился медленно, проверяя, не двигаются ли щиты. Трост велел пропустить всех обратно. Только когда красное знамя скрылось за поворотом, солдаты у лагерного входа заговорили.

— Они вернутся, — сказал центурион.

— Уберите палатки от дороги. Раненых и обозы отвести за склон. Передовые посты выставить так, чтобы видели подход.

— Отходим?

Трост посмотрел на дорогу к городу. Там уже появлялись люди с узлами. Их пропускали между постами, не останавливая для допроса.

— Готовимся. Если уйдём сейчас через них, сами затопчем.

* * *

Октавий выслушал посланного до конца. Стоял у окна, положив одну руку на каменный подоконник; другой держал письмо, которое уже успели смять дорогой. Алый рукав был закатан. Перед возвращением посланца император разбирал спор между караульными: одни получили приказ не выпускать никого с телегами, другие пропустили хлебный обоз и теперь требовали объяснить, за что их собираются наказать. Октавий разрешил спор быстро. Хлеб шёл к его войскам, и задержка не помогала ни одному из распоряжений.

Теперь из окна была видна дорога, по которой обоз ушёл. Там же, за городом, стоял Третий.

— Ты требовал сдать оружие до того, как он ответил?

— Государь, приказ предполагал...

— Я спрашиваю, как ты сказал.

Посланный повторил. Октавий повернулся к нему.

— У его людей раненые под палатками, половина ещё не разобрала вещи. Ты пришёл с копьями и велел разоружаться. Чего ты ждал?

— Он отказал бы в любом случае. Легион уже знал его решение. Людям позволили уйти, многие пришли в город.

Октавий провёл пальцем по сгибу письма. Значит, брат обсуждал это со строем ещё до ответа. Позволил выбирать, верен ли приказ императора. На соседней дороге другие

части ждали разоружения; теперь у каждой появлялось собственное основание не повиноваться. Достаточно было поднять прежнее знамя и сказать, что Трост тоже не пошёл.

— Сколько осталось с ним?

Посланный назвал то, что смог увидеть. Император сразу отверг подсчёт: лагерь за склоном он не видел, раненых не считал, караулы могли быть выведены. Придворный у двери предложил объявить старшего принца лишённым всех прав. Октавий так резко посмотрел на него, что тот замолчал.

— Права он мне отдал сам. Не заставляй меня напоминать это ещё раз.

— Но войско, государь...

— Войско приведём к порядку.

Он подошёл к столу и положил письмо. Рядом лежали донесения об отказах, задержанном снабжении, частях, которые требовали прежде решения Сената. Сенат больше не заседал. Октавий не мог вернуть его одним распоряжением, не признав, что всё сделанное им за последние дни можно было отменить угрозой неповиновения.

Он потребовал командира, которому поручили собирать силы у северного выхода. Тот вошёл без парадного шлема, с пылью на сапогах. Октавий отвёл его в сторону от остальных.

— Третий остаётся имперским. Кто сдаст оружие, возвращается в свои части. Не позволяй людям грабить их обоз.

— А легат?

— Моего брата доставить ко мне живым.

— Если его будут защищать?

Октавий посмотрел в открытое окно. Оттуда доносился звон тележного колеса; город продолжал пропускать людей, пока во дворце решали, кого остановить на дороге.

— Тебе дадут достаточно солдат. Окружить, показать, что выход закрыт. Сперва прочитай мой приказ. Пусть услышат сами.

Командир поклонился и вышел. Октавий задержал посланца, велел записать точные слова отказа. Ему нужно было знать, говорил ли брат о престоле. Тот повторил, что нет.

Император несколько раз перечитал короткую запись. Потом убрал её под остальные бумаги и позвал следующего человека.

* * *

Ночью Третий сворачивал лагерь. Палатки снимали без команды к выступлению: готовили место, чтобы в темноте никто не запутался в растяжках. Раненых уводили за склон, где дорога расходилась с полевой колеёй. Гражданские шли там же; солдаты придерживали повозки на неровностях, помогали пройти тем, кто утомился ещё у городских ворот.

Трост обошёл новый край перед рассветом. Перед ним лежала ровная полоса земли, дальше начинались огороды и низкие изгороди. По дороге из Драевиля можно было пройти быстро; через огороды — обойти лагерь, но строй там неизбежно распался бы. Он поставил людей так, чтобы встречать прежде выход на ровное место. Центурион с перебитым носом хотел вывести передовых ближе к изгородям.

— Успеют занять их, подойдут почти вплотную, — сказал он.

— Там люди выходят из домов. Не станем держать между щитами чужой двор.

Центурион сплюнул в сторону, однако приказ повторил. Трост видел, что тот прав насчёт подхода. Через час это могло обойтись дорого. Но послать туда своих значило начинать с того самого, от чего отказались накануне.

Солдаты подкладывали камни под колёса последних повозок, когда показались первые красные полотнища. Их несли по дороге, высоко, чтобы увидели из лагеря. За ними двигалась пехота. Справа от дороги отделилась ещё одна часть и пошла вдоль огородов, выбирая проходы между изгородями.

— Левому краю смотреть за ними, — приказал Трост. — Передним — не выходить.

К нему направились двое. Один держал свёрнутый приказ, второй поднял свободную ладонь, показывая, что говорят прежде боя. Трост вышел навстречу, оставив своих у щитов.

Император требовал сложить оружие и вернуться под назначенное командование. Самому легату предписывалось немедленно прибыть во дворец. За ним сохраняли право объяснить поступок; тем, кто удерживает его силой, обещали наказание.

— Меня никто не удерживает, — сказал Трост. — Это мой приказ. Передайте вашему командиру: пропустите обозы, мы отойдём от города. Людей, которые идут по дороге, не трогайте.

— Их будут проверять.

— Проверяйте, есть ли оружие. Не ищите, у кого вчера ночевал сенатор.

Посланные вернулись. Трост дошёл до своих прежде, чем с той стороны крикнули строиться. Ответа о дороге не было.

— Легат, слева!

Из огородов выходили солдаты. Впереди бежал человек с коротким копьём, за ним несли щит, укрывая троих сразу. Они успели подойти близко, как предупреждал центурион. Трост послал второй ряд туда, где собственный край поворачивал вслед за дорогой.

— Закрыть! Стоять на месте!

По правой стороне кто-то закричал имя знакомого. Ему ответили, но слова не долетели. На ровной полосе поднялись копья. Трост ещё раз велел не идти вперёд. Из города донёсся звук рога, и наступавшие прибавили шаг.

Щиты столкнулись с сухим треском. Первые ряды уткнулись друг в друга, сразу потеряв ровную линию. Трост увидел, как его солдат оттолкнул чужой наконечник и замешкался, узнав человека напротив. Этого хватило: копьё из второго ряда вошло ему под плечо. Он опустился, цепляясь за край соседнего щита.

— Назад раненого! Место закрыть!

Трост подхватил его за ремень, потянул к себе. На сапог упала кровь. Другой уже вставал в промежуток, но не успел поднять оружие; Трост ударил сам, коротко, в лицо над щитом. Человек перед ним отшатнулся. Стоявшие сзади подхватили его и сразу выставили нового.

— Не толкаться! — донёсся чужой приказ.

Таким же голосом учили его самого. Строй напротив выправляли привычно, прижимали щиты, заставляли передних переставить ноги. Они знали, где искать слабое место. Третьему пришлось принимать их копья на той же высоте, на какой он привык держать свои.

Слева упала изгородь. Часть наступавших прошла через неё, не ожидая, пока протиснутся все. Край Третьего подался назад; дорога к обозам начала открываться. Старший центурион уже вёл туда людей.

— Держи середину! — крикнул Трост и побежал вслед за ним.

В проходе между дорогой и огородом было тесно. Наступавшие не могли пройти широким рядом, но наваливались сзади, выталкивая своих на копья. Трост приказал отойти на несколько шагов. Передние услышали, стали сдавать, не разворачиваясь; один споткнулся о борозду. Центурион схватил его за ворот, почти поднял над землёй и втащил обратно.

Противник устремился следом, вытянувшись через узкий выход.

— Теперь! С боков!

Третий ударил по вышедшим прежде, чем остальные успели развернуться. Щит вдавило Тросту в грудь. Он упёрся плечом, вывернул чужое древко вниз и освободил руку для меча. Перед ним было молодое лицо, почерневшее от страха и грязи. Солдат открыл рот, собираясь что-то крикнуть. Трост ударил. Чужой щит сразу стал легче.

Люди напротив попятились. Задние мешали им уйти, не понимая, что происходит за изгородью. Трост велел своим остановиться. Послушались не все: несколько бойцов, увидев повёрнутые спины, бросились следом. Пришлось послать центуриона возвращать их. Одного принесли с копьём в боку. Другой шёл сам, крича, что ещё можно добить отходящих.

— Назад! — Трост схватил его за наплечник. — Ты приказ слышал?

— Они нам... Там наши лежат!

— Вижу. Поднимать их будешь. Иди!

Солдат вырвался, но повернул к раненым. На середине наступление тоже остановилось. Напротив

перестраивались, собирали тех, кто отошёл от изгородей. Для нового удара им требовалось время.

Трост оглянулся на дорогу. Последние повозки уже скрывались за склоном. Там оставались только солдаты, державшие проход, и люди с носилками.

— Отходим по частям. Правые первыми, середина после. Не бегом!

Центурионы повторили. Третий начал выходить из столкновения, оставляя передние щиты развёрнутыми к противнику. Уходили медленно. В каждом ряду кто-то оглядывался туда, где остался свой, и Трост больше не мог послать за каждым: с другой стороны уже собирались наступать.

Он ушёл последним с теми, кто прикрывал дорогу. На склоне остановился, дождался отставшего носильщика и помог перехватить тяжёлый край. Позади снова ударил рог. Из-за поворота противника ещё не было видно.

* * *

К вечеру Третий остановился вдали от городских ворот. Раненых положили на снятые плащи. Костры разводили небольшими, только чтобы вскипятить воду и согреть тех, кого трясло. Никто не спрашивал, почему ушли без победной команды.

Трост сидел возле солдата, раненного первым. Тот уже не чувствовал руки и всё спрашивал, удалось ли вытащить копьё. Легат отвечал, что удалось, хотя человек повторял вопрос и после ответа. Когда лекарь подошёл сменить ткань, Трост отошёл.

У соседнего огня двое говорили о Фавии.

— Если правда, что он поднялся… — начал один.

— Ты его видел?

— А ты видел, как умер?

Они заметили Троста и умолкли. Легат остановился. Ему хотелось потребовать, чтобы перестали повторять слухи возле раненых. Вместо этого он спросил, не пришло ли нового свидетельства. Оба покачали головами.

Старший центурион принёс потери. Трост слушал имена тех, кого ещё утром видел у строя. Затем спросил о людях с другой стороны.

— Кого подняли, с нами, — ответил центурион. — Кого не смогли… там остались.

— Вода им тоже. Охрану поставь, но ремнями не связывать, если лежат.

Центурион пошёл выполнять. Трост раскрыл Кодекс. На старых страницах оставались отцовские имена, ниже появились записи его собственной рукой. Он нашёл место для сегодняшнего дня и некоторое время держал перо над бумагой.

Из города к ним больше не приехали говорить. На дороге остались две линии щитов, которые теперь узнавали друг друга издали и готовились к следующей встрече.

Глава XIX. Десять знамён

У заставы висело красное полотно. Его закрепили между двумя столбами, и ветер то расправлял орла, то заворачивал ткань на верёвку. Под полотном стояли солдаты с разными щитами. Одни носили старые тёмные плащи, другие получили новые, ещё не выцветшие; на плече ближайшего Трост увидел знак Третьего.

Он придержал коня. Сопровождавший его центурион тоже остановился, прикрыв глаза от низкого солнца.

— Наш? — спросил он.

— Был. Может, и сейчас так считает.

С начала мятежа прошло несколько недель. Третий уже дважды менял стоянку, уходя от сил, которые собирали против него. К нему приходили люди из других частей, иногда поодиночке, иногда вместе с командиром. Были и такие, кто переночевал у костров, поел и к утру возвращался на прежнюю сторону. Удерживать их силой Трост запретил. Разговоры о том, будто весь легион последовал за ним, он слышал даже от собственных посланцев и каждый раз требовал назвать ушедших. Их слишком легко забывали, когда нужно было рассказать о верности.

Застава перекрывала дорогу к столице. По ней Трост хотел провести раненых до большого постоялого двора, где сохранились крыша и колодец, а затем вывести основные силы на удобный подход к Драевилю. С другой стороны туда шли имперские повозки. Оставаться в стороне значило уступить Октавию единственный свободный путь здесь и ждать, пока противник вновь соберётся для удара.

Разведчики успели выяснить немногое. Заставу сменили накануне. Прежние солдаты ушли на север; новые заперли

ворота двора, выставили караулы у канав и велели хозяину оставить хлеб на кухне. За двором дорога поворачивала, и оттуда уже слышали колёса.

— Если обоз подошёл, их стало больше, — сказал центурион.

— Потому и разговаривать надо сейчас.

Трост велел остальным остаться за невысокой насыпью. Сам подъехал ближе, держа обе руки на виду. Караульный поднял копьё, назвал его и потребовал стоять. В этом голосе было скорее удивление, чем угроза.

Из двора вышел командир. Трост сперва разглядел пыльный плащ, затем увидел на лице командира такой же перебитый нос, как у шедшего рядом центуриона; только старый шрам уходил в сторону щеки. Старший центурион рядом шумно выдохнул.

Волосы у брата были темнее и острижены короче; седины в них почти не было. Та же узкая линия рта делала сходство заметным даже без перебитого носа.

— Это он? — спросил Трост негромко.

— Брат.

Тот остановился посреди дороги. Некоторое время смотрел на них, не решаясь приблизиться. Потом крикнул:

— С коней. Оба.

Трост спешился первым. Центурион отдал повод и пошёл рядом, чуть опережая. Братья встретились там, где кончалась тень от столба. Рук друг другу не протянули.

— Ты должен был быть на юге, — сказал старший центурион.

— Много где должен был. Там теперь некому сменять. Нас перебросили сюда.

— Семья?

— В городе. А твоя?

— Не успели выйти.

Командир заставы перевёл глаза на Троста.

— Ты привёл его со мной говорить?

— Я не знал, кто здесь стоит. Нам нужен проход к двору. Раненые останутся под крышей. Войско пройдёт дальше.

— Дальше — столица.

— Знаю.

— Я тоже. Поэтому ворота закрыты.

Он говорил без почтительных обращений. Его брат поморщился, но Трост показал рукой, что не надо вмешиваться.

— Сколько ваших пришло вчера? — спросил легат.

— Достаточно, чтобы не сдать дорогу по просьбе.

— Я о раненых. Мы своих везём на телегах уже третий день. Среди них есть люди, которых подобрали после боя с нами. Если хочешь, оставим их здесь под вашей охраной.

Командир заставы посмотрел на насыпь. За ней не было видно повозок; разведка Третьего остановила их далеко, чтобы не выдать движение всего легиона.

— Пришли лекаря. Одного, без оружия. Пусть покажет мне.

— Пойдёшь с ним?

— Пошлю человека. Я заставу не оставлю.

Трост согласился. О проходе войска договориться не удалось. Командир объяснил, что получил прямой приказ держать дорогу и задержать самого легата, если тот появится. Даже теперь мог потребовать его сдачи.

— Потребуй, — сказал старший центурион. — Раз приказано.

Брат повернулся к нему.

— Не заставляй меня дураком выглядеть. За вашей спиной целый легион. Ты думаешь, я не понимаю, зачем вы выбрали утро?

— Тогда не задерживай людей, которые только лечь хотят.

— Я уже сказал: посмотрю.

Они разошлись. На обратном пути центурион долго поправлял ремень шлема, хотя тот сидел ровно. Трост не стал расспрашивать его о семье. Оба услышали достаточно.

* * *

Лекарь вернулся с двумя солдатами заставы. Один шёл вдоль повозок быстро, отмечая, сколько лежит людей; второй задержался возле раненого из своей части и присел на край телеги. Его окликнули. Он не сразу поднялся.

Разговор продолжили у первой повозки. Солдатам разрешили отвезти во двор тех, кто не мог идти. Оружие раненых надлежало оставить снаружи. Трост потребовал, чтобы вместе с ними пустили лекаря и помощников. Посланные согласились не сразу: им велели пересчитать даже носильщиков.

Старший центурион отвёл Троста в сторону.

— Если они задержат обоз, мы ничего не сделаем. Тесный двор, ворота одни. Придётся лезть через своих.

— В поле они до следующей недели не дотянут.

— Я понимаю. Ты понимаешь, что отдаёшь их моему брату под слово?

Трост посмотрел на телегу, где человек пытался приподняться и никак не мог упереться локтем. Лекарь уже перестал помогать ему садиться: каждый раз открывалась повязка.

— Поедешь с первыми. Проверишь, как кладут. Потом вернёшься. Если ворота закроют, снаружи ничего не начинаем, пока не узнаем, что внутри.

Центурион отошёл, чтобы передать приказ. Трост приказал снять с телег всё лишнее. Под плащами нашлись два коротких меча: владельцы надеялись пронести их с собой. Один ругался, когда оружие забирали.

— Там чужие!

— Там лекарь останется, — ответил Трост.

— Лекарем защищаться?

— Тебя приняли при условии, что без оружия. Нарушим — всех выгонят.

Солдат отвернулся. Трост положил его меч на освободившуюся повозку и велел записать имя владельца на обвязке. От этого раненому не стало спокойнее, однако спорить он перестал.

Первые телеги пошли к заставе. Колёса увязали в разъезженной колее. Солдаты с красным полотнищем над головами вышли им навстречу, помогли вытолкнуть заднюю. Трост наблюдал с насыпи. Только когда центурион показался в открытых воротах и поднял руку, он отправил следующую.

Войско осталось на месте. Люди видели, как их товарищи исчезают во дворе, и не понимали, почему нельзя пройти вслед. Трост объяснил командирам: договор касался раненых. Остальным велел поесть. Он рассчитывал обойти заставу через сухое поле, выйти к дороге за поворотом и заставить её сдаться без боя. Для этого требовалось дождаться, пока всех уложат и лекарь останется внутри.

Разведчик прибежал, когда до ворот не дошла последняя телега. На повороте появились всадники. За ними шла пехота, торопилась, обгоняя собственные повозки. Имперский обоз привёл подкрепление раньше, чем ожидали.

Трост поднялся на насыпь. На дальней дороге разворачивалось новое красное знамя. Люди с заставы побежали к воротам, но закрыть их ещё не успели: последняя телега застряла между створками. Старший центурион оставался внутри.

— Легату приказано явиться! — закричали с дороги.

Крик подхватили у заставы. Один караульный попятился, другой схватил проходящего носильщика за плечо. Из ворот вышел брат центуриона и ударил древком по чужой руке. Носильщик вырвался, упал возле колеса и пополз в сторону.

Трост уже бежал к своим.

— Щиты вперёд! Правым за мной. К воротам не подходить!

Ему нужно было оттянуть прибывших от двора. Он повёл часть людей через поле туда, где дорога делала поворот. Если бы удалось занять насыпь с другой стороны, подкреплению пришлось бы разворачиваться против него, оставив заставу за спиной.

С другой стороны это поняли. Всадники сбились к обочине, пропуская пехоту. Трост увидел одинаковые отметки на щитах у своих новых бойцов и у тех, кто бежал навстречу. Командир присоединившегося отряда выкрикнул имя. Ответом был удар копья о щит.

— Здесь своих нет! — крикнул кто-то с дороги.

Это услышали оба строя. Тросту захотелось найти кричавшего, но первые уже сходились. Он успел выставить людей вдоль насыпи; правый край ещё продолжал двигаться, когда в середину ударили.

Трост подставил щит. Чужое копьё скользнуло по краю, задело пряжку. Рядом упал человек, и его сразу потянули назад за ноги. Противник пытался столкнуть их вниз, к влажной борозде. Там ноги разъезжались бы, а передние

прикрывали бы себе только лицо. Трост приказал держаться верхнего края.

— Правые, ближе! Не оставлять промежутка!

Щиты сомкнулись. Удар пришлось принимать стоя боком, почти упираясь плечом в товарища. Трост видел над чужими головами красное знамя, ниже — знакомые гребни шлемов. У человека напротив на шее висел оберег из двух костяных пластинок. Такие делали у дороги, которой они возвращались из Рилнморска. Трост отвёл его копьё, толкнул щитом и рубанул по предплечью. Кровь попала на пластины. Человека увели, на его место сразу встал следующий.

Позади закричали. Трост обернулся и увидел, что к заставе побежала часть его войска. Командиры пытались остановить людей, но те решили, будто внутри режут раненых. Над воротами двигались копья. Различить, кто с кем сцепился, было невозможно.

— Посыльного ко двору! Сказать, чтобы отошли от ворот! — велел Трост.

Посыльный не успел сделать и нескольких шагов: возле него ударила стрела. Он лёг, затем пополз за прикрытием щитов. Трост понял, что приказ дойдёт слишком поздно.

— Средним стоять. Со мной двое!

Он вышел из строя. Щит поднял над головой, побежал поперёк открытой полосы. Со стены постоялого двора кричали, чтобы он не приближался. У самых ворот стоял его центурион, удерживая телегу поперёк прохода. Брат прижимал к столбу солдата из пришедшего подкрепления. Тот пытался вырваться и достать нож.

— Назад своих! — закричал центурион. — Давят!

Трост повернулся к бегущим бойцам. Первыми были те, кто ещё утром снимал раненых с повозок. Они увидели легата и замедлились, но задние продолжали напирать.

— К насыпи! Здесь никто не режет! Слышите меня?

Солдат с окровавленной ладонью пробился вперёд.

— Нас не пускают к своим!

— Их приняли. Ты им стены развалишь!

Трост оттолкнул его в сторону, приказал двум сопровождавшим разворачивать ряд. Из ворот вынесли носильщика. Тот держался за шею; по пальцам текла кровь. Солдат у столба перестал вырываться. Брат центуриона отнял у него нож и бросил во двор.

— Под замок его, — сказал он своим. — Потом объясню, кому надо.

Трост встретился с ним взглядом.

— Раненые остаются?

— Остаются. А вы уходите от ворот!

Он захлопнул одну створку, оставив вторую для носильщиков. Трост увёл своих к насыпи. Сбоку от него бежал центурион, тяжело дышал. На рукаве темнела кровь брата: во время драки тому рассекли ладонь.

Подкрепление уже теснило середину. Без людей, бросившихся спасать двор, строй стал слишком коротким. Трост вернул их на правый край и приказал наступать вдоль дороги. Им удалось оттеснить противника от поворота. Часть имперских солдат попала между Третьим и собственной повозкой; возница бросил поводья, лошади потянули вбок, перекрыв проход.

Появилась возможность ударить по застрявшим. Молодой командир уже поднял меч, указывая вперёд. Трост остановил его.

— Проход займёшь. Кто оружие положит — пропустить к заставе.

— Они опять выйдут!

— Сейчас пусть выйдут отсюда!

Люди перед повозкой заколебались. Один бросил копьё. Другой оттолкнул его и полез между колесом и оглоблей; конь ударил задними ногами, и солдат исчез под ним. Остальные начали сдаваться. Трост велел отвести лошадей, убрать оружие с дороги, не трогать лежащих до лекаря.

Левый край противника отступил к повороту. Преследовать его было некем. Третий удерживал полосу дороги и часть поля, но к заставе теперь примкнули новые щиты. Между ними находились раненые обеих сторон, за которых уже не смог бы поручиться один командир.

* * *

К вечеру путь к столице остался закрытым. Войско Троста могло идти в обход, по полевой дороге, однако для повозок её ещё предстояло проверить. У заставы договорились больше не стрелять. Обе стороны собирали лежавших; оружие оставляли там, где находили, чтобы никто не решил, будто собирают ещё и добычу.

Брат центуриона вышел лишь на несколько минут. Ладонь у него была перевязана. При нём стояли два солдата из подкрепления, и разговор он начал громко, для них.

— Передайте, что раненых разместили. Кто поправится, будет задержан до решения командования.

— Я слышал, — ответил Трост. — Лекарь остаётся.

— На тех же условиях.

Центурион шагнул к брату. Спросил негромко, привезти ли письмо для семьи. Тот покачал головой.

— Сам напишу. Так проще будет, когда начнут спрашивать.

— За нож тебя тоже спросят.

— Пусть спрашивают. У меня приказ дорогу держать, а не позволять резать людей во дворе.

Они пожали друг другу руки. Раненую брат спрятал за спину, чтобы не задеть. Потом вернулся к заставе, и рядом с ним опять поднялось копьё караульного.

Трост отводил войско в темноте. За день он получил несколько пленных, потерял людей и не добился прохода. Раненые оказались под крышей — единственное, что удалось исполнить полностью. В донесении, которое собирался послать брату, он не мог назвать это победой. Однако солдаты у костров уже рассказывали, как погнали имперское подкрепление. Из рассказа исчезали застрявшая телега, нож у горла носильщика и люди, оставшиеся за закрытыми воротами.

Старший центурион сел рядом с ним. Некоторое время оба слушали голоса.

— Я всё думал, что увижу брата и станет проще, — произнёс он. — Знаешь человека. Скажешь ему как следует, и он поймёт.

— Он понял.

— Дорогу не открыл.

Трост снял перчатку. На ладони вздулась полоса от ремня щита. Он повертел рукой, пробуя согнуть пальцы.

— Он за тех отвечает, кто ему поверил. Как ты за этих.

Центурион отвернулся к огню. Потом сказал:

— Я за них и до тебя отвечал. Не забывай.

Трост поднял голову.

— Не забуду.

* * *

В Драевиле Октавий велел убрать со стола большие легионные знаки. Сначала их ставили для удобства: десять частей, десять мест на карте. Теперь возле каждого требовалось оставлять сразу несколько записок. Одни подразделения выполняли приказ, другие задерживали посланцев, третьи объявляли, что подчинятся только прежнему командиру. Десятый легион не был надёжнее первого, Третий не ушёл целиком к Тросту. Раскол проходил через лагеря, семьи, караулы у одних ворот.

— Ставьте отдельные отряды, — сказал император. — И дату, когда видели в последний раз. Я хочу знать, кого можно вызвать, а не сколько орлов нарисовано.

Командир, принёсший карту, начал перекладывать деревянные метки. Октавий следил за его руками. Когда тот отодвинул часть сил от северной дороги, император остановил его.

— Почему снял?

— Оттуда пришли люди. Говорят об орках. Посыльный ещё не вернулся.

— Значит, не снял. Отметь, что известий нет. Подтверждение пришлёшь сразу.

Другие вести были подтверждены. Остатки Второго отходили под ударами паладинов. Долго прикрывать дороги они уже не могли; люди теряли строй, искали свои части, смешивались с уходящими жителями. Из прежних владений феодалов двигались вооружённые отряды. Их предводители говорили о возвращении отнятого и выбирали дорогу к столице, пока имперские силы дрались между собой.

Октавий выслушал донесения, приказал послать навстречу Второму проводников. Затем потребовал

открыть склад у городского въезда. Отступавшие не должны были ломать двери в поисках еды. Кому-то в комнате показалось разумнее сперва выяснить, сохранили ли они верность. Император посмотрел на него с такой усталой яростью, что тот опустил глаза.

— Ты будешь спрашивать у ворот, а паладины станут ждать? Открой склад.

Эльфийская миссия просила приёма ещё с утра. Её люди уже находились в столице; им не требовалось преодолевать заставы, чтобы напоминать о себе. Октавий принял их после донесений. Говорили о безопасности посольских людей, о дорогах, о том, что дальнейшие потери можно предотвратить своевременным решением. Ни одно предложение не освобождало государя от необходимости уступить прежде, чем он узнает, что получит взамен.

— Вы уверены, что можете обещать от имени тех, кто идёт сюда? — спросил он.

Эльф ответил, что Совет Триединства располагает своими средствами воздействия, однако за решения прочих сторон не отвечает.

Октавий поднялся.

— Тогда начнём с того, за что отвечаете. Ваши люди останутся в отведённых им местах. Мне нужны свободные улицы. Всё остальное обсудим, когда получу ответ с севера.

Посланник хотел продолжить, но в дверь уже вошёл гонец. На его плаще сохранилась мокрая грязь. Он не успел поклониться как следует, прежде чем сообщил: орки действительно приближались.

* * *

Трост узнал об этом позднее. В его лагерь сведения шли кружным путём, теряли подробности, смешивались с рассказами о стычках. Он велел повторить известие дважды, спросил, кто видел войско собственными глазами. Ответ его не успокоил, однако отмахнуться уже не получалось: с разных дорог приходило одно и то же.

На столе лежал недописанный ответ Октавию. Трост собирался требовать, чтобы тот отвёл силы от Третьего и прекратил аресты. Теперь посланник мог не добраться даже до ворот. Между лагерем и столицей оставалось слишком много людей, каждый из которых считал себя вправе задерживать чужие письма.

— Если отступим ещё раз, нас прижмут, — сказал старший центурион. — Куда ни повернись, кто-нибудь идёт. К городу надо пробиваться сейчас.

— Сколько способны держать передний ряд?

Центурион назвал число. Трост попросил вычесть тех, кому лекарь запретил надевать доспех. Число уменьшилось. Потом спросил о стрелах, и ответ тоже оказался хуже вчерашнего.

Они ещё долго решали, кого поставить на подходе к дороге. Трост слушал голоса командиров, рассматривал потёртые края карты и понимал, что в следующем сражении ему опять придётся выбирать, кого оставить лежать. На это уже не хватало людей. Каждый обход требовал тех, кто мог бы удержать середину; каждый спасённый обоз оставлял без защиты другой проход.

Когда командиры разошлись, он вышел к караулам. Один солдат помогал другому застегнуть ремень на повреждённом наплечнике. Тот ругался, отталкивал руку,

потом снова подставлял плечо. Оба поднялись, увидев легата.

У одного были тёмные усы, у другого — гладкие молодые щёки; оба коротко острижены, оба загорели до красноты.

— Починишь к утру? — спросил Трост.

— Починим, — ответил здоровый за товарища.

У Троста нашёлся запасной ремень. Он отдал его и пошёл дальше. Возле следующей палатки говорили о Фавии — так уверенно, будто центурион мог вернуться ещё до рассвета и показать, что с ним произошло. Трост остановился в темноте, не входя в освещённый круг.

Он злился на брата, на чужие войска, на людей, которые уже делили дороги вокруг столицы. Потом увидел, как раненый пытается завязать полученный ремень зубами, и злость стала такой сильной, что пришлось отвернуться.

Им предстояло идти снова. Другого войска у него не было.

Глава XX. Накануне

До Драевиля оставался один переход. При ясной погоде с верхнего края лагеря можно было различить башни, но к вечеру низину заволокло дымом. В городе разводили больше огней, чем прежде. Трост смотрел туда, пока разведчик объяснял, где имперские части перекрыли дорогу.

За последние дни Третий обошёл заставу полевым путём, оставил несколько повозок с треснувшими осями и собрал тех, кто не успел пройти вместе с ним. Люди шли к столице, зная, что возле неё придётся драться. Обратно уже двигались чужие дозоры. Оставшиеся поблизости жители закрывали дворы при виде любого знамени.

Разведчик указал на полосу потемнее.

У разведчика были узкие загорелые щёки; короткие волосы ещё хранили пыль дороги.

— Там стоят. Через дорогу ряд и дальше по склону. К вечеру ещё подошли. Нас видели, скрываться больше нечего.

— До утра двинутся?

— Место им хорошее. Сами бы мы не стали.

Трост отпустил его. Старший центурион не уходил, ожидая приказаний. Оба изучали тёмную низину. Наутро предстояло пройти её снизу и выйти к дороге под ударами тех, кто занял высоту. Обход был возможен, но выводил к чужим передовым и отнимал ещё день. Людям всё равно пришлось бы сражаться, только в худшем порядке.

— Поставь смену раньше, — сказал Трост. — Пусть перед боем хотя бы поспят.

— Они и сейчас не спят. Поговоришь?

Трост пошёл вслед за ним. Возле огня чинили повозку, которую всё-таки дотащили с полевой дороги. Колесо лежало плашмя. Человек, склонившийся над ним, пытался выбить обломок железа; при каждом ударе кашлял, отводя голову. Его товарищ держал втулку обеими руками и сердился:

— Ты по мне ещё попади. Тогда точно оба поедем.

— На чём? — спросил Трост.

Они подняли головы. Тот, кто держал колесо, усмехнулся и убрал руки.

— Вот о том и речь. Утром бросить придётся, легат. На честном слове шли.

Трост присел возле снятой оси. Дерево разошлось вдоль, железная обвязка едва удерживала половинки.

— Оставьте до утра. Разгрузим.

— Там котлы. Посуду-то донесём, а большие куда? — спросил кашляющий.

Под короткой седой щетиной темнели обветренные щёки; на широких кистях выступали старые рабочие мозоли.

— Часть оставим.

— После боя обратно пришлёшь? Хорошая вещь. Я его ещё до Иллы знаю.

Трост поднял взгляд. Человек говорил о закопчённом котле с треснувшим ухом и ждал настоящего ответа. Слишком многое за последнее время оставили у дороги с обещанием когда-нибудь забрать.

— Если сможем вернуться, пришлю.

— Так бы сразу, — сказал тот и положил молоток.

Центурион разогнал собравшихся помогать, велел идти к своим. Сам остался у повозки, распределяя груз по людям. Трост пошёл дальше один.

Под навесом молодой солдат писал на колене. Чернила разлились по пальцам; он держал клочок за сухой угол, стараясь не смазать написанное. Увидев легата, поднялся слишком быстро и уронил всё на землю.

Русая прядь падала ему на лоб; гладкое молодое лицо было обветрено до красноты.

Трост поднял лист. Строчки были неровные, местами поверх старых слов шли новые. Он не стал читать, вернул вместе с пером.

— Кому отдашь?

— Не знаю пока. В обозе говорил один, что пойдёт от нас утром. Может, возьмёт.

— Далеко?

Солдат назвал дорогу, по которой теперь было трудно пройти даже небольшому отряду. Трост спросил, есть ли другой человек, кому можно оставить письмо поближе. Тот задумался, потом назвал торговца в пригороде.

— Попробуй так. Скажи, что ответ не нужен сейчас.

— Я и не просил.

Он спрятал бумагу под доспех. Трост хотел уйти, но солдат задержал его вопросом:

— Во дворце знают, что мы завтра идём?

— Знают.

— Брат твой выйдет?

— Не знаю.

Молодой опустил голову. Ему, видимо, хотелось представить человека, до которого нужно дойти, а не очередную линию чужих щитов. Трост не мог обещать даже этого. Октавий мог остаться за стенами, послать новое войско, приказать закрыть ворота перед отступавшими. А мог сделать то, чего Трост ещё не предвидел.

У соседнего огня рассказывали о доме. Солдат постарше показывал на пальцах, насколько выросла дочь, пока он

воевал; ему возражали, что столько сразу не вырастают. Потом выяснилось, что видел он её давно и последние новости получил чужими словами. Спорить перестали. Кто-то предложил ещё похлёбки, и разговор ушёл к тому, кто на этот раз забыл посолить.

Трост постоял с ними. Ему подвинули миску, но он отказался: есть уже не хотелось. Один из солдат спросил, правда ли Фавий может ходить после тех ран, от которых другие умирают. Трост ответил, что сам его не видел.

— Но видел кто-то, — настаивал человек. — Имя назвал. Откуда бы ему знать?

— Я не сказал, что это ложь.

— Так надо было искать.

— Где?

Солдат развёл руками. Трост подождал, затем пошёл к палатке. За спиной продолжили спорить; теперь уже о том, сумел бы Фавий найти их сам. Никто не спрашивал, захотел бы он вернуться.

* * *

Посетитель пришёл, когда в палатке осталась одна свеча. Караульный откинул полог и сообщил, что у входа человек, которого задержали между постами. Он назвал Троста и заявил, что должен говорить с ним до боя. Оружия при нём не нашли.

— Один?

— Мы никого больше не видели.

— Пусть войдёт. Сам стой снаружи.

Трост отодвинул карту. Посетитель вошёл, наклонив голову под низким пологом. Плащ закрывал его почти целиком; лицо осталось в тени капюшона. Он поставил на

землю тяжёлый свёрток и не сел, хотя возле ларя было свободно.

Край длинного плаща был истёрт дорогой. В складках капюшона нельзя было различить ни глаз, ни линии рта.

— Ты хотел меня видеть, — сказал Трост. — Говори.

— Твои люди завтра умрут.

Легат выпрямился. Рука сама легла на край стола.

— За этим пробирался мимо караула?

— Чтобы ты мог сделать больше, чем записать их имена.

Посетитель посмотрел на Кодекс. Книга лежала закрытой, рядом с пером. Трост сдвинул её к себе.

— Имён ты не видишь. Если пришёл с угрозами, их в этом лагере достаточно и без тебя.

— Я принёс средство.

Он развязал свёрток. В ткани находились закрытые сосуды, тёмные, без знакомой Тросту печати. Один посетитель поставил на стол. Звук оказался глухим и тяжёлым; Трост машинально отодвинул свечу, чтобы не задеть.

— От чего?

— От того, что остановит их завтра.

— От копья в груди?

— И от него.

Трост смотрел на закрытый сосуд. В голове снова возникла история Фавия: годы в камне, человек, вышедший из тюрьмы с телом, которое уже не должно было служить. До этой ночи можно было требовать свидетеля, сверять чужие слова и говорить себе, что у него нет возможности ничего проверить. Теперь неизвестный стоял перед ним и обещал то, чего он всё сильнее хотел.

— Ты знаешь Фавия?

— Ты слышал, что с ним произошло.

— Я спросил другое.

Посетитель не ответил. Трост поднялся из-за стола, подошёл ближе. Капюшон скрывал глаза; на свету была только складка ткани у рта. Легат не стал стаскивать его силой. За пологом стоял караульный, а сам он не желал превращать разговор в драку раньше, чем услышит предложение.

— Открой.

Посетитель снял крышку. Трост наклонился, но по запаху не узнал содержимого. Не было ни привычной лекарственной горечи, ни вина, которыми в лагере пытались заглушить боль. Он протянул руку и остановился, не дотронувшись.

— Люди останутся живы?

— Они смогут подняться.

— Живы, я спросил.

Тень капюшона двинулась. Посетитель повернул сосуд так, чтобы Трост видел тёмную поверхность.

— Ты хочешь, чтобы завтра они не оставили тебя одного среди убитых. Это я предлагаю. Вернуть им всё прежнее я не обещал.

Трост медленно отступил. Снаружи прошёл караул; железо задело стойку, и кто-то негромко выругался. Звук был настолько привычным, что на мгновение стало легче. Можно было позвать этих людей, велеть завернуть сосуды и выставить незнакомца за лагерь. После этого утро наступило бы без всяких чудес.

— Чего потребуешь взамен?

— Завтра ты пойдёшь к столице.

— Я и так иду.

— Значит, тут мы не спорим.

— А после?

Посетитель закрыл сосуд. Трост схватил его за край, не позволяя убрать.

— После, — повторил он. — Я не отдаю тебе легион.

— Я не прошу его у тебя.

— Кто просит?

Ответа не последовало. Трост ощутил, как по спине пошёл холод. У этой помощи были причины, о которых ему не собирались говорить. Средство принесли вовремя, к определённому войску, на дороге к определённому городу. Кто-то заранее решил, что отчаяние сделает остальные вопросы неважными.

Он отпустил край сосуда.

— Если это отрава, завтра мы умрём прежде, чем дойдём до щитов.

— Можешь оставить всё здесь.

Посетитель произнёс это спокойно. Тросту захотелось ударить его. Впоследствии было бы удобно вспоминать, как его вынудили, как скрыли истину, как не дали выбора. Но дверь палатки оставалась открыта, меч лежал под рукой, а неизвестный ждал.

— Средство придётся принять каждому? — спросил Трост.

— Каждому, кто решится.

— Мне тоже.

— Ты ведёшь их.

Трост посмотрел на свои руки. Под ногтем засохла чужая кровь, которую не удалось вычистить после дороги. Он представлял завтрашний бой слишком отчётливо: короткий строй, подъём, новые ряды противника, люди, которых опять придётся оставить, чтобы вывести остальных. Ненависть к тем, кто заставлял проходить это снова, уже мешала думать об ином исходе.

— Останешься до утра, — сказал он.

— Нет.

— Тогда я ничего не обещаю.

Посетитель снова завязал ткань, однако сосуд со стола не забрал. Остальные поставил рядом. Трост не препятствовал. Когда незнакомец повернулся к выходу, легат спросил:

— Если они пожалеют?

Тот задержался у полога.

— Спроси их прежде.

Трост позвал караульного и велел проводить посетителя до внешнего поста. Не преследовать, если уйдёт один. Караульный взглянул на сосуды, затем на лицо легата. Приказ повторил без вопроса.

Когда шаги стихли, Трост остался стоять возле стола. Он мог ещё отдать другое распоряжение. Вместо этого накрыл принесённое тканью и послал за центурионом.

* * *

Старший центурион выслушал его, не присаживаясь. Потом сам откинул ткань, снял крышку и понюхал содержимое сосуда.

— Откуда знаешь, что не добьёт?

— Не знаю.

— А мне что людям сказать?

Трост рассказал разговор настолько точно, насколько запомнил. Не стал скрывать ни обещания подняться, ни отказа объяснить, что будет после. Центурион потребовал повторить слова о том, останутся ли они живы. Услышав их ещё раз, отошёл от стола.

— Ты слышишь, что говоришь?

— Слышу.

— Тогда скажи сам. Я не выйду объявлять им, что нашёл лекарство.

— Это не лекарство. И объявлю я.

Центурион посмотрел на легата долгим тяжёлым взглядом. В начале мятежа спор касался приказа, который оба могли прочесть. Теперь Трост предлагал поверить неизвестному человеку и сосудам без печати. За это нельзя было отвечать привычным: командование решило, строй выполнит.

— Уйти позволишь? — спросил он.

— Да.

— После того, как скажешь всё. Не по частям, чтобы сначала выпили.

Трост кивнул. Центурион вышел звать остальных.

Людей собрали возле знамени, по нескольку подразделений сразу, чтобы слышали голос. Сонные, злые, они подходили, надевая пояс на ходу. Кто-то думал, что начинается выступление; притащил щит, потом опустил его на землю. Трост ждал, пока перестанут толкаться.

Сосуды принесли закрытыми. Он встал перед ними и рассказал о посетителе. При имени Фавия в толпе зашевелились, стали переговариваться. Трост сразу поднял руку.

— Я не знаю, было ли с ним то же самое. Мне этого не сказали. Я не знаю и того, кем станем мы. Сказали только, что сможем подняться там, где должны умереть.

Несколько человек подались ближе. Другие отступили, будто уже от поставленной на землю посуды исходила опасность. Старый солдат спросил, смогут ли они потом вернуться к семье. Трост ответил, что обещания не было.

У спрашивавшего была короткая серая щетина; загар глубоко лёг в морщины возле глаз.

— Значит, прощаться? — выкрикнул молодой.

Выкрикнувший был узколицым, с непослушной тёмной прядью под краем шлема.

— Если решитесь — думайте и об этом.

— А завтра без него живыми вернёмся?

Вопрос прозвучал с другой стороны. Несколько человек засмеялись резко, зло. Трост не стал пользоваться их смехом.

— Не всем суждено погибнуть. Кто останется жив, сможет уйти. Поэтому решайте сейчас. Я приму средство с вами. Кто откажется, до утра оставит лагерь с теми, кто уводит обоз.

Один из командиров спросил, что делать с оружием уходящих. Трост велел не отбирать. Центурион повторил приказ так громко, что спрашивавший отступил к своему подразделению.

Начались вопросы. О боли, о разорванном теле, о том, сможет ли человек говорить и помнить своё имя. На большую часть Трост отвечал одинаково, и каждый ответ давался тяжелее: неизвестно. Он видел, как меняются лица. Кто-то переставал смотреть на сосуды и смотрел только на него, словно командир обязан был своим присутствием восполнить всё, чего им не рассказали.

Солдат, писавший письмо, стоял в переднем ряду. Он спросил:

— Если выпью, завтра всё равно в своём месте?

— Да.

— И ты впереди?

— Там, где нужен.

Молодой опустил голову, потом вышел из строя. Трост подумал, что тот уходит, и не стал звать. Солдат подошёл к обозному, отдал сложенный лист и вернулся к товарищам.

До рассвета оставалось немного. Решение нельзя было отложить до следующего вечера. Трост приказал командирам поговорить со своими и привести только тех, кто согласится. Сам пошёл к палатке. По пути его остановил солдат с чашкой в руках.

— Легат, мы как это делать будем? Каждый сам?

Трост посмотрел на чашку. Обычная лагерная посуда, побитая о край котла. Он представил, как люди прячутся по палаткам, пьют неизвестное, слушают собственное сердце и ждут, что станет с соседом.

— Вместе. Перед знаменем. Сперва я, потом остальные. Никто не уйдёт на бой, не увидев тех, с кем идёт.

Он отдал приказ готовить место для общего обряда. Названия у него не было, старых слов Трост не знал. У него были принесённое средство, согласившиеся люди и решение возглавить то, на что он их позвал.

* * *

— Кто ему это дал?

Гость произнёс вопрос так тихо, что Орк сначала продолжал поправлять полено. Потом убрал руку от огня и сел на прежнее место.

— Тот, кто пришёл ночью.

— Я слышал. Имя у него было?

— Трост его не узнал.

Гость потянул к себе край стола. Ножка скрипнула по полу; чашка возле Кодекса качнулась. Он удержал её, поставил дальше и только тогда посмотрел на рассказчика.

— Ты говоришь о моём отце. Я не спрашиваю, как он был одет.

Орк некоторое время смотрел на чашку. Гость ждал. Теперь недостаточно было слушать о войнах, повторять чужие имена и надеяться, что в конце найдётся объяснение. Между этими именами уже было его собственное, хотя тогда никто о нём не знал.

— Трост принял принесённое, — сказал Орк. — Собрал людей. Рассказал им не всё о средстве, потому что сам не знал. Но всё, что услышал от посетителя, мог повторить.

— И ты считаешь, этого достаточно?

— Для чего?

— Чтобы потом говорить: они согласились.

Орк наклонился и подобрал щепку, выпавшую из очага. Бросил её в огонь; та сразу занялась с тонкого края.

— Утром им предстояло сражаться, — ответил он. — Их уже подвели к месту, откуда трудно уйти. Решение Троста от этого не стало чужим.

Гость отодвинул чашку ещё дальше. На мгновение ему захотелось закрыть Кодекс и потребовать другого рассказа: где его отец остался человеком, вернулся в Толленград, хотя бы узнал, что произошло после его отъезда. Но Орк не обещал ничего подобного. А мать прожила без этого человека всю его жизнь.

— Рассказывай, — произнёс Гость. — Что он сделал утром.

Глава XXI. Восставший

Знамя поставили на свободном месте перед палатками. Утренний ветер шевелил чёрную ткань; белые и красные знаки на ней то раскрывались, то ложились складками вдоль древка. Рядом принесли сосуды. Люди подходили без щитов, оставляя проход к обозу.

Трост вышел последним из командиров. За ночь он почти не ложился. Во рту было сухо, натёртая ремнём ладонь болела, когда сжимал пальцы. Никакая сила ещё не давала о себе знать. Тяжесть доспеха осталась прежней, и ступать по неровной земле приходилось осторожно, чтобы не подвернуть ногу.

Он увидел тех, кто отказался. Они стояли у повозок со свёрнутыми плащами, держали оружие при себе. Несколько товарищей прощались с ними, торопливо, пока не началось построение. Один из уходящих попытался отдать соседу свою пайку; тот сердито сунул хлеб обратно за его пояс. Трост дождался, пока они разойдутся.

— Кто ещё хочет уйти, идите сейчас, — сказал он.

Из задних рядов вышли двое. Остальные расступились. За их спинами не засмеялись, не стали спрашивать, почему не решили ночью. Центурион проводил обоих до повозки и вернулся к знамени.

Место перед ним огородили только стоявшие люди. Никто не рисовал на земле непонятных знаков. Трост велел поставить сосуды так, чтобы их видели первые ряды, и принести чаши. Он уже решил, что не станет прикрывать незнание выдуманными словами. Обещать можно было лишь то, что зависело от него самого.

— Вы слышали меня ночью, — произнёс он. — Я приму то же, что вы. Буду в этом строю. Кого сможем поднять

после боя — поднимем. Кого сможем унести — не оставим чужим. И если останется возможность остановиться, я не пошлю вас умирать только для того, чтобы попасть во дворец первым.

— А если уже умрём? — спросили из ряда.

Трост нашёл глазами говорившего. Солдат держал шлем под мышкой и смотрел прямо на него.

— Тогда я всё равно буду вашим командиром, пока вы признаёте меня им.

Старший центурион подошёл к сосуду. Трост остановил его рукой.

— Я сказал — первым.

Он сам снял крышку, налил в чашу и поднял её перед собой. Несколько человек вытянули шеи, будто можно было увидеть действие средства раньше, чем оно коснётся губ. Трост ещё раз посмотрел вдоль рядов. Здесь стояли люди, пережившие с ним Иллу и Рилнморск, и те, кто пришёл позднее, не успев узнать, каким был легион до войны с собственным императором.

Он выпил. Средство оказалось густее воды. Пришлось сделать усилие, чтобы проглотить; в горле осталось неприятное тепло. Трост поставил чашу и подождал. Сердце билось часто, под доспехом выступил пот. Ничего другого он не почувствовал.

Центурион взял следующую чашу. Прежде чем поднести её ко рту, посмотрел на легата.

— Держать нас будешь, как обещал.

— Буду.

Он выпил, затем отступил к своему месту. Следом подошли командиры. Люди видели их лица и повторяли то, что только что сделали перед ними. Кто-то пил быстро, кто-то долго держал посуду двумя руками. Один солдат закашлялся; сосед хлопнул его по спине, услышал ругань и

убрал руку. Несколько человек нервно засмеялись. Обряд продолжился.

Трост не уходил, пока не подошли последние. Приходилось наливать ещё, передавать чаши, освобождать место для следующего подразделения. Он повторял сказанное тем, кто стоял далеко и не расслышал. Их ответ не сливался в один торжественный крик: обещали вполголоса, касались плеча соседа, проверяли, вернулся ли тот в строй. Молодой солдат, отдавший письмо обозному, попросил у товарища подержать шлем, потому что у самого тряслись руки. Потом выпил и забрал его обратно.

Когда всё закончилось, центурион закрыл опустевший сосуд. Трост приказал собрать оставшуюся посуду и не раздавать средство тем, кого не было у знамени. Сам подошёл к уходящему обозу. Кодекс он положил в дорожный футляр и закрепил среди вещей, которые сопровождали войско на расстоянии. Книга должна была идти вместе с Третьим, но тащить её на щите через поле было бы бессмысленно.

Один из обозных спросил, куда подать повозки после боя. Трост указал место за низиной и велел ждать донесения. Если придут чужие — уходить по прежней дороге. Тот переспросил о раненых. Трост повторил: сначала донесение; поднимать людей начнут, когда можно будет пройти.

Затем затрубили к выступлению. Солдаты подняли щиты. Кто-то проверил пальцами шею, прислушиваясь к собственному пульсу, и рассердился, поймав чужой взгляд. Трост затянул ремень на предплечье. Снова заболела ладонь. Он принял эту боль почти с облегчением.

* * *

Имперский строй стоял выше, чем казалось из лагеря. Дорога поднималась по пологому склону, затем шла вдоль его края. Снизу оставалась широкая открытая полоса; справа — мелкая ложбина с кустами, за которыми можно было укрыть движение небольшого отряда. Слева путь сужался между камнями. Трост вывел людей к подножию и остановил прежде, чем они начали подниматься.

Противник ждал. Над рядами держали красные государственные знамёна; знаки легионов находились ниже, среди щитов. За передней линией стояли лучники. Трост видел, как те передают связки стрел, и велел прикрыть головы ещё до первой команды с высоты.

— Справа держать вместе. В кусты не расходиться. Дойдём до середины — выровняться!

Центурионы понесли приказ по строю. Люди заговорили, поправляя друг другу щиты. Трост обернулся на знамя, убедился, что его держат высоко, и поднял меч.

Они пошли вверх. Первые стрелы ударили перед ними. Следующие застучали по дереву и железу. Человек во втором ряду осел, пытаясь удержать щит над головой; его подхватили, оттащили вниз, но Трост уже не видел, куда положили. Справа раздался крик: один солдат потерял строй, догоняя товарища, и получил стрелу в бедро.

— Вместе! Не останавливаться по одному!

Под ногами скользили мелкие камни. Шаг становился короче. Передние напрягались, наклоняя щиты так, чтобы закрыть лица, и плохо видели, куда ставят ногу. Трост приказал поднять свои копья. Сверху уже двигались навстречу, намереваясь столкнуть Третий обратно в низину.

Первый удар пришёлся на середину. Троста качнуло назад; он упёрся левой ногой, почувствовал, как камень уходит из-под подошвы. Справа подхватили его щит, помогли выровняться. Над краем показался наконечник. Трост отбил его вверх и шагнул вплотную, туда, где противнику было неудобно опускать длинное древко.

— Дави! — крикнул центурион.

Третий навалился. Впереди сдвинулись на шаг, ещё на один; сзади кто-то поскользнулся и потянул соседа. Пришлось остановиться. На склоне нельзя было долго удерживать место, просто упираясь друг в друга. Те, кто стоял выше, выбирали, куда ударить, а снизу приходилось отвечать на каждый выпад.

Трост увидел свободный промежуток у дороги и послал туда людей с правого края. Они пошли вдоль ряда, пригибаясь под чужими копьями. Если бы добрались до ровного места, могли бы развернуть наступление сбоку. Императорский командир поднял руку. Из-за передних щитов вышла свежая часть и ударила по идущим.

— Назад к своим! — закричал Трост.

Слова потерялись в шуме. Он послал человека повторить. Тот пробился на несколько шагов и упал; чужой щит закрыл его от глаз. На правом краю люди ещё пытались выйти вперёд, не зная, что возле дороги их уже ждут.

Трост понял, что сам привёл их под удар. Он выбрал этот проход, рассчитывал успеть, заставил оставить защиту общего ряда. Теперь требовалось вернуть хотя бы тех, кто ещё мог повернуть.

— Средним держать! За мной!

Он повёл ближайших поперёк склона. На мгновение оказался между двумя строями. Копьё ударило в щит так сильно, что рука онемела до плеча. Второе прошло под

краем, скользнуло по бедру. Трост упал на колено, поднялся, чувствуя, как сапог наполняется теплом.

Часть правых повернула к нему. Вместе они сомкнулись лицом к свежему отряду. Наёмников и чужеземцев здесь не было: напротив стояли солдаты той же Империи, с той же выучкой. Один выкрикнул, чтобы сдавались. Ему ответили руганью. Трост хотел повторить приказ об отступлении вниз, но противник уже надавил.

Молодой солдат с письмом стоял в двух шагах. Его щит треснул от удара, открыв лицо. Трост успел увидеть, как тот поднимает обломок выше. Копьё вошло под подбородок. Парень выгнулся и рухнул навзничь. Нога осталась на камне, так неестественно высоко, что Трост на миг смотрел только на неё.

Затем ударили его самого. Наконечник прошёл под поднятой рукой, между пластинами. Воздух вышел из груди коротким звуком. Трост попытался сделать шаг и не смог. Мир наклонился; перед глазами оказалась земля, изрезанная подошвами.

Он слышал, как кричат его имя. Старший центурион тянул за плечо, пытаясь развернуть на спину, но Тросту казалось, что его придавило всем строем. Он хотел сказать, чтобы бросили, удержали правую сторону. Изо рта вышла кровь.

Ни жара, ни силы, обещанной ночью, не было. Только невозможно вдохнуть. Он разжал руку, потерял меч и попытался опереться ладонью. Земля была мокрой. Пальцы скользнули, не удержав тела.

Последним он увидел край чёрного плаща и серебряного орла, залитого кровью. Потом перестал видеть.

* * *

Когда Трост открыл глаза, перед лицом лежал камень. Он узнал его по белой полосе, хотя не помнил, когда успел рассмотреть. Несколько мгновений не двигался. Ждал, что грудь снова сожмёт боль и придётся бороться за воздух.

Грудь не двигалась.

Он приподнялся на локте. Возле руки лежал сломанный меч, чужая кисть всё ещё сжимала рукоять. Дальше виднелся собственный щит, раздавленный посередине. Трост дотянулся до него и остановился: пальцы слушались, но привычного сопротивления натёртой кожи не чувствовалось.

Кто-то бежал вниз по склону. Трост повернул голову. Имперский солдат смотрел назад и не заметил тела у себя под ногами. Споткнулся, упал, мгновенно вскочил. За ним медленно поднимался человек, которому копьём пробили живот. У раны висела ткань. Человек нащупал древко, обломил мешавшую часть и пошёл вслед за убегавшим.

Трост сел. Кровь из его бока больше не текла, хотя отверстие оставалось открытым. Он коснулся шеи там, где раньше легко находил толчки сердца. Под пальцами было пусто.

Сверху ударил рог. Крик оборвался на середине; затем закричали сразу многие. На дороге всё ещё стоял строй, однако передние пятились. Между ними вставали те, кого только что добили. Один тянулся за упавшим щитом, другой пытался вынуть копьё из собственного плеча. У их глаз проступали красные полосы, будто кровь нашла новый выход через лицо.

Трост вытер щёку. На перчатке осталась такая же полоса. Он смотрел на неё, пока кто-то не схватил его за ворот.

Чёрные волосы, скулы, брови остались прежними. Красный след пересёк щёку под серым глазом; на неподвижном лице он казался чужой отметиной, которую можно было стереть.

— Легат!

Старший центурион стоял на одном колене. Через шею у него проходил разрез; кожа разошлась до края доспеха. Из этой раны живой человек не мог бы говорить. Но голос был узнаваем, только слова выходили грубо, словно горло сильно простудили.

— Ты слышишь меня?

Трост кивнул. Попытался ответить, не сумел с первого раза. Потом произнёс:

— Слышу.

Звук не потребовал того усилия, которого он ждал. Он прикоснулся к собственному горлу, опустил руку и посмотрел за плечо центуриона.

— Знамя?

— Там. Подняли.

Чёрное полотнище снова стояло на склоне. Держал его человек, у которого одна рука висела неподвижно. Другой он прижимал древко к груди, не позволяя ветру вырвать. Вокруг собирались солдаты. Они искали своих, звали, трогали раны, а наверху имперские командиры пытались заставить людей снова выставить копья.

Трост поднялся. Нога, из которой вытекло столько крови, выдержала вес. Перед глазами ненадолго поплыло, потом очертания камней стали резкими. Он нашёл свой меч по тёмной рукояти, отнял его у земли и повернулся к людям.

— К знамени! Все, кто слышит, к знамени!

Внизу остановились двое. Один держал пленного за волосы и уже занёс оружие. Трост пошёл к нему, ещё не понимая, насколько быстро теперь способен двигаться.

— Отпусти!

Тот повернул окровавленное лицо. Красные слёзы дошли до подбородка. Пленный висел на его руке, пытаясь обеими ладонями оттянуть чужие пальцы.

— Он меня добивал.

— Оружие у него есть?

— Он меня добивал!

Трост перехватил поднятую руку. Пленный упал на колени. Солдат смотрел на легата с такой ненавистью, что тот приготовился к удару. За несколько часов они прошли путь, для которого не было привычной команды. Перед боем Трост обещал поднять их и удержать; теперь требовалось ответить человеку, который помнил собственное убийство.

— Я слышал тебя, — сказал он. — Сейчас он без оружия. Оставь. Наверху ещё стоят те, кто будет драться.

Рука не опускалась. Тогда центурион подошёл сбоку и забрал меч. Солдат рванулся, но остановился, узнав его.

— В строй, — произнёс центурион. — Заберёшь, когда вернёшься к своим.

Пленный пополз прочь. Трост не стал его поднимать: тот отшатнулся даже от приближения. Легат повернулся к склону.

— Собирать людей. Не пускать по одному за бегущими.

Теперь приказы отдавались тем, кто уже лежал мёртвым рядом с ним. Трост видел раны, от которых отводил бы взгляд утром, и не мог помочь повязкой ни одному. Но люди узнавали голос, возвращались к знамени и ждали, куда он поведёт их дальше.

* * *

Сверху ещё стреляли. Одна стрела ударила человека возле знамени в скулу. Он отшатнулся, уронил древко, но сосед успел перехватить. Раненый медленно повернул голову, пытаясь понять, что ему мешает. Потом выдернул стрелу и посмотрел на железо, облепленное кровью.

— Щиты поднимай! — крикнул Трост. — Не стойте открыто!

Несколько человек послушались сразу. Другие словно забыли, для чего это нужно. Одного ударило в колено; нога подогнулась, и он остался сидеть, силясь выпрямить её руками. Трост указал на него центуриону.

— Кто не может идти, вниз за камни. Двоих оставить помогать.

Он поднял чужой щит. Ремни оказались тесными; пришлось вытащить руку из перчатки и затянуть заново. Это простое движение помогло сосредоточиться. Сверху стоял противник. У него оставались строй, высота и люди, которые ещё умели бояться за жизнь. Броситься к ним без порядка значило снова потерять легион — уже не надеясь, что всё повторится.

Трост собрал передних ниже места первого столкновения. Он видел, где остались разбитые щиты, где в камнях застряло чужое копьё. Дорога справа по-прежнему давала удобный выход, однако теперь её держали плотнее. Легат приказал начать с середины. Часть солдат отправил вдоль ложбины, не разрешая выходить из кустов, пока противник не подастся навстречу.

— До них дойдёт приказ? — спросил центурион.

— Сам проведёшь. Если не успеешь — жди. Больше не ловим проход, который уже закрыли.

Центурион проверил, у кого осталось целое оружие, и повёл людей вправо. Трост поднял меч. Те, кто смотрел на его руку, двинулись вперёд, передавая движение остальным.

На этот раз подъём не отнял дыхания. Трост почти ждал привычного жжения в груди, считал шаги до места, где утром пришлось остановиться. Доспех давил на плечи, но тело не просило передышки. Это не приносило радости. На каждом шаге он чувствовал открывшуюся в боку рану — тяжёлое чужое отверстие, которое больше не болело и оттого казалось ещё страшнее.

Имперцы кричали, чтобы держали строй. Их передние видели, кто идёт к ним снизу. Некоторые узнавали людей, которых убили собственными руками. Один солдат бросил копьё и начал протискиваться назад. Командир ударил его плашмя по шлему, развернул лицом к склону. Ряд сомкнулся.

Трост не дал своим перейти на бег. Они дошли под щитами, приняли последние стрелы и ударили разом. Противник выдержал. Перед лицом легата блеснул наконечник, вошёл в край его щита и застрял. Трост потянул древко на себя. Человек напротив потерял равновесие; сосед подставил ему плечо, помог остаться на месте. Пришлось рубить по дереву, освобождая щит.

Справа закричали: отряд центуриона поднялся из ложбины. Он вышел дальше, чем прежняя попытка, у края ровной дороги. Имперский командир снова начал разворачивать резерв. На этот раз Трост видел движение и нажал на середину, пока новые щиты ещё не заняли свои места.

— Вперёд! Держать рядом!

Люди двинулись за ним. Один прошёл под копьём так близко, что железо вошло ему под ключицу. Он не

остановился, навалился на древко всем телом и смял чужой ряд. Трост приказал не отделяться, однако солдат уже рубил перед собой, не разбирая, кто пытается сопротивляться, а кто падает под ноги.

За ним устремились другие. Имперский строй разорвался. С левого края ещё держали щиты, с правого побежали на дорогу. Командир кричал, пытаясь развернуть людей вокруг знамени. Трост видел, как его слушают немногие. Остальные протискивались мимо, толкали товарищей, наступали на упавших.

У дороги противник опрокинул тяжёлую повозку, надеясь задержать наступление. Она легла поперёк, придавив одного из Третьего. Колесо продолжало вращаться над его головой. Двое попытались сдвинуть кузов, но сверху посыпались камни из груза. Трост бросился к ним и успел оттащить одного прежде, чем рухнула вся кладь.

Тот, кто остался внизу, больше не двигался. Видна была только рука с зажатой рукоятью. Трост потянулся к ней, но другой камень ударил по щиту. Наверху всё ещё сопротивлялись.

— Слева обойти! — приказал он. — За повозку не лезть!

Люди послушались. Трост отвёл их вдоль края, вынудил оставшихся защитников отступить. Несколько имперцев бросили оружие и прижались к колёсам. Один повторял, что не стрелял, хотя рядом с ним лежал лук. Другой закрывал лицо руками.

Трост поставил перед ними двух своих, велел не подпускать преследующих. За спиной уже убивали тех, кто не успел уйти с дороги. Он послал центуриона возвращать людей, сам пошёл к ближайшей группе.

Солдат, утром спрашивавший о семье, стоял над поверженным. Меч поднимался и опускался. Трост схватил

его за плечо, развернул; тот замахнулся, не узнавая лица. Удар пришёлся в щит. Трост оттолкнул его, заставив отступить от лежащего.

— Он уже мёртв!

— А я? — выкрикнул солдат.

Трост не ответил сразу. Вокруг замедлились другие. Он видел, чего ждут: нового разрешения, которое позволило бы не останавливаться, раз прежняя жизнь закончилась. Им было что вспомнить каждому. Было кого обвинить. Он сам привёл их сюда с той же ненавистью.

— Ты слышишь приказ, — сказал Трост. — Значит, ещё можешь исполнить. Сдающихся не трогать. Уходящих без оружия не преследовать.

— И они вернутся!

— Тогда встретим с оружием. Здесь бой закончен.

Он выждал, пока солдат опустит меч. Потом заставил повторить приказ соседним людям. Тот сделал это хрипло, зло, но сделал. Следующий передал дальше. Не все остановились одновременно. С дальнего края дороги ещё доносились крики, и центурион повёл туда тех, кого сумел собрать.

Трост остался возле убитого. Узнать его лицо уже было трудно. Никакой приказ теперь не мог изменить, что с ним сделали после падения. Легат отвернулся, когда понял, что опять начинает искать объяснение вместо того, чтобы запомнить лицо человека, которого не успел спасти.

* * *

Под вечер к дороге подвели уцелевшие повозки. Обозные остановились далеко. Первым к Тросту пошёл тот, кому утром отдали письмо. Он несколько раз замедлялся, глядя на людей возле знамени, но всё же подошёл.

— Легат?

— Я.

Человек провёл рукой по лицу. Трост понял, что указывает на красные следы у него под глазами. Он вытер щёку, посмотрел на перчатку и убрал руку за спину.

— Наших поднимем с поля. Потом решишь, пойдёшь ли дальше.

— А... живые есть?

Трост оглянулся на строй. Утренние подразделения собирали долго. Люди выходили из ложбины, поднимались между телами, возвращались с дороги, куда бросились вслед за противником. Каждый принёс с собой рану, после которой сердце не могло продолжать биться. Те, кого Трост расставлял утром, либо стояли перед ним изменившимися, либо остались лежать. Он не знал, сколько времени сам провёл внизу. Для державших склон после его падения это время оказалось достаточно долгим.

— Среди наших не нашли, — ответил он. — У противника есть раненые. Им помогите прежде.

Обозный отступил на шаг. Потом кивнул и пошёл к повозкам, стараясь не оборачиваться. Трост не стал звать его обратно.

Человека из-под камней извлекли, разобрав часть груза. Его тело положили у дороги. Оно было изломано так, что даже проснувшаяся в нём сила не могла заставить встать. Рядом оказались другие. Трост велел закрыть лица. Ни средство, ни утренние обещания не дали права считать их потерю временной.

Молодого солдата нашли ниже, возле того самого камня. Он уже сидел и держал руки на горле. Услышав шаги, поднял голову. Красные полосы лежали на щеках тонко, почти ровно.

— Письмо ушло? — спросил он.

Трост сел рядом.

— Человек вернулся с обозом. Ещё здесь.

— Не отдавай обратно. Пусть отвезёт.

— Скажу ему.

Молодой посмотрел вниз, где на раздавленной траве лежали имперские тела.

— Я думал, что не успел выпить как надо. Когда меня… — Он тронул подбородок и остановился. — Ничего ведь не было. Только больно.

— У меня тоже.

— А теперь что?

Трост не нашёл обещания, которым мог бы его утешить. Встал, протянул руку. Молодой принял её и поднялся.

— Теперь соберём остальных. Потом пойдём к городу.

У разбитой повозки нашёлся тот самый котёл, который мастеровой надеялся вернуть. Его принесли, собираясь поставить над огнём, и долго не могли решить, для кого варить. Несколько живых обозных ещё нуждались в еде. Солдаты стояли вокруг, по привычке протягивая руки к теплу; никто не просил порции.

Трост прошёл мимо. Он помнил рассказы отца о Падших, видел следы, которые те оставляли на людях, знал, почему при одном их имени семьи запирали двери. Древние твари плакали чёрным. По лицам его легионеров текло красное. Эта разница не помогла обозному перестать бояться и не вернула молодому солдату дыхание.

Старший центурион догнал его у знамени. Шею он закрыл полосой ткани, хотя кровь не шла. Трост не спросил зачем.

— Людей собрали. Дальние вернулись не все. Пошлём ещё?

— До темноты искать. К дороге по одному не выходить.

— А утром?

Трост посмотрел на столичные башни. Отсюда они были ближе. Между ними поднимался дым, и красный отблеск уже не походил на обычные вечерние огни.

— В Драевиль. Остановить Октавия.

Центурион пошёл передавать. Трост остался возле чёрного полотнища. Утром он пообещал своим людям не оставлять их чужим. Они поднялись и снова признали его командиром. Теперь ему предстояло вести это войско к городу, где жили те, ради кого многие соглашались сражаться.

Глава XXII. Драевиль

Дым добрался до дворца раньше донесения. Он входил через окна тонкими полосами, щипал глаза писцам. Один накрыл приготовленные листы, чтобы на них не оседал пепел. Октавий подошёл к окну и велел позвать человека, который знал этот квартал.

Горели дома у северной стены. Сначала над крышами поднималось одно тёмное облако, затем ниже вспыхнуло второе. Кто-то в комнате сказал, что подожгли предместье, чтобы затруднить подход оркам. Император потребовал показать на карте, где именно отдали такой приказ. Никто не смог.

— Там уже внутри стены, — сказал он. — Вы хоть смотрите, о чём говорите.

Вернувшийся с улицы гонец объяснил: снаряд проломил кровлю, огонь перекинулся на соседние постройки. Защитники стены требовали принести воду к ним; жители тащили её к своим домам. Караул решил, что ведра отнимают у войска, и выставил людей из прохода. Теперь никто не мог пробраться к колодцу.

Октавий стянул с пальца тяжёлый перстень, мешавший надеть перчатку, и бросил его на стол.

— Где старший караула?

— Там, государь.

— Поедем.

Ему начали объяснять, что у стены стреляют, улицу могут перекрыть, а во дворце ждут посланники. Он выслушал до половины и позвал охрану. Красный плащ застегнули уже на лестнице. Обычную корону, которую надел для утреннего приёма, он снял и передал слуге. Никакой пользы у горящих крыш от неё не было.

До квартала ехали медленно. Навстречу двигались телеги с вещами; в узких местах приходилось останавливаться и ждать, пока их прижмут к стене. Люди узнавали императора не сразу. Одни кланялись, другие показывали на дым и кричали, стараясь перекрыть соседей. Октавий не обещал каждому вернуться. Он спрашивал только, где находятся ближайшие люди и есть ли путь дальше.

У колодца стояли вооружённые солдаты. Перед ними собралась толпа с пустыми вёдрами. Копья держали поперёк, не давая подойти. Октавий увидел это издали и спешился прежде, чем караул успел перестроиться для приветствия.

— Кто велел?

Командир начал докладывать о нуждах стены. Император указал на ближайшую крышу. По ней уже полз огонь, забираясь под сухой навес.

Под шлемом командира виднелись короткие тёмные усы; загорелые щёки покрывала пыль.

— Если этот ряд сгорит, что будете защищать со стены? Поставь своих к колодцу. Пусть поднимают воду и передают дальше.

— У нас приказ держать пост.

— Я вижу, как вы его держите. Исполняй.

Копья убрали. Октавий сам схватил ближайшее ведро, поставил возле сруба и потребовал дать ещё верёвку. Первую воду передал человеку из толпы. Тот замешкался, потом побежал к дому. Из ворот двора уже выносили постель, перебрасывали через низкий забор. Охрана пыталась удержать императора возле колодца, но он пошёл вслед.

Внутри кричала женщина. Её не было видно за дымом. Двое стояли у двери, закрывая лица рукавами, и не

решались войти. Октавий снял плащ, сунул одному в руки и спросил, где лестница.

— Слева, государь. Только там… Там полки уже упали.

— Мокрую ткань. Быстро.

Он не успел сделать и шага, когда над двором свистнуло. Камень ударил в дальнюю кровлю, выбил черепицу и застрял среди балок. Осколками осыпало стену. Солдаты пригнулись, кто-то потащил Октавия за плечо. Он вырвался, но остановился: сверху нарастал треск, лестница внутри могла рухнуть в любой момент.

— Через окно! — приказал он. — Дверь оставьте, там завал. Лестницу сюда!

Лестницу стащили с соседского навеса. Октавий удерживал её снизу, пока гвардеец поднимался к окну. Женщина появилась на мгновение, отпрянула от жара, потом протянула наружу ребёнка. Гвардеец прижал его к себе и начал спускаться. Другой полез навстречу, принял малыша на середине.

У гвардейца была тяжёлая челюсть со щетиной; дым уже затемнил открытое лицо.

Верхнюю перекладину обдало искрами. Октавий почувствовал ожог на кисти и сильнее вжал лестницу в землю. Из окна уже вытаскивали женщину. Она цеплялась за раму, не желая отпустить что-то внутри. Гвардеец крикнул ей в лицо, заставил повернуться. Внизу объяснили: у стены оставался её муж. Он успел подать ребёнка, потом упал.

Каштановые волосы женщины рассыпались по плечам; простая одежда почернела по краям от жара.

— Я за ним, — произнёс солдат.

Октавий поднял голову. Крыша прогнулась над окном.

— Вниз! Сейчас вниз!

Тот послушался не сразу. Сделал движение обратно, и в этот миг верхняя балка провалилась. Из окна вырвался дым с искрами. Гвардеец едва успел ухватиться за край лестницы; женщину поймали внизу, повалились вместе на землю.

Октавий оттащил лестницу. Сверху посыпалась горящая черепица. Он ударил по тлеющей ткани на рукаве, поднял женщину за плечи и передал охране. Она кричала, пытаясь вернуться, но дверной проём уже заполнили рухнувшие доски.

Спасённого ребёнка держала соседка. Лицо у него было серым от копоти. Он не плакал, только широко открывал рот и кашлял. Октавий приказал отвести обоих подальше от стены. Затем показал на пустую деревянную пристройку между домами.

Русые волосы ребёнка слиплись над лбом. Соседка была в сбившемся платке; сквозь копоть на её щеках проступали светлые полосы пота.

— Эту разобрать, пока огонь не перешёл. И крышу следующего навеса снять. Там есть люди?

Хозяин загородил дверь. Начал объяснять, что в пристройке его товар. Октавий велел вынести то, что успеют, остальное бросить. Человек отступил, но смотрел на солдат с ненавистью. Император видел этот взгляд и не стал обещать возмещения, которого не мог обеспечить.

У хозяина было обветренное широкое лицо и короткая каштановая борода; на руках вздулись рабочие мозоли.

К тому времени, когда огню преградили дорогу, сгорело несколько домов. Не всех вытащили. Жители стояли возле вынесенных вещей, искали друг друга, ругались с теми, кто пытался занять место под уцелевшим навесом. Октавий оставил часть охраны помогать разбирать опасные стены.

Старшему караула велел явиться после смены, затем вернулся к коню.

Красный плащ был мокрым и пах гарью. Император отдал его нести отдельно. По пути во дворец держал обожжённую кисть раскрытой, чтобы ткань перчатки не прилипла к коже.

* * *

Трост увидел дым с дороги. Люди вокруг больше не кашляли от гари, и это бросалось в глаза сильнее страшных ран. Они шли под тем же знаменем, в повреждённых доспехах, с оружием, собранным после вчерашнего боя. Издали легион ещё можно было принять за обычное войско. Вблизи те, кто встречал его, старались уйти с пути.

Живые обозные остались позади с теми, кто нуждался в их помощи. Несколько согласились довести повозки до безопасного двора у предместья. Другие ушли раньше, забрав свои вещи. Трост не удерживал. Футляр с Кодексом он снял с повозки и закрепил у себя за плечом, пока оставалась опасность потерять обоз совсем. Он больше не рассчитывал, что прежняя служба сама удержит возле него тех, кто ещё дышал.

У первого перекрёстка стояли жители. Они закрыли дорогу двумя телегами, вооружились вилами и короткими топорами. За ними виднелись женщины с детьми. Трост остановил строй прежде, чем передние подошли на расстояние удара.

— Нам к воротам, — сказал он. — Дворов не тронем.

Человек у телеги смотрел ему под глаза. Трост понял, что снова выступили красные следы, и перестал ждать приветствия.

— Здесь жены наших, — произнёс центурион. — Может, кто знает...

— Не надо, — остановил его Трост.

Люди за телегами услышали. Один поднял топор выше, хотя до солдат было далеко. Легат велел повернуть на соседнюю улицу, оставив перекрёсток жителям. Обход занимал время, но силой пройти здесь значило начать вход в столицу с драки против тех, кому он обещал остановить войну.

На следующем повороте их встретили стрелой. Она ударила в камень возле ноги знаменосца. Стрелявший стоял на крыше и сразу натянул лук снова. Трост поднял щит.

— Мы не идём к тебе! Убери оружие!

Тот не ответил. Вторая стрела попала центуриону в плечо. Несколько легионеров бросились к дому. Трост перехватил ближайшего, приказал остальным встать под стеной, где сверху не могли достать. Солдаты ругались. Стрелок исчез за коньком крыши.

— Обойти. Смотреть на окна, — сказал Трост.

— Он в спину выстрелит, — возразил один.

— Тогда прикроешь спину. Мы здесь не за каждым домом пришли.

Центурион вытащил стрелу. Под ней осталось отверстие; движения руки стали короче. Он забрал у соседа ремень и туже закрепил наплечник. Трост видел, что это лишь помогает удерживать повреждённую часть тела, а не исправляет её.

К городской стене вышли через пустой сад. На деревьях оставались сорванные верёвки от сушившегося белья. За оградой теснились люди из разбитых частей. Они добрались до города раньше Третьего, но внутрь их ещё не пускали. Караул на воротах требовал бросать оружие

поодиночке. Отступавшие отвечали, что за ними идут паладины.

Трост остановился у ограды. Слева тянулась дорога, по которой приближались остатки Второго. Дальше, между пылью и дымом, виднелись чужие знаки. Если караул продолжит считать каждого, паладины догонят их под стеной.

Однако вмешаться было уже трудно. Кто-то из отступавших увидел красные лица Третьего и закричал. Толпа у ворот подалась вперёд. Сверху подняли луки.

— Назад от стены! — крикнул Трост своим. — Не показываться им за спинами!

Он отвёл людей в сад, чтобы караул не принял их за часть напирающих. Это не открыло ворот. Но стрелы пока не полетели.

* * *

Во дворце Октавий выслушивал требования сразу нескольких командиров. Один настаивал, что без подкрепления не удержит север. Другой требовал оставить людей на улице, ведущей к складам. Третий только что вернулся от ворот и объяснял, почему не может впустить Второй без проверки.

— К ним примешались чужие. Я видел знаки других легионов.

— Других наших легионов? — спросил Октавий.

— Государь, теперь не всегда понятно, кто из них наш.

Император стоял у стола без плаща. Рука была кое-как перевязана. Лекарь требовал сменить ткань, но Октавий отослал его после первой попытки: снять прилипшее следовало медленно, а за дверью не прекращали стучать.

— Впустить Второй, — сказал он. — Командиров отделить от тех, кто с ними пришёл случайно. Потом разберёмся.

— Если среди них люди Троста...

— Они снаружи погибнут вместе со всеми. От этого у тебя на стене прибавится солдат?

Посланный ушёл, но приказ ещё требовалось донести. Улица к воротам была забита. Северный командир просил отдать ему хотя бы гвардию. Октавий покачал головой.

— Она держит дворец и выходы из него. Здесь будут собирать тех, кто отойдёт.

— До дворца сначала нужно добраться.

— Поэтому и оставляю пути. Возьми людей из внутреннего караула, сколько освободят после смены.

Командир хотел возразить, затем посмотрел на карту. Свободного войска на ней уже не было. Империя ещё располагала солдатами, но они не складывались в одну армию. Одни ждали приказа бывшего легата, другие боялись оставить семью в соседнем квартале, третьи дрались против тех, с кем служили месяц назад.

С северной стороны наступали орки. Их передовые давили к стене, пользуясь тем, что защитникам приходилось перебрасывать людей между воротами. Паладины шли следом за Вторым и не намеревались останавливаться ради спора имперских командиров. Отряды феодальных лордов выбирали подходы, где могли прорваться конные; они пришли вернуть отнятое и взыскать за Рилнморск, а не помогать одному брату против другого. У каждого было достаточно причин продолжать, даже если остальные соглашались ждать.

Октавий слушал и отдавал распоряжения. Некоторые исполнялись: подвозили стрелы, снимали людей с неугрожаемой башни, направляли к воротам тех, кто ещё

признавал власть императора. Другие возвращались к нему в виде вопроса, который он считал уже решённым. Писец успел подготовить несколько одинаковых приказов разным командирам, но печать на них не заставляла людей выйти на одну улицу.

* * *

Санитрас добрался до ворот пешком. Лошадь пришлось оставить на дороге, когда она упала под стрелами. Теперь он шёл возле телеги с ранеными и оттаскивал в сторону тех, кто пытался обогнать её в узком месте. Впереди толпа упиралась в створки. Сзади уже приближались паладины.

— Не давить! — кричал он. — В стороны, щиты наружу! Кто может стоять — сюда!

Знакомых лиц оставалось мало. Второй менялся с каждым походом; на место погибших приходили новые, учились держать оружие, привыкали к голосам командиров. Но возле закрытых ворот все одинаково оглядывались на преследователей. Санитрас заставил ближайших развернуться, поставил между дорогой и телегами. Не хватало длины ряда. Он позвал людей с чужими легионными знаками. Несколько подошли, другие продолжали пробиваться к воротам.

Сверху потребовали назвать командира. Санитрас вышел из-под щитов, поднял голову.

— Я здесь! Сколько раз тебе говорить?

— Письменный приказ есть?

— Вот он идёт за нами! В серебре! Сейчас сам спросишь!

На стене заколебались. Санитрас вернулся к своим прежде, чем получил ответ. Противник уже спускался к дороге. Паладины шли за отступавшими с тех мест, где Второму не удалось удержать оборону, и теперь

намеревались войти следом. Их передние прикрывались щитами; за ними поднимали знаки, видные над дымом.

Санитрас отдал приказ лучникам, у кого ещё оставались стрелы. Несколько тетив щёлкнули почти одновременно. Паладин впереди качнулся, товарищи закрыли его и продолжили идти.

— Держать место! — велел Санитрас. — Не пятиться в телеги!

Они встретили удар возле разбитой ограды. Люди справа от него подались, но сумели выпрямиться. Санитрас увидел круглый шлем напротив и вспомнил другой тесный проход, мрамор под ногами, треснувшую колонну. Здесь не было ни обещания остановиться, ни протянутой руки. Он ударил в нижний край щита, отбил ответный выпад и крикнул тем, кто оказался позади, чтобы поднимали копья выше.

Сзади загрохотали ворота. Один человек закричал, что открывают, и весь ряд едва не развернулся. Санитрас ударил ближайшего по наплечнику.

— По частям! Сперва телеги! Если бросите здесь — вас же задавят!

Приказ Октавия всё-таки дошёл. Караул освобождал проход, вытаскивал раненых с застрявших повозок. Под стеной стало теснее. Санитрас выводил людей попеременно, оставляя прикрытие лицом к паладинам. Последние шаги они прошли спиной, прижимаясь щитами к чужому оружию.

Сверху полетели стрелы. Теперь стреляли защитники стены, заставляя паладинов прикрыться. Санитрас успел втолкнуть внутрь ещё несколько человек. Створка двинулась у него за спиной; пришлось шагнуть в сторону, почти прижаться к камню. Перед самым закрытием в

проход ударило копьё и осталось торчать между досками. Солдаты навалились, переломили древко.

Санитрас стоял во внутренней арке, тяжело дышал. Люди оседали на землю. Один начал смеяться и никак не мог остановиться. Снаружи уже били по створкам.

— От стенки отойти, — сказал Санитрас. — Не садитесь под воротами.

Голос стал тихим. Ему принесли воду, но он передал её раненому и пошёл искать старшего караула. Хотел знать, сколько времени выиграли. Ответить тот не смог.

* * *

Эльфийских посланников Октавий застал в комнате ожидания. Они стояли у окна вместе с собственной охраной. На столе лежали закрытые дорожные сумки; слуга рассказывал, что место для разговора приготовлено, однако пройти во внутренние покои пока нельзя.

— Вы собираетесь уехать? — спросил император.

Посланник повернулся. На его одежде не было пепла, и Октавий неожиданно почувствовал злость именно от этого. Человек мог не покидать дворец, пока квартал горел, и всё равно имел право требовать от него ответа.

Посланник был тонким и высоким, с гладкими щеками и аккуратно убранными светлыми волосами; уши выступали над воротом.

— Нашим людям нужно безопасное место. Мы просили выделить сопровождение.

— Сопровождение сейчас на стенах.

— Тогда придётся защищаться своими силами. Я предпочёл бы не допустить недоразумений с вашими солдатами.

— Не преграждайте им дорогу.

— Это требование стоит передать и вашим командирам.

Октавий подошёл к столу. Обожжённой рукой опираться не стал, положил на край здоровую.

— Вы ещё говорили о посредничестве. Теперь, когда видите дым из окна, условия изменились?

Посланник ответил не сразу. Предложил письменно подтвердить безопасность миссии и право её людей договариваться о проходе с теми, кто займёт соседние улицы. Если император не способен обеспечить путь сам, чужие договорённости хотя бы удержат часть города от дальнейшей резни.

— Договариваться от моего имени? — спросил Октавий.

— От имени Совета. Ваше мы без согласия не используем.

Император усмехнулся. Слова были достаточно почтительны, чтобы не назвать случившееся прямо. Дипломаты уже готовились говорить с теми, кто придёт после него, и требовали признать это законной необходимостью.

— А если на соседней улице окажутся люди Троста?

— Мы постараемся не вступать с ними в столкновение.

— Очень предусмотрительно.

Посланник выдержал его взгляд.

— Государь, ваши собственные люди сегодня договариваются с соседними отрядами, чтобы пропустить носилки. Запрет не возвращает власть над проходом.

Октавий хотел приказать задержать их во дворце. Тогда пришлось бы выделить караул, снять людей с обороны и получить ещё одну силу, которая сочтёт его врагом. Он отступил от стола.

— Вашу охрану не трогать, пока она не мешает защищать город. Письмо получите. Мои распоряжения своими договорённостями не отменяйте.

Он вышел раньше, чем они поблагодарили. На лестнице его догнал гвардеец с донесением: у северного квартала прорвали внешний заслон, к стене подтягивали тяжёлое снаряжение. Защитникам требовались люди. Октавий велел вести его к командующим.

Посланники вернулись в отведённый им двор. По дороге видели имперских солдат, которые спорили на перекрёстке, не давая друг другу пройти. Один отряд требовал исполнить старое распоряжение, другой показывал новое. Эльфийская охрана провела своих между ними и закрыла ворота за собой. Отныне даже этот короткий участок улицы удерживали люди, чья присяга не имела отношения к императору.

* * *

В саду возле стены Трост выслушивал разведчиков. Одни видели открывшиеся ворота и вход Второго, другие добежали до соседнего прохода, где скапливались феодальные отряды. С севера доносились тяжёлые удары. Земля под ногами не дрожала непрерывно; каждый глухой толчок отделялся от следующего паузой, пока осаждавшие готовили новый удар.

Трост велел поставить людей между садом и дорогой, по которой прошёл Второй. Паладины двигались дальше к стене; столкнуться с ними сейчас значило задержаться вне города на неопределённое время. Но и отдать им свой фланг было нельзя.

— По саду не рассыпаться, — сказал он. — Если начнут обходить, встречаем у ограды. К стене без меня не выходить.

К нему привели человека, который сумел выбраться из толпы у ворот. Имперский солдат потерял щит, рассёк

бровь о камень и теперь держал над глазом грязную тряпку. Трост предложил ему передать письмо Октавию.

Тот посмотрел на окружавших его легионеров.

— Если откажусь?

— Пойдёшь куда собирался.

— А если меня с ним задержат?

— Скажешь, что заставили.

Солдат долго молчал. Потом взял лист. Трост написал немного: он идёт к брату, требует прекратить бой между имперскими частями и готов войти один, если это остановит сражение возле дворца. Отказаться от собственного войска он не обещал. Людей уже привели за ним слишком далеко.

Человек спрятал письмо под одежду и ушёл вдоль стены. Трост смотрел, пока тот не исчез за углом. Он не знал, сумеет ли солдат попасть внутрь и захочет ли доставить бумагу, когда останется один. Послать вместо него поднявшегося легионера значило почти наверняка вызвать стрельбу прежде разговора.

На дороге показались всадники. Они двигались между разбитыми повозками, выбирая места, где могли пройти рядом. На щитах были знаки феодальных домов. Один узнал знамя Третьего, развернул коня и крикнул остальным. Несколько сразу подняли оружие.

Трост приказал своим закрыть щиты. Конные остановились у края сада. Вблизи они разглядели лица и попятились, удерживая испуганных лошадей.

— Это они брали Рилнморск! — крикнул один.

Трост сделал шаг вперёд.

— Я был там. Командовал я.

Ему ответили проклятием. Всадник хотел направить коня в проход, но животное шарахнулось от стоявшего под

стеной мертвеца. Легионер выставил копьё. Трост опустил его рукой.

— Дорога к городу свободна. Мы вас не останавливаем.

— Забыл, что оставил у нас?

— Не забыл.

Других слов он не нашёл. Рилнборт умирал у него на руках, но эти люди видели имперские копья и Третье знамя над захваченным городом. Легат не мог потребовать, чтобы они приняли его мятеж за возмещение.

Старший всадник велел остальным держаться вместе. Они прошли дальше, не опуская оружия. Один плюнул через плечо. Трост позволил своим разомкнуть щиты только после того, как конные исчезли за поворотом.

— На нас ещё вернутся, — сказал центурион.

— Возможно. Смотри за дорогой.

К ночи Третий держал небольшой участок предместья между оградой и пустыми домами. Отсюда было видно ворота, но пройти через них ещё не удавалось. Осаждавшие приближались с разных сторон, не спрашивая согласия друг друга. Иногда между ними начинались стычки: спорили за проход, за оставленную повозку, за право вести своих первыми.

Трост стоял возле стены и слушал город. Там били в двери, кричали приказания, звали родных. Он узнавал некоторые звуки: здесь с детства скрипели тяжёлые ставни, дальше находилась улица, по которой его возили к площади. Теперь по ней двигалось войско, которого он не видел.

Во дворце Октавий получил письмо поздно. Доставившего человека уже не было рядом: лист передавали через несколько рук, задерживали у караулов, сверяли почерк. Император прочёл его у лампы. Слова о входе одного показались ему очередным условием,

поставленным братом в тот миг, когда выбирать почти не из чего.

Он всё же велел не стрелять в Троста, если тот явится к дворцу сам. Потом спросил, видели ли его при доставке.

Посланный замялся. Рассказал о крови на лицах, о солдатах, которые поднимались с пробитыми телами. Октавий потребовал повторить, от кого слышал. Тот назвал только следующего передавшего письмо.

Император отпустил его. Лист оставил возле себя, под тяжёлой чашей. За окнами опять вспыхнуло. Октавий поднялся, чтобы узнать, где на этот раз, и, проходя мимо лампы, увидел, что тень от его перевязанной руки дрожит на стене.

Глава XXIII. Каменные слёзы

Первые ворота пали на севере. Из сада Трост не видел, как сломалась створка, но услышал новый крик, прошедший вдоль стены. Караульные наверху бросились к лестнице. На их место поднялись другие, и стрелять стали реже. Через некоторое время над крышами показалось чужое знамя.

Орки входили в Драевиль. Передним приходилось переступать через обломки, вытаскивать оружие из завала; задние напирали, стремясь выйти на широкую улицу. Имперские солдаты ещё держали боковые проходы. Там бой продолжался между домами, где нельзя было использовать численность сразу. Из окон летели камни, на мостовой скользили в разлитой воде, оставшейся после вчерашнего пожара.

Донесение добралось до Октавия, когда он говорил с командиром внутреннего караула. Тот требовал письменного разрешения отвести людей ближе к дворцу. Император велел держать улицу и без разрешения, если мог, а если не мог — уводить тех, кто остался. Записывать этот приказ уже не было времени.

— Северные потеряны, государь.

Октавий повернулся к гонцу.

— Совсем?

— Там их люди. Наши отходят. Я видел со стороны колодца.

Император подошёл к карте, потом остановился, не взяв метку. В комнате все смотрели на его руку. Он понял, что ждут привычного движения: указать новый рубеж, назвать часть, послать туда приказ. На карте эти части ещё стояли. На улицах до них нельзя было добраться.

— Предупредить соседние ворота, — сказал он. — Пусть не останутся между ними и стеной. Кто сможет — к внутренним площадям. Не тяните обозы через узкие проходы.

Гонец ушёл. Командир караула тоже собрался выйти, но Октавий задержал его.

— Людей, которые здесь не нужны, отпусти к семьям. Не заставляй ждать у дверей.

— Слуг?

— И слуг. Всех, кому не давал дела.

В пустеющем дворце шаги стали звучать громче. Октавий слышал, как за стеной торопливо закрывают лари. Кто-то спорил из-за ключа от помещения, которое скоро могли занять чужие солдаты. Император не вмешался. Он вернулся к столу и перечитал письмо Троста.

* * *

У ворот, через которые впустили Второй, оборона продержалась дольше. Санитрас помогал отводить раненых от внутренней арки, когда прибежали с севера. Сначала он решил, что требуют подкрепление, и ответил, что давать уже некого. Потом услышал, что орки внутри.

— Далеко?

Посланный показал направление. Если оно было верным, до улицы за воротами могли добраться раньше, чем Второй успеет отойти.

Санитрас поднялся на лестницу. Сверху увидел подходивших паладинов. Они подтянули тяжёлое бревно, закрывали несущих щитами. Створки уже треснули; при каждом ударе осыпалась пыль с верхнего камня. Держать их после обхода изнутри значило остаться под стеной без выхода.

— Снимать людей по очереди, — приказал он. — Передайте в обе стороны. Не всем сразу.

Командир караула возмутился: приказа открыть ворота не было. Санитрас указал ему на дым за крышами.

— Открывать не буду. Уведу людей, пока их не заперли. Хочешь оставаться — держи своими.

Тот посмотрел вниз. Его солдаты уже слышали разговор. Несколько начали отходить к лестнице. Командир выругался и потребовал хотя бы прикрыть отступление со стены. Санитрас согласился. Они разделили оставшиеся стрелы и стали уводить людей внутрь квартала.

Когда сломался поперечный брус, под аркой уже никого не осталось. Створка повисла на одном креплении, затем рухнула под новым ударом. Паладины ворвались в проход, ожидая щитов, и увидели брошенные повозки. Вторая линия наткнулась на первую. Пришлось проталкиваться через завал, убирать обломки, искать дорогу за воротами.

Трост вывел своих из сада, когда движение к арке стало плотным. Он не мог долго ждать: север уже занимали орки, а остальные проходы могли закрыться под чужими отрядами. Паладины заметили чёрное знамя и повернули к нему щиты.

— Прочь от ворот! — закричал один.

Трост остановил передних. Слева между стеной и заброшенными навесами оставался узкий путь к проломанной створке. Там могли пройти по двое, прикрывшись от ударов сбоку. Он приказал держать строй вдоль камня, не поворачивать на паладинов без команды.

Первое копьё всё-таки полетело. Оно ударило знаменосца в спину и прошло сквозь повреждённый доспех. Тот пошатнулся, но удержал древко. Паладин, стоявший ближе других, поднял меч и шагнул навстречу.

Лицо за шлемом разглядеть было нельзя; по движению Трост понял, что уступать дороги не собираются.

— Щитами закрыть! В проход!

Он встретил удар, отвёл клинок в сторону. Третий прижался к стене и пошёл дальше. Приходилось отбиваться на каждом шаге, не позволяя разрезать узкую колонну. Один солдат остался снаружи, зацепившись щитом за остаток навеса. Центурион вернулся к нему, освободил ремень, втолкнул под арку. Из его собственного плеча, пробитого вчера, уже не получалось поднять руку высоко.

Под воротами Трост повернул к ближайшему переулку. Паладины шли прямо, туда, куда отступил Второй. Часть бросилась за мертвецами, но в узком повороте столкнулась с выставленными щитами. Завязался короткий тесный бой. Трост ударил одного в нагрудник, оттолкнул другого и приказал уходить дальше, оставив прикрытие на углу.

Последних приняли за старой каменной оградой. Третий оказался внутри города. На улице лежали обломки посуды, сброшенная мебель, чужие плащи. Из раскрытого окна смотрел старик. Увидев красные лица, он медленно закрыл ставню обеими руками.

Трост велел проверить, все ли прошли. Знаменосец уже отломил торчавшее за спиной древко копья; вытащить наконечник не смог. Рядом стоял человек без кисти. Он зажал обрубок под мышкой и не просил лекаря.

— До дворца держаться вместе, — сказал Трост. — По дворам не ходить. Кто потеряет своих — к знамени.

Он повернулся к улице, которую помнил с детства, и повёл легион дальше.

* * *

На первом широком перекрёстке стреляли имперцы. Трост услышал знакомые команды прежде, чем увидел людей. Один отряд перегородил улицу перевёрнутыми телегами, другой пытался пройти со стороны складов. Каждый показывал знаки и требовал убрать оружие. Между ними уже лежали двое.

Третьего заметили со стороны телег. Там закричали, что идут мёртвые. Лучники развернулись. Трост успел приказать поднять щиты, но первая стрела досталась солдату из другого имперского отряда: тот выбежал вперёд, пытаясь остановить стрельбу, и упал посреди улицы.

После этого заговорили все сразу. С противоположной стороны ответили стрелами. Щиты одинакового образца поднялись друг против друга. Кто-то бросился за телеги, кто-то побежал через дверной проём, расталкивая жителей.

Трост не стал вводить легион в середину. Улица к площади уходила справа, но её край перекрывал дальний отряд. Он послал центуриона сказать, что им нужен только проход. Тот не успел приблизиться: в щит ударила стрела.

— Отойти! — приказал Трост. — Сломать край телеги. Через него пройдём.

Люди навалились на оставленную повозку, закрываясь от выстрелов. Колесо застряло между камнями. Пришлось рубить оглоблю, оттаскивать кузов в сторону. Пока работали, сверху из окна кто-то вылил воду, надеясь погасить загоревшуюся ткань. Вода попала на щиты. Солдат снизу выругался, затем замолчал, увидев ребёнка у окна.

Проход освободили. Трост провёл людей вдоль стены, выставив щиты наружу. Сзади ещё требовали назвать, кому

они служат. Он назвал себя, но это только усилило крик. Для одних имя старшего принца оставалось основанием повиноваться, для других — причиной стрелять.

На площади было больше места и ещё меньше порядка. От северных улиц тянулись жители. Со стороны ворот появлялись всадники феодальных отрядов, старались развернуть коней между брошенными вещами. Имперская пехота отступала к дворцовой стороне. Трост видел, как людей сдавливают у узкого прохода между домами, и велел своим держаться дальше, чтобы не перекрыть им путь.

Памятник отцу стоял над всей этой суетой. Высокая каменная фигура смотрела туда же, куда много лет назад направили её мастера. Трост помнил день, когда рассматривал её рядом с Октавием, спорил, похож ли каменный подбородок на настоящий. Брат тогда хотел забраться на основание, чтобы увидеть поближе; их сняли оттуда раньше, чем успели добраться до надписи.

Теперь у основания укрывались раненые. Один держал ладонь на выбитой букве, пытаясь подняться. Трост направился к ним. Над площадью пронёсся тяжёлый свист.

— Вниз! — крикнул кто-то.

Снаряд осадной машины ударил в памятник сбоку. Камень треснул у плеча, разлетелся крупными обломками. Голова накренилась вместе с частью груди, несколько мгновений держалась, затем рухнула к основанию. По площади покатилась пыль.

Трост поднял щит над ближайшим человеком. В него ударило так, что рука опустилась. Обломок расколол край, скользнул по доспеху и лёг возле ноги. Раненый под ним кричал, указывая назад: у основания оставался второй.

Центурион уже бежал туда. Трост помог ему поднять человека, придавленного каменной плитой за плащ. Самого тела она почти не задела, но ткань держала так

крепко, что вытащить не получалось. Трост разрезал плащ, подхватил раненого под плечи. Сверху посыпалась мелкая крошка; оставшаяся часть фигуры могла упасть следом.

— От основания! Всех оттуда!

Они унесли людей к краю площади. Один легионер оглянулся на каменную голову, лежавшую лицом вверх, и сделал движение обратно. Трост остановил его.

— Там кто-то есть?

— Нет. Я думал... Это же государь.

— Помоги этому. У него нога застряла.

Солдат повернулся к живому раненому. Трост задержался лишь на мгновение. По щеке разбитой статуи прошла тёмная полоска. Начинался дождь; капли собирали пыль в углублениях, текли от глаз к сколотому подбородку. Отец не мог увидеть, кто теперь пришёл на эту площадь и какими стали его сыновья. Каменное лицо осталось неподвижным, пока на нём проступали мокрые следы.

Трост пошёл вслед за своими. Позади рухнул ещё один обломок.

* * *

Тюремная охрана удерживала вход, пока со стороны северной улицы не показались чужие щиты. Начальник караула послал за подкреплением. Посланный вернулся через несколько минут и сказал, что проход перекрыт. На соседней улице дрались уже три разных отряда; имперцев можно было различить по плащам, но не понять, кому они подчиняются.

Стражники отступили внутрь. Часть пыталась закрыть наружную дверь, другие хватали вещи и пробирались к боковому выходу. Из нижних помещений кричали узники.

Там услышали, что бой приблизился, и били в решётки всем, что находили под рукой.

Паладины пришли не со стороны главного входа. Их привёл человек, знавший дорогу к служебному двору. Он показал низкую дверь, через которую выносили отходы, и отступил, закрывая голову руками. Внутри ещё сопротивлялись. Первый удар пришёлся в створку, второй сорвал крепление; через щель выставили копьё. Паладин отбил его щитом, другой рубанул по древку. Дверь распахнулась.

В коридоре было тесно для длинного оружия. Пришлось идти плечом к плечу, выставляя перед собой щиты. Стражники отступали к лестнице, теряли равновесие на пролитой воде. Один бросил копьё и поднял руки. Его оттеснили к стене, потребовали показать, где держат пленников из Илладиума.

Тот сразу указал вниз. Пытался объяснить, что здесь давно, сам никого не привозил. Паладин схватил его за ворот и повёл впереди. Остальные прикрывали лестницу.

Вельдаро услышал шаги прежде, чем увидел свет. За годы заточения научился различать смену караула по темпу и звону ключей. Теперь шаги были другими. Кто-то спускался быстро, задевал щитом стену; позади кричали, чтобы не закрывали верхний проход.

В решётку ударил свет факела. Круглый шлем поднялся из темноты. Вельдаро держался рукой за стену. Серебро на шлеме потускнело. На исхудавших плечах висела изношенная одежда. Сохранённый шлем был одним из немногих условий, которых когда-то добились для пленников. За пределами святых земель снять его означало ещё одно унижение, и этого им не навязали.

Золотые глаза ещё различались в потемневшей прорези. Прежняя ширина плеч сохранилась лишь в костях: одежда провисала там, где когда-то плотно сходились латы.

— Вельдаро?

Он всмотрелся в стоящего за решёткой. У того на груди был знакомый герб. Несколько мгновений пленник не отвечал. Потом произнёс:

— Остальные рядом. Откройте им.

Стражник перебирал ключи, ронял, пытался поднять одной рукой, потому что другой его держали за ворот. Паладин отпустил его, приказал не торопиться и показал на замок. Дверь поддалась с третьего ключа.

Вельдаро сделал шаг и едва не упал. Его подхватили. Он хотел отстраниться, однако нога не держала. Пришлось позволить человеку встать рядом и перекинуть свою руку ему через плечо.

Двоих других вывели следом. Все трое оставались в шлемах. Один почти не мог разогнуться после низкого помещения; его вели медленно, останавливаясь на каждой ступени. Сверху требовали быстрее. Освободивший их паладин крикнул, чтобы держали выход, и повёл дальше.

У наружной двери Вельдаро остановился. В лицо через прорези шлема ударил влажный воздух. Шёл дождь, пахло дымом. Во дворе лежал имперский стражник, возле него — молодой паладин, получивший копьё при входе. Его товарищ прижимал ткань к ране и повторял молитву слишком быстро.

— Дайте мне щит, — сказал Вельдаро.

— Ты идти едва можешь.

Он посмотрел на раненого. Затем опустил протянутую руку.

— Тогда берите его. Вместе выйдем.

Их провели вдоль стены к людям, удерживавшим соседний двор. Пожизненный приговор остался за открытой решёткой. Сам Вельдаро ещё не мог сказать, куда его поведут после этой улицы. Он видел имперскую столицу в огне, слышал молитвы своих и понимал лишь, что война за стенами тюрьмы всё это время продолжалась.

* * *

Площадь за спиной Третьего быстро заполнялась чужими людьми. Трост не мог оставаться там, пока каждый отряд выберет дорогу. Он повёл своих к дворцу по боковой улице, где ещё сохранялись целые стены и было меньше брошенных повозок.

Дождь усилился. Вода стекала с края шлемов, смывала грязь в щели мостовой. Красные следы на лицах легионеров размывались, затем проступали снова. Один солдат остановился у лужи, пытаясь разглядеть отражение. Товарищ взял его под локоть и повёл дальше. Трост увидел их, но не стал звать по имени через весь строй.

Перед следующим поворотом путь закрывала эльфийская охрана. Её люди выставили щиты у двора, где размещалась миссия, и не позволяли вооружённым отрядам проходить близко к воротам. Несколько имперцев спорили с ними, показывая печать на размокшей бумаге. Эльфы указывали на другую улицу. Пока спорили, за спинами имперцев приближались орки.

Трост велел готовиться к удару с тыла. Центурион развернул задние ряды. Впереди один из эльфов узнал легата, сделал знак остальным опустить оружие лишь настолько, чтобы начать разговор.

У эльфа были узкие скулы и короткие приглаженные волосы; длинные пальцы спокойно удерживали край щита.

— Здесь посольский двор. Входить нельзя.

— Нам не нужен двор. Пройдём вдоль стены.

— На другой стороне.

Трост посмотрел туда. Проход сужали обломки кровли. Провести легион можно было, если замедлиться и не подпускать подходивших сзади.

— Тогда не стреляйте, пока обходим, — сказал он. — И этих пропустите.

Он указал на имперцев. Старший эльф ответил, что им уже предложили дорогу. Имперский командир хотел возразить, но увидел приближавшихся орков и смял бумагу в кулаке.

Третий начал обходить. За спиной ударили в щиты. Трост вернулся к задним, помог удержать угол, пока передние выбирались из завала. Орки пытались прижать их к стене, не зная, кто находится за закрытым двором. Один ударил тяжёлым оружием сверху; щит легионера треснул, рука повисла. Трост встал на его место, отвёл следующий удар и толкнул противника в грудь.

— Назад по шагу! Держать рядом!

Приходилось отходить медленно. Нападавшие мешали друг другу в узком месте, но давления не ослабляли. С эльфийской стороны крикнули предупреждение, затем над щитами пролетели стрелы. Они заставили ближайших орков пригнуться. Трост воспользовался паузой и отвёл своих за угол.

Помощь не означала союза. Эльфы защищали ворота собственной миссии, возле которых начался бой. Когда Третий вышел из-под стены, они снова закрыли проход. Имперский командир с размокшим приказом ушёл вместе со своими по соседней улице. Трост не знал, выполнит ли он хоть часть того, что пытался доказать минуту назад.

До дворца оставалось несколько поворотов. Здесь ещё держалась гвардия. Трост услышал её команды: короткие, раздельные, без крика нескольких начальников сразу. На поперечной улице стоял ровный ряд. Перед ним лежали разбитые щиты нападавших.

Один из Третьего поднял копьё, увидев красные плащи. Трост опустил оружие собственной рукой.

— Стоять. Это дворцовые.

— Они тоже в нас будут.

— Пока не стреляют.

Легат велел отвести знамя назад, оставил центуриону людей. Сам вышел на середину улицы, чтобы гвардейцы видели его целиком. Поднял пустую руку.

С дальнего края ответили приказом остановиться. Трост остановился.

* * *

Октавий больше не посылал людей возвращать утраченные кварталы. Последние два донесения противоречили друг другу: один говорил, что площадь удерживают имперцы, другой — что там уже чужая конница. Оба могли быть правы с разницей в несколько минут.

Император велел передавать все сведения начальнику дворцовой обороны. Тот ещё располагал людьми, которых можно было увидеть с галереи, проверить, сменить на месте. Остальные приказы уходили в город и оставались там вместе с посланцами.

В комнате стало прохладно. Октавий закрыл окно, однако запах гари сохранился. На столе лежала обычная корона. Её принесли обратно после пожара, вытерли и поставили на ткань, как перед приёмом. Рядом оставили перстень, снятый перед поездкой к пожару. Он попробовал

надеть его на перевязанную руку, сразу отказался и положил обратно.

Слуга спросил, приготовить ли одежду для выезда. Октавий некоторое время смотрел на него.

Короткие русые волосы слуги были аккуратно приглажены, но тонкие пальцы мяли край рукава.

— Куда?

Тот не ответил. В комнате был один человек, которого могли спросить о направлении, и он сам только что задал этот вопрос.

— Принеси ларец с запрещёнными регалиями, — сказал император. — Тот, который хранили отдельно. Ключ у хранителя.

Слуга побледнел. Октавий заметил это и повторил приказ медленнее. Не стал объяснять, для чего ему понадобилось то, к чему отец запрещал прикасаться. Пока можно было просто потребовать поставить рядом.

Ларец принесли двое. Один держал за ручки, другой поддерживал дно. Октавий указал место возле низкого стола, велел оставить ключ и выйти. Слуга задержался у двери, ожидая нового поручения, но император отпустил его окончательно.

Только после этого Октавий позволил лекарю сменить повязку. Тот работал осторожно, смачивал прилипшую ткань, извинялся за каждое движение. Император слушал шум за стенами и не отвечал. Когда закончили, попросил оставить чистую ткань и воду. Лекарь хотел остаться, но его тоже отправили к людям снаружи.

Октавий подошёл к ларцу. Не открыл. Положил ключ на крышку и отошёл к окну, из которого виднелась часть внутреннего двора. Там гвардейцы переносили щиты к новому рубежу, двое помогали раненому подняться по ступеням. Один задержался, поправляя упавшее знамя. Ни

один не обернулся к покоям в ожидании, что государь укажет ему, какую руку подставить товарищу.

Слуга вернулся ещё раз. На этот раз передал только короткое известие: у внешнего рубежа появился Трост. Один, перед своим войском. Гвардия разбиралась, как пропустить его дальше.

— Пусть идёт, — сказал Октавий.

Дверь закрылась. Он поправил чистую повязку, подошёл к столу и отодвинул обычную корону, чтобы освободить место для письма брата. Хотел перечитать его, но вместо этого положил ладонь на строку, где было написано, что Трост придёт один.

Глава XXIV. Корона Власти

Гвардеец узнал Троста прежде, чем тот назвал себя. Это было видно по тому, как опустилось копьё, а затем снова поднялось к прежнему положению. Лицо легата, красные следы под глазами и пробитый доспех не позволяли просто отступить в сторону.

— Ближе не подходить, — сказал гвардеец. — Люди остаются за поворотом.

— Они останутся. Я к брату.

— Передали.

Трост ждал. Слева, за стеной ближайшего двора, загремели удары. Часть гвардии развернулась туда, прошла вдоль баррикады. Перед легатом осталось несколько щитов. Их держали люди, которые сражались с утра, однако никто не опускал руку, чтобы удобнее посмотреть на него.

Начальник рубежа вышел из-под арки. Трост помнил его по дворцовым лестницам, где тот встречал приезжавших офицеров. Теперь плащ был порван у плеча, на шлеме сохранилась глубокая вмятина. Он остановился в нескольких шагах и некоторое время рассматривал Троста.

Широкие щёки начальника потемнели от пыли; в коротких усах осталось больше седого, чем тёмного.

— Что с вами произошло?

— То, о чём докладывали. Я всё ещё могу говорить с Октавием.

— Это решит государь.

— Он получил письмо.

Начальник оглянулся на арку. Оттуда уже шёл посланный. Сказал что-то ему на ухо, показал жестом в

сторону внутренних дворов. Трост услышал только своё имя.

— Государь ждёт, — произнёс начальник. — Пройдёте один. Меч останется в ножнах, пока ведёте разговор. Любого из вашего войска мы остановим.

— Сказал, что останутся.

За спиной Троста подошёл старший центурион. Гвардейцы сразу повернули копья. Он остановился, подняв здоровую руку.

— Я только спрошу. Если его задержат?

— Мы получили приказ защищать обоих сыновей Владиславия, — ответил начальник. — Он не отменён. Ваш легат войдёт под нашей охраной, а его люди останутся снаружи. Это всё, что я могу вам обещать.

Центурион посмотрел на Троста. Тот передал ему футляр с Кодексом и повреждённый щит.

— Держите улицу. К гвардии не подходить. Если придётся отойти, оставь человека, чтобы нашёл вас.

— Долго ждать?

Трост посмотрел на дворцовые стены.

— Пока сможешь удерживать людей вместе.

Он прошёл между щитами. Гвардейцы разомкнулись ровно настолько, чтобы пропустить одного. За спиной строй сразу восстановили. Центурион отошёл к своим.

Через первый двор Троста провёл молодой гвардеец. На галерее они разошлись с людьми, которые тащили связку копий к внешним подступам. Дальше приходилось идти под стеной: на середину двора падали обломки карниза, сбитого недавним ударом. Молодой указал безопасный проход и остановился возле следующей арки.

— Здесь прямо. По лестнице, потом направо. В личных покоях.

— Знаю дорогу.

Гвардеец кивнул и побежал обратно. Его позвали с галереи; там снова начинался бой. Трост пошёл дальше один. Миновал пустую приёмную, закрытую дверь большого зала, поднялся по знакомой лестнице. Шум осады стал глухим. Между ним и внешними щитами остались два двора, несколько стен и люди, занятые тем, чтобы эти стены не заняли нападавшие.

Дверь в личные покои была приоткрыта. Трост остановился, положил руку на край и толкнул.

Октавий стоял у стола. На нём была простая красная одежда, потемневшая у манжет; одну кисть закрывала чистая повязка. Рыжие волосы спутались у висков. Корона лежала рядом с бумагами, и без неё брат выглядел моложе, чем на последних приёмах.

Он увидел Троста и не сразу заговорил. Смотрел в лицо, потом ниже, на пробитый бок. Трост закрыл за собой дверь, чтобы убрать сквозняк. За ней остался пустой коридор.

— Значит, не врали, — сказал Октавий.

— О чём?

— О твоих людях. О тебе.

Трост отстегнул мокрый плащ. Повесил на край стула, стараясь не задеть мечом ножку. Серебряный орёл повернулся к окну; вода потекла на пол.

— Что с рукой?

Октавий посмотрел на повязку, будто вопрос оказался неожиданнее всего остального.

— Обжёг. В северном квартале горели дома.

— Сильно?

— Буду жить.

Он произнёс это привычно и сразу замолчал. Трост подошёл к другому краю стола. Между ними оставались письмо, обычная корона и чашка, которой прижали бумаги. У окна стояли два стула. Дальше, у боковой стены,

находились низкий стол и принесённый ларец. Трост заметил его, но сперва не придал значения.

— Ты пришёл меня забрать? — спросил Октавий.

— Пришёл остановить. Если сможем уйти вместе — забрать.

— Куда? К твоему легиону?

— Сначала отсюда.

Октавий отодвинул чашку, поднял письмо.

— Ты требовал прекратить бой между имперскими частями. Кому мне приказать? Тем, кого ты сегодня разбил? Или тем, кто побежал следом за тобой ещё до этого?

— Тем, кто тебя слышит. Гвардии. Людям у дворца. Остальным послать, пока есть кому идти.

— Посылал.

— Тогда скажи, что война с Третьим закончена.

— Потому что Третий дошёл до моей двери?

Трост положил ладони на край стола. На одной не было перчатки; кожа выглядела бледной, почти серой рядом с тёмным деревом.

— Потому что за дверью уже не только мы.

Октавий опустил письмо. Из окна доносился шум, глухие удары, отдельные крики, которые невозможно было разобрать. Он слушал их несколько мгновений.

— Ты думаешь, я не знаю, кто в городе?

— Знаешь. И всё ещё говоришь со мной так, будто у нас впереди один приказ и всё можно вернуть.

— А как ты хочешь? Сесть рядом, подождать, пока они войдут сюда? Я вчера вытаскивал женщину из горящего дома. Её муж остался внутри. Она орала на моих людей так, будто это они подожгли крышу. Я не стал объяснять, чьим камнем её проломили. Нам надо было удержать лестницу.

Трост посмотрел на повязку. Октавий убрал руку со стола.

— Я знаю, что там люди, — продолжил он. — Не только ты.

— Тогда помоги тем, до кого ещё можешь дотянуться.

— И ты станешь решать, до кого?

— Я не прошу твою корону.

Октавий резко обернулся к лежавшему на столе обручу.

— Теперь-то зачем? Посмотри вокруг. Забрать можно было тогда, когда ещё было что брать.

* * *

Трост отодвинул стул и сел. Раньше он бы остался стоять перед императором, дожидаясь конца разговора. Сейчас ему требовалось, чтобы брат перестал ждать нападения от каждого движения.

Октавий не сел. Прошёл к окну, остановился боком, чтобы видеть и город, и Троста.

— Ты сам отказался, — сказал он. — Я помню каждое слово. Не хотел, чтобы из-за нас дрались те, кто пришёл проводить отца. Я поверил тебе. Принял, что будешь рядом.

— Я и был.

— Пока соглашался.

— Пока мог выполнять то, что ты приказывал.

Октавий усмехнулся, но без прежнего раздражённого смеха.

— Рилнморск ты взял. Иллу держал. В Дуократии служил. Мы не проснулись однажды утром с этим городом в огне. Ты шёл со мной всё время.

— Знаю.

— Тогда не говори, будто явился с другой стороны, где никого не убивали.

Трост поднял глаза.

— Я не с другой стороны. Поэтому и пришёл сам.

Брат помолчал. Впервые с начала разговора у него не нашлось немедленного ответа. Он отошёл от окна, сел напротив, положив здоровую руку на колено. Между ними по-прежнему лежала корона, но теперь оба смотрели поверх неё.

— На Илле я послал людей, — сказал Трост. — Считал, что удержим. Потом не успел вытащить Фавия. Мне до сих пор рассказывают, сколько других я спас, как будто надо только правильно посчитать и станет легче.

— Я не приказывал оставить его.

— Не приказывал. Это сделал я. А потом мы оба продолжили. Ты требовал держать войну, я искал, как выполнить и потерять поменьше. Нашёл много способов. Посмотри, чем кончилось.

Октавий смотрел на отверстие в его доспехе. Трост заметил и провёл пальцами по краю.

— Это случилось перед тем, как подошли к городу. Я умер там, Октавий. Помню, как не мог вдохнуть. Они рядом умирали. Средство не сделало это легче.

— Кто тебе его дал?

— Незнакомец. Пришёл ночью.

— И ты дал его легиону?

— Да.

Октавий откинулся на спинку стула. Несколько мгновений просто смотрел на брата. Потом произнёс:

— Ты бы за такое меня проклял.

— Возможно.

— Возможно?

— Проклял бы. Я знал слишком мало, чтобы обещать им возвращение. Всё равно предложил. Думал о следующем бое больше, чем о том, куда они пойдут после.

Октавий провёл ладонью по лицу. Братья сидели в той же комнате, где когда-то ждали, пока отец вернётся с приёма, но теперь даже привычное движение руки могло напомнить, что один из них больше не чувствует усталости.

— Они пошли за тобой, — сказал младший.

— Потому я за них и отвечаю. Не тот ночной гость.

Трост заметил, как Октавий дёрнул перевязанной кистью: ткань, должно быть, снова прилипла. Он пододвинул оставленную лекарем воду. Брат посмотрел на чашу, но не взял.

— В детстве ты тоже знал, как лучше, — произнёс он. — Даже у фонтана. Я хотел лезть на край, ты хватал меня за одежду. Потом приходил отец и ругал обоих.

— Потому что ты тащил меня за собой.

— А ты не отпускал.

Трост вспомнил мокрый камень под подошвами, пальцы на красном рукаве, смех Октавия, когда вода попала в лицо. Воспоминание оказалось простым и мучительно ясным. Он не мог найти в нём начала будущей вражды. Два мальчика хотели посмотреть, как далеко долетает струя, и боялись, что их уведут раньше.

— Не отпускал, — повторил он.

Октавий наклонился к воде, смочил край повязки. Морщился, стараясь не показывать, насколько больно.

— Теперь тоже схватишь за рукав и выведешь?

— Если позволишь.

— А после? Ты ведь не можешь оставить меня рядом со своими. Они видели красные знамёна напротив. Думаешь, им хватит твоего приказа?

Трост не ответил сразу. Он уже видел, как солдат поднимает меч над безоружным, помня, кто его добивал. Брат спрашивал о настоящей опасности.

— Придётся держать, — сказал он. — Я буду рядом.

— Очень надёжно. Император под охраной мятежного легата. Люди, которые погибли по моему приказу, решают, можно ли мне пройти к воде.

— Ты хочешь остаться и ждать других? Паладинов? Лордов из Рилнморска?

При этом имени Октавий отвернулся. Трост дал ему время, потом продолжил:

— Рилн держал меня, когда я ещё ходить не умел. Помнишь, как отец рассказывал? Я это вспомнил там, возле него. А вокруг стояли мои люди. С нашими копьями.

— Я не велел убивать его.

— Ты велел взять город. Я повёл штурм. Его убило имперское копьё, не случайный камень с неба.

Октавий встал так резко, что стул ударился о стену.

— Хватит. Я знаю, что ты держал его на руках. Слышал от всех, кому хотелось сказать, как благородно ты остановил бой. Город уже был взят, Трост! Ты мог приказать милость потому, что мы победили!

Трост тоже поднялся.

— Он умирал. Я не мог приказать ему подождать, пока мы закончим победу.

Октавий отвернулся к окну. Трост увидел, как напряглась его шея. В комнате стало тихо; шум города доходил снаружи, не прерывая паузу.

— Я любил его, — сказал Октавий.

— Знаю.

— Ты так отвечаешь, будто меня прощаешь.

— Нет. Я тоже его любил. Это не помешало мне привести войско.

Октавий не обернулся. Трост опустил руку со спинки стула, к которой незаметно потянулся, и остался стоять.

* * *

Отец оставил им сильную Империю. Октавий повторил это почти беззвучно, глядя в окно. Потом повернулся к брату.

— Чтобы нам не пришлось бояться, — сказал он. — Я помню. Ты думаешь, я забыл?

— Я думаю, ты всё время боялся её потерять.

— Потому что потерять было легко! Договоры, которые держались на его имени. Люди, которые соглашались, пока перед ними стоял Владиславий. Потом приходил я, и каждый хотел проверить, что теперь можно взять. Ты слышал их. Сам ездил.

— Слышал.

— Сенат говорил: уступи здесь, подожди там, не требуй, не дави. А если бы дорогу закрыли? Если бы Второй не прошёл? Ты бы первым приехал спрашивать, почему я оставил солдат без помощи.

Трост посмотрел на письмо, лежавшее между другими бумагами.

— Я спрашивал. И продолжал служить. Но когда они перестали соглашаться с тобой, ты послал солдат искать, кто пустил их в дом.

— Они отнимали у меня возможность действовать.

— Они возражали. Ты хотел, чтобы я арестовывал людей за это. Я отказался, и ты прислал армию.

— Ты вывел легион из подчинения посреди войны!

— Да. Я знал, что придётся отвечать за тех, кто останется. И всё равно сделал. Ты можешь сказать то же о своём приказе? Без Сената, без эльфов, без моего имени?

Октавий сжал перевязанную руку. Боль заставила его сразу разжать пальцы. Он посмотрел на них почти удивлённо, потом ответил:

— Могу. Я послал войско против тебя. Хотел вернуть Третий и тебя сюда. Живым, если тебе ещё важно.

— Важно.

— Видишь, как получилось.

Они стояли по разные стороны стола. Октавий был бледен, устал, по-прежнему нуждался в воде, сне, лекаре. Трост видел перед собой брата, который принимал решения год за годом, слышал возражения и продолжал. Ни одна сила ещё не направляла его руку вместо него.

— Это можно закончить, — сказал Трост.

— Нет. То, что произошло, закончить уже нельзя. Можно только решить, кому оставить то, что осталось.

— Тогда оставь людям. Пускай соберут сами, где уцелеют. Не надо удерживать всё одной волей, если для этого придётся добить их.

Октавий посмотрел на лежавшую корону.

— А ты? Ты сядешь рядом, пока они собирают? Откажешься ещё раз, чтобы потом явиться и сказать, что я сделал неправильно?

Трост снял с пояса застёжку плаща, которую убрал туда при входе, и положил возле мокрой ткани. Ему нужно было занять руки, чтобы не схватить брата и не потащить силой к двери. Это решило бы лишь расстояние до коридора.

— Я уйду с теми, кого привёл, — ответил он. — Если смогу — уведу и тебя. Престола у меня не будет.

— Зато у тебя есть войско, которое не умирает.

— Умирает. Камнями придавило человека — не поднялся. Руки ломаются, тела остаются лежать. Я не знаю, сколько они выдержат. Не называй это тем, чего нет.

Октавий слушал, но взгляд его уже ушёл к боковой стене. Трост заметил ключ на крышке ларца. Узнал тяжёлые крепления, тёмное дерево, отдельный замок. Такие вещи не носили в жилые комнаты без причины.

— Зачем это здесь?

Брат не ответил. Обошёл стол, взял ключ здоровой рукой.

— Октавий.

— Ты пришёл с силой, которой прежде не было. Теперь говоришь мне, как поступить с последним, что осталось у меня.

Трост двинулся к нему, но остановился у угла стола. Октавий держал ключ над замком и смотрел прямо в лицо.

— Не подходи.

— Отец запретил.

— Отец запретил бы и то, что ты сделал со своим легионом.

Трост не нашёл возражения, которое позволило бы отнять у брата право на этот упрёк. Он сделал ещё шаг.

— Я знаю, чем ошибся. Ты пока можешь оставить ларец закрытым.

Ключ повернулся. Октавий поднял крышку. Внутри лежала Корона Власти.

Она не походила на лежавшую среди бумаг корону, с которой Октавия признавали императором. Та принадлежала обычным церемониям: её снимали после приёма, передавали слугам, клали на ткань. Эту годами держали отдельно, и запрет оставался в силе даже тогда, когда менялись люди, охранявшие регалии.

Октавий взял её здоровой рукой. Перевязанной придержал снизу, поморщился и всё же поднял. Трост обогнул угол стола.

— Положи.

— Отойди.

— Ты слышал меня. Это не возвращает прежнего.

— Прежнего уже нет.

Октавий отступил за низкий стол. Трост оказался перед ним, по другую сторону. Нужно было сделать всего два шага. Он протянул руку, собираясь опрокинуть стол и отнять Корону, но брат поднял её к голове раньше.

— Не надо!

Металл коснулся рыжих волос.

Первое движение было почти незаметным. Октавий вздрогнул, словно обжёгся второй раз, и попытался отвести руку. Трост успел перескочить через низкий край стола, когда брат вскрикнул. Корона уже врезалась в кожу. Между металлом и виском проступила кровь; Октавий рванул обруч вверх, но тот не поднялся.

— Не тяни! — Трост схватил его за запястья.

Брат смотрел на него широко раскрытыми глазами. Рот был открыт; казалось, он хочет позвать, но не может заставить голос выйти. Трост подхватил его, когда колени подогнулись, прижал спиной к стене. Одной рукой удерживал плечо, другой попробовал подвести пальцы под металл.

Край Короны был вровень с разрезанной кожей. Трост осторожно потянул. Октавий дёрнулся, и кровь потекла сильнее. Обруч не сдвинулся. Легат отпустил, боясь разорвать голову брата вместе с ним.

Первым человеком, надевшим Корону Власти, стал тот, кто надеялся ещё удержать собственное решение. Теперь пальцы Октавия скребли металл, не находя опоры. На шее выступили жилы, лицо побледнело так быстро, что Трост видел перемену при каждом движении.

— Смотри на меня, — сказал он. — Октавий, слышишь? Смотри.

Брат повернул голову. Их лица оказались близко. Вишнёвый оттенок глаз ещё сохранялся, но взгляд перестал задерживаться там, где узнавал человека. Октавий смотрел сквозь лицо Троста, затем ниже, на руку, удерживавшую плечо.

Он ударил.

Трост не ждал силы, с которой его оттолкнули. Спина встретила край стола, посуда разбилась о пол. Легат упал на одно колено, успел выставить руку. Октавий уже выпрямлялся у стены. Кровь текла по лбу, окрашивала волосы, попадала на красный ворот.

— Октавий!

Тот повернулся к большому столу. Там, возле бумаг, лежал его меч. Он взял рукоять, выдернул клинок из ножен; обычная корона соскользнула с ткани, покатилась к краю и упала под стул.

Трост поднялся. Руку на свой меч ещё не положил.

— Это я. Ты видишь меня?

Октавий шагнул вперёд. Губы двигались, однако вместо ответа вышел короткий сиплый звук. Он поднял клинок выше плеча. Трост отступил, и удар расколол край низкого стола.

— Стой!

Второй удар пришёл сбоку. Трост едва успел выхватить меч и встретить его. Железо заскрежетало. Октавий навалился всем телом, вынуждая податься назад. Трост видел его перевязанную кисть на рукояти: ткань лопнула, рана раскрылась, но брат больше не берег руку.

Пришлось упереться ногой в ножку стола. Трост повернул клинок, сбросил чужое оружие в сторону и попытался перехватить запястье. Октавий ударил его плечом, затем коленом в пробитый бок. Прежней боли не

было. Вместо неё тело согнулось так, что левая нога ненадолго перестала слушаться.

Трост оттолкнул его. Между ними снова оказался стол. Октавий не обошёл: ударил по краю, сдвинул тяжёлую столешницу вместе с ларцом. Ключи и обломки посуды рассыпались по полу.

Из города донёсся грохот. Где-то далеко закричали, затем шум снова стал ровным. Гвардейцы удерживали внешние галереи и не могли различить здесь ни упавшего стола, ни голоса, которым Трост всё ещё звал брата.

Октавий ударил вновь. Легат отступил к окну. За спиной оставались два стула, дальше — подоконник. Если прижмут туда, придётся принимать клинок телом. Трост пнул ближайший стул вперёд. Октавий споткнулся о ножку, но не упал. Разрубил перекладину, наступил на обломок и продолжил идти.

Трост перешёл в сторону. Отбил удар, следующий принял ближе к гарде. В руке раздался хруст, меч едва не выскользнул. Он стиснул рукоять крепче, проверяя, сохранились ли движения пальцев. Октавий не дал опустить взгляд: клинок пошёл снизу к лицу.

Легат отклонился. Железо задело щёку, оставив открытый разрез. Красные слёзы смешались с выступившей кровью, залили глаз. Трост почти ослеп на одну сторону. Отшатнулся, упёрся плечом в стену, почувствовал удар по нагруднику. Клинок скользнул по железу и вошёл у края, неглубоко, но достаточно, чтобы удержать его возле стены.

Октавий подался вперёд, пытаясь продавить дальше. Лица снова оказались близко. Трост увидел, как под металлом на лбу дрогнула кожа, и окончательно понял: отнять Корону одним движением не получится. Брат уже не мог приказать своим рукам остановиться.

Трост схватил чужой клинок ладонью у самого нагрудника. Железо разрезало пальцы, но он удержал. Свой меч отвёл вниз и ударил плашмя по запястью Октавия. Раз, второй. Хватка ослабла. Легат повернулся всем телом, вывернул оружие и отбросил его к окну.

Брат не отступил. Вцепился обеими руками в ворот его доспеха, ударил спиной о стену. Каменная крошка упала с края старой штукатурки. Трост подставил предплечье, не давая прижать горло. Давление росло. Ему не нужен был воздух, но голова и шея оставались частью тела, которое можно сломать.

Он попытался назвать имя ещё раз. Октавий дёрнул его в сторону, и звук оборвался. Легат увидел обычную корону под стулом, письмо на полу, красную повязку на руке брата. Всё это оставалось рядом, как будто разговор можно было продолжить, если лишь освободиться.

Трост упёрся коленом в бедро Октавия и оттолкнул. Тот сделал шаг назад. Этого хватило, чтобы поднять меч между ними.

— Не подходи, — произнёс Трост.

Он услышал собственные слова и понял, что только что повторил просьбу брата у ларца. Октавий не остановился.

Трост ударил в грудь.

Клинок прошёл через красную ткань. Брат навалился на него, продолжая тянуться руками. Легат удержал рукоять, отступил на шаг и опустил острие, не позволяя приблизиться. Октавий замер. Его пальцы ещё двигались возле плеча Троста, затем разжались.

Трост подхватил его прежде, чем тот упал. Меч пришлось выпустить. Он опустился на колени, удерживая голову так, чтобы Корона не ударилась о камень. Октавий смотрел в сторону окна. Глаза оставались открытыми, но больше не следовали за движением.

— Брат.

Ответа не было.

Трост осторожно вынул клинок, положил его в сторону. Красная одежда потемнела вокруг раны. Он приложил ладонь, как делал для живых, и не почувствовал того, на что всё ещё надеялся. Потом вспомнил собственную неподвижную грудь на склоне и убрал руку. Теперь он не мог честно сказать даже себе, что знает, где проходит последняя граница.

Октавий лежал неподвижно. Металл на его голове не ослаб. Когда Трост снова коснулся края, кожа у виска потянулась вместе с ним. Легат сразу остановился.

Он поднялся за тканью, оставленной лекарем. Смочил её, вытер кровь с лица брата. На щеке остался след от детского шрама — небольшой, прежде почти незаметный рядом с рыжими волосами. Трост провёл тканью ещё раз, затем убрал её. Ни повязка, ни вода не могли вернуть разговор к тому месту, где Октавий ещё отвечал.

* * *

Трост долго не выходил. Сначала проверил, не мешает ли ране оставшаяся ткань. Затем поднял перевёрнутый стул и снял с него свой мокрый плащ. Расстелил на полу, переложил брата, расправил сбившуюся под плечом ткань. Все эти действия были знакомы по полям сражений. Они помогали двигаться, пока смотреть на лицо становилось невозможно.

Его собственный меч лежал рядом с ларцом. Трост вытер клинок краем ткани и вернул в ножны. На левой ладони остались глубокие разрезы. Пальцы сгибались плохо, но ещё удерживали вес.

Обычную корону он увидел под стулом. Достал, поставил на стол. Рядом поднял письмо, которое принёс ему живой солдат. Чернила размазались там, где на них попала вода. Трост не стал перечитывать. Прижал лист чашей, как он лежал при входе.

К запретной Короне больше не прикасался. Она оставалась на голове Октавия. Снять её, не разрушая то, что он пытался унести, Трост не мог.

Он взял брата на руки. Одной поддержал под плечами, другой под коленями. Октавий оказался тяжелее, чем в детских воспоминаниях, где старший вытаскивал его из воды или помогал подняться после падения. Теперь голова ложилась неудобно из-за металла. Пришлось повернуть её к своему плечу и закрепить край плаща, чтобы не ударить о дверной косяк.

Трост толкнул дверь ногой. Коридор был пуст. Из дальнего двора доносились команды; там гвардия всё ещё удерживала подходы. Он пошёл к лестнице той же дорогой, которой вошёл. На ступенях замедлился, проверяя каждую опору. Если повреждённая нога откажет, упадут оба.

Молодой гвардеец увидел его у арки и побежал навстречу. Остановился, разглядев Корону и неподвижное лицо императора.

— Государь…

— Помоги пройти, — сказал Трост. — Не за голову. Там держать нельзя.

Гвардеец придержал плащ, пока легат проходил под низким краем арки. Спросить успел только о лекаре. Трост ответил, что если есть тот, кто понимает случившееся, пусть приходит. Молодой посмотрел на металлические края, врезавшиеся в кожу, и ничего больше не сказал.

На внешнем рубеже начальник приказал разомкнуть строй. Теперь ему пришлось смотреть на обоих сыновей

Владиславия сразу. Один стоял перед ним, не дыша, другой лежал у него на руках с запретной регалией на голове.

— Вы говорили, что придёте разговаривать, — произнёс гвардеец.

— Мы говорили. Потом он надел её.

Начальник смотрел на Корону. Трост не стал рассказывать о каждом ударе возле окна. За стеной опять собирались наступать, и гвардейцу нужно было принять решение прежде, чем начнут теснить с другой стороны.

— Куда понесёте?

— К моим людям. Отсюда надо уходить.

— Дворец ещё держится.

— Держится. Людей сохрани, сколько сможешь.

Начальник выпрямился. Ждал ещё чего-то, возможно приказа от старшего сына, оставшегося на ногах. Трост не дал его. Октавий лежал между ними, а за внешними щитами стоял легион, который не мог сделать Троста императором без новой войны со всеми остальными.

Из-за поворота вышел центурион. Увидел ношу, ускорил шаг. Гвардейцы удержали копья, пока начальник не разрешил приблизиться одному. Центурион подставил руку под край плаща.

— Понесём на щитах, — сказал он.

— Дальше. Здесь я сам.

Трост прошёл между гвардейцами. За его спиной снова сомкнулся рубеж. Никто не возгласил нового имени. Увидев неподвижного Октавия, солдаты Третьего замолчали; потом один снял щит с руки и положил на землю, готовя место.

Трост опустил брата перед своим знаменем.

Глава XXV. За последним знаменем

Щитов понадобилось два. Их связали ремнями, подложили под плащ, проверили, не расходятся ли края под весом. Трост помогал сам. Порезанные пальцы скользили по мокрой коже; центурион несколько раз пытался забрать ремень, но легат отдавал только после того, как затягивал узел.

Октавий не двигался. Металл на его голове мешал уложить плащ ровно. Под затылок положили сложенную ткань, оставив лицо открытым. Один солдат стоял рядом и смотрел на него так пристально, что Трост остановился.

— Что?

— Это из-за него мы там легли.

Другие услышали. Центурион повернулся, но легат показал ему продолжать.

— Он послал войско, — сказал Трост. — Я повёл вас навстречу. Потом дал средство. Всё помнишь?

— Помню, кто нас добивал.

— Его ты уже не достанешь через это тело.

Солдат перевёл взгляд на закрытую грудь Октавия. Там проступило тёмное пятно. Трост видел, что одного ответа не хватит, однако позади снова загремели щиты: нападавшие пробовали подойти к дворцовому рубежу с другой улицы.

— Императора понесём со мной. Кто не хочет идти дальше, скажет сейчас. Оружие оставлю вам. Места среди живых обещать не могу.

Никто не вышел сразу. Солдат, задавший вопрос, отступил к стене. Потом поднял свой щит, проверил край и встал к задним. Трост не принял это за прощение.

Достаточно было, что человек услышал приказ и пока соглашался идти.

Центурион вернул футляр с Кодексом. Трост закрепил его на перевязи, поправил меч. Октавия подняли четверо. Сначала несли неровно: один держал выше остальных, другой не мог полностью разогнуть повреждённую руку. Пришлось поменять места. Трост шёл возле головы брата и поддерживал край, когда носилки наклонялись.

От дворца они уходили боковой улицей. Главная площадь была занята чужими силами; пробиваться через неё значило снова начинать бой за каждый шаг. Гвардия ещё держала внешний рубеж. Трост видел её последнее красное полотнище между крышами, пока поворот не закрыл его.

Никто не предложил ему вернуться в тронный зал. К тем, кто мог бы потребовать нового государя, он не пошёл. Обычная корона оставалась на столе, среди мокрых бумаг; запрещённая уходила вместе с неподвижным Октавием. Дворец всё ещё защищали люди, но из него больше не исходило распоряжение, которому подчинился бы весь город.

На тесной улице их остановила перевёрнутая телега. Обходить было некуда: слева горел дом, справа двор заперли изнутри. Трост приказал снять груз и поставить телегу на колёса. Работа заняла немного времени, однако сзади уже донеслись голоса преследовавших.

Центурион повёл задних удерживать поворот. Они встали щитами наружу. Трост остался у носилок. Он не мог одновременно рубиться впереди, освобождать путь и нести брата; пришлось поручить людям то, что прежде пытался делать сам. Колёса скрипнули, телегу оттащили к стене. Носилки прошли первыми, за ними остальные.

Прикрытие вернулось не всё. Одного принесли: он ещё двигал головой, но не мог опереться ни на руки, ни на ноги. Ещё одного пришлось оставить за поворотом: его придавили рухнувшие доски, а огонь уже перебросился поперёк прохода. Трост выслушал центуриона, затем велел не возвращаться туда по одному. Слова прозвучали так же, как прежде у Иллы и на дороге к столице. Новое тело не избавило командира от этого выбора.

Из города вышли через повреждённый проход у северной стороны. Орки уже двигались глубже к площадям; между стеной и предместьем оставались отдельные отряды, занятые обозами и добычей. Третьему пришлось отбиваться у последней ограды, однако большого строя против них здесь не было. Под вечер город оказался за спиной.

Трост остановил людей только там, где дорога расходилась. К столице всё ещё шли вооружённые группы. Увидев легион, они сворачивали с пути либо выставляли щиты и ждали. Встречного боя Трост не начинал. Ему больше не требовалось войти первым ни в одни ворота.

Октавия положили под остатком навеса. Дождь стучал по доскам, капал на край плаща. Трост подвинул носилки так, чтобы вода не попадала на лицо, и сел рядом.

Центурион некоторое время стоял поодаль. Затем подошёл, коснулся здоровой рукой стенки навеса.

— Куда ведёшь?

— На север.

— Там не только дорога. Дальше Серые земли.

— Знаю.

— Что там найдём?

Трост посмотрел на людей. Они стояли под дождём, собирали сломанное оружие, придерживали друг друга за плечо. Живой отряд попросил бы еды и сухого места для

сна. Этот ждал другого: чтобы командир назвал направление, в котором их ещё не будут гнать от каждого дома.

— Не знаю, — сказал Трост. — Здесь нас встретят копьями. И его не оставят, если узнают. Мы уведём тех, кто может идти.

— А кто не может?

— Пока можем — понесём.

Центурион осмотрел самодельные носилки. Потом отошёл распределять людей. Больше о цели не спрашивал.

* * *

В Драевиле дождь не погасил всего огня. Под рухнувшими крышами тлели балки, над развалинами поднимался пар. На следующий день люди возвращались к домам группами, прежде отправив одного посмотреть, кто держит улицу. Иногда приходилось ждать ещё. Иногда хозяева узнавали, что внутрь уже въехали другие.

Женщина, которую вытащили у северной стены, пришла к своему двору с соседкой. Ребёнка оставили с теми, кто не выходил на улицу. У стены лежала лестница с обгоревшими перекладинами. Дверь находилась под завалом; разобрать его сразу они не могли.

К ним подошёл солдат без знака на плаще. Попросил помочь передвинуть балку, потом позвал ещё двоих. Женщина показала, где муж оставался в последний раз. Никто не говорил ей, что обязательно найдут живым. Когда вытащили тело, соседка увела её к уцелевшей стене, а мужчины принесли ткань.

Коротко остриженные волосы солдата посерели от пыли; на загорелом подбородке темнела щетина.

На другой улице торговец прибивал дверь к сорванным петлям. Проходивший мимо человек предложил купить гвозди. Торговец сначала выругался, потом спросил цену. Спорили долго, пока не договорились обменять на часть уцелевшего товара. Имперского писца, который мог бы записать договор, рядом не было. Оба нашли свидетеля среди тех, кто разбирал соседний дом.

У торговца были широкие кисти и обветренные щёки; предлагавший гвозди был узколицым, с короткими русыми волосами.

Разбитую статую Владиславия не подняли. Слишком тяжёлыми были обломки, слишком многие люди лежали под другими камнями. Возле основания убрали мелкую крошку, освободили проход. Лицо прежнего императора лежало под открытым небом. Дети сперва боялись подходить, затем один присел рядом и вытащил из-под камня застрявшую тряпичную куклу.

За пределами столицы власть собирали те, у кого оставались люди и пища. Где-то ещё читали приказы с прежней печатью; где-то требовали другую, вырезанную наспех. Дорога могла быть открыта утром и закрыта к вечеру, если приходил новый отряд. Империя, которую братья приняли после отца, больше не могла ответить за весь путь от одних ворот до других.

Но по дорогам всё-таки шли. Несли письма, вели уцелевших лошадей, искали тех, кто не вернулся. Среди этих людей был обозный с письмом молодого легионера. Он не знал, найдёт ли адресата, и не обещал себе, что пройдёт всю дорогу. Пока бумага оставалась сухой, можно было не выбрасывать её вместе с остальным лишним грузом.

* * *

В Толленград известие о падении столицы привезли вместе с рассказами, которые противоречили друг другу. Одни видели Троста возле дворца, другие утверждали, что он давно погиб. Говорили о чёрном знамени, о красных слезах, о теле, вынесенном из покоев императора. Никто из приехавших не говорил с легатом после того, как он покинул город.

Тринити принимала их по очереди. Спрашивала, где стоял рассказчик, кого видел сам, сколько времени прошло до отъезда. Некоторые раздражались: хотели продать новости целиком, не разбирая на то, что слышали и что придумали по дороге. Она отпускала таких раньше остальных.

Когда последний вышел, Тринити осталась за столом. Перед ней лежала запись о мёртвом войске. Она сложила лист, открыла снова и позвала служанку. Попросила перенести следующий разговор на утро. Обычно так не делала, и служанка посмотрела на неё внимательнее.

Каштановые волосы служанка собрала под простым платком; возле виска выбилась влажная прядь.

— Вам дурно?

— Я устала. Просто оставь меня ненадолго.

Тринити положила ладонь на живот. Теперь она уже знала, что после той последней ночи осталась не одна. Трост не получил этой вести. Сначала мешали война и расстояние, потом пришедшие рассказы сделали сам вопрос, куда писать, почти невозможным. Она могла послать человека искать знамя. Не могла обещать ему, что он вернётся, и не знала, кого он встретит в конце.

Позднее, когда родился сын, весть о Драевиле уже перестала быть новой. В Толленград по-прежнему

приходили люди с дорог, мэр принимала решения, у складов спорили о товарах. Несколько дней эту работу вели без неё. Тринити лежала у окна, где на подоконнике поставили чашу с тёплой водой, и смотрела на ребёнка.

Мальчик сердился, когда его пытались завернуть теснее. Высовывал руку, открывал рот, требуя внимания, хотя только что успокоился. Тринити устало рассмеялась и позволила ему освободить кисть. Маленькие пальцы сомкнулись на краю её рукава.

На маленькой голове темнел мягкий пушок; сморщенное лицо краснело всякий раз, когда мальчик сердился.

Пришедшая женщина спросила, нужно ли кому-нибудь отправить известие. Тринити посмотрела на приготовленную бумагу. Там оставалось место для имени человека, которому следовало сообщить первым.

Пришедшая была русой, с усталым лицом; рукава простой одежды она подвернула, чтобы не намочить у чаши.

— Пока никому, — сказала она.

Женщина не стала расспрашивать. Поправила одеяло, забрала пустую чашу и вышла. Тринити подвинула ребёнка ближе, чтобы его не тянуло от окна. Она знала имя его отца. Оно не изменилось от того, что о нём теперь рассказывали на дорогах. Но прежде, чем сын сможет услышать эти рассказы, ему предстояло научиться держать голову, узнавать её голос и жить в городе, который ещё мог выбирать собственное завтра.

Трост так и не узнал, что у него родился сын.

* * *

В одном из городов ВАГГ для испытания очистили дальний двор. Отодвинули телеги, убрали людей от ворот и поставили у стены толстую доску. Мастер несколько раз потребовал, чтобы никто не подходил сбоку. Ему возразили, что пришли смотреть именно на работу, а не стоять за спиной. Он ответил, что иначе работу сегодня не покажет.

Мастер был невысоким, широколобым; редкие волосы густо тронула проседь. Закопчённые пальцы оставляли тёмные следы на рабочем фартуке.

Оружие вынесли завёрнутым в ткань. Длинный ствол лежал на дереве; вся вещь выглядела слишком тяжёлой для удобной дороги и слишком дорогой, чтобы обращаться с ней как с обычным солдатским копьём. Мастер поставил её на приготовленную опору, проверил положение и велел ждать.

Первый мушкет стоил собравшимся немалых денег. Один из плативших уже успел напомнить об этом дважды. Теперь он стоял под навесом, щурился на доску и старался не показывать, что боится внезапного треска.

Он был полным, с коротко подстриженной бородой; обветренное лицо никак не удавалось удержать спокойным.

Когда выстрел прозвучал, он всё-таки пригнулся. Над оружием повис дым. Мастер отступил, удерживая его обеими руками; помощник тут же хотел подойти, но получил приказ ждать.

Светловолосый помощник был заметно моложе мастера; непослушная прядь упала на лоб, когда он остановился.

К доске отправились только после разрешения. В ней зияло свежее отверстие. За стеной двора залаяла собака,

прибежал испуганный работник из соседнего дома и начал ругаться. Плативший за работу не отвечал ему. Пальцем потрогал разорванное дерево, посмотрел на мастера.

У работника были широкие загорелые руки; на его простой одежде осела свежая пыль. Плательщик смотрел на мастера, не отвечая на ругань.

— Ещё раз сможешь?

— Смогу. Не сейчас же.

— И сколько таких сделаешь?

Мастер назвал то, что требовалось для следующего. Собравшиеся заговорили одновременно. Кто-то потребовал уменьшить цену, кто-то уже считал, где можно найти нужного работника. Мушкет снова завернули и унесли под крышу.

Пока существовал один дорогой образец, пробитая доска и люди, решавшие, хватит ли у них денег продолжить. За воротами двора город жил обычным днём: грузили товар, чинили колёса, выясняли, какая дорога сегодня безопаснее.

* * *

Третий уходил на север ещё тогда, когда в столице продолжали делить уцелевшие улицы. Колонна двигалась медленнее, чем мог бы идти один Трост. Приходилось нести Октавия, помогать тем, у кого разрушались повреждённые тела, искать путь мимо населённых мест. Легат не объявлял каждый новый обход временной задержкой перед возвращением.

На одной из стоянок центурион спросил о брате, оставшемся у заставы. Трост ответил, что после той дороги ничего о нём не слышал.

— Я мог бы повернуть, — сказал центурион. — Там недалеко было, когда выходили.

— Мог.

— И прийти вот так.

Он показал на ткань у горла. Трост поправлял ремень носилок и не сразу поднял голову.

— Ты всё ещё его брат.

— Это он сам должен решить, когда увидит. Не ты за него.

Трост оставил ремень. Хотел сказать, что да, именно так, но центурион уже пошёл к остальным. Он не свернул с дороги. Причины оставил при себе.

Людей становилось меньше. Одни тела не выдерживали новых повреждений. Кто-то останавливался у развилки и говорил, что дальше не пойдёт. Трост спрашивал, нужна ли помощь, и не возвращал силой тех, кто мог ещё выбирать сам. Уходившие не становились от этого живыми. Их дальнейшей дороги он не знал.

Октавий оставался неподвижным. На остановках Трост проверял, не натёрли ли ремни шею, не сместилась ли ткань возле металла. Иногда произносил его имя. Не требовал ответа, просто не хотел, чтобы вокруг тела говорили только «нести» и «переложить». Никто не спорил с этим вслух.

Кодекс шёл рядом с ним. Когда удавалось укрыться от сырости, Трост раскрывал книгу и добавлял тех, кого смог назвать. Он не записывал рядом, что теперь всё исправлено, потому что виноватые остались за спиной. В списках были его собственные приказы, даже если на странице стояли только чужие имена.

Дорога постепенно теряла следы обычного движения. Реже попадались починенные мостки, исчезли дворы, где меняли лошадей. Земля впереди была серой, каменистой;

ветер гнал низкую пыль, забивавшуюся в края доспехов. Те, кто помнил рассказы об этих местах, замедлялись прежде остальных.

Трост остановился у последнего подъёма. За ним начинались Серые земли. Он не видел оттуда ни города, ни обещанного убежища. Только дальнюю неровную полосу, в которой дорога скоро переставала различаться.

Знамя принёс солдат со сломанной рукой. Ткань давно порвалась по краю; чёрное поле посерело от пыли, белые и красные знаки ещё можно было узнать. Он упёр древко в землю, ожидая приказа.

Трост проверил носилки. Поддержал голову брата, пока носильщики поднимали край, затем встал рядом. Октавий не открыл глаз и не подал знака, что слышит.

— Идём, — сказал Трост.

Легион начал подниматься. Люди проходили мимо него по одному, придерживали товарищей, переступали через осыпавшиеся камни. Трост пошёл возле носилок. Последнее знамя Третьего поднялось над краем дороги и двинулось в Серые земли вместе с ними.

* * *

Орк остановился. В очаге давно прогорело верхнее полено. Его край осыпался, открыв красные угли. Гость смотрел на них, пока рассказчик не потянулся за кочергой.

— Он хоть раз собирался вернуться к ней? — спросил Гость.

Орк положил кочергу на камень.

— Я не могу пересказать тебе каждую его мысль. После отъезда они не виделись.

— Это я понял.

Гость поднялся. Прошёл к двери, тронул засов, но не открыл. В тесной хижине нельзя было отойти настолько, чтобы перестать слышать другого человека. Он вернулся к столу и опёрся на спинку стула.

— Она могла сказать мне.

— Могла.

— Ты опять ответишь, что мне надо спрашивать у неё?

Орк посмотрел на него.

— А ты хочешь, чтобы я придумал за неё ответ?

Гость провёл рукой по волосам. Потом сел, отодвинув стул чуть дальше от стола. Он уже не пытался представить отца человеком, который появился бы у дверей Толленграда и объяснил всё одной долгой беседой. В услышанном оставались командир, покинувший своих у реки, человек рядом с Тринити, брат, вынесший тело из дворца. Все они носили одно имя, и выбрать себе только одного было невозможно.

— Данко, — сказал он.

Орк поднял голову.

— Меня зовут Данко. Ты всё говоришь так, будто я ещё просто зашёл послушать.

— Данко, — повторил Орк.

Данко коснулся края Кодекса. Не открыл, только провёл пальцем по потёртой коже. Эта книга была у отца, у деда, которого он никогда не видел, а теперь лежала на столе перед Орком. До следующего вопроса оставалось одно движение губ, но он пока не произнёс его.

— После Серых земель ещё что-то было, — сказал он вместо этого.

— Было.

Данко посмотрел на дверь. Там оставались дорога и возможность уйти с той частью рассказа, которую уже

услышал. Он больше не мог назвать её чужой историей и забыть имена до следующего вечера.

— Тогда я останусь, — произнёс он. — Хочу знать, что стало с отцом.

Орк встал за сухим поленом. Данко подвинул стул ближе, освободил место возле очага и сам поднял кочергу. Уголь рассыпался под её концом. Он собрал жар, чтобы новое дерево принялось быстрее, затем вернулся к столу.

Кодекс лежал между ними. Данко положил рядом ладонь и дождался, пока Орк снова сядет.